Анатолий Орлов

У леса тайны есть свои

Рассказы
Повести

ИРОСО

Издательство ИРОСО
Южно-Сахалинск
2014

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
О 66

Художник Владимир Спицын

Орлов, А.М.
У леса тайны есть свои: [рассказы, повести]. – Южно-Сахалинск: Изд-во ИРОСО, 2014. – 308 с.

Имя Анатолия Михайловича Орлова хорошо знакомо сахалинскому читателю по его книгам рассказов, очерков, стихотворений об уникальной островной природе.

В книгу «У леса тайны есть свои» вошли уже известные повести «Кабаржонок Пим», «Сага о вишнёвом лососе», «Анивская пленница», рассказы, написанные в разное время, а также новая повесть «Лес – дело тёмное» – продолжение повествования о времени и о себе, начатого в повести «Тропинка в детство».

ISBN 978-5-905078-79-8

© А.Орлов, 2014
© В. Спицын, 2014
© Издательство ИРОСО, 2014

Таёжный спектакль

рассказы

Находки в дровах

Мне привезли с лесосеки машину дров.

Осталось только попилить и сложить в сарай на зиму.

Работа тяжёлая, но очень любопытная.

Вот в развилке берёзовых стволиков зазеленела хвойная веточка.

Присмотрелся, а это небольшое, размером с карандаш, хвойное дерево.

Ёлочка-путешественница.

Ветер-почтальон не смог доставить семечко из еловой шишки на землю.

И затерялось оно в лабиринтах берёзовой кроны, чтобы прорасти в развилке двух стволиков.

Питания крошечному сеянцу хватало.

Влаги тоже.

А вот что потом было бы?

Известно, что потом...

Но ёлочке повезло.

Шанс один на миллион.

Из воздушной квартиры во двор лесника попала.

Взял я берёзовую чурку с ёлочкой и прикопал на опушке леса.

Благо, что опушка к огороду примыкает.

Расти и глаз радуй!

Древесным лягушкам повезло меньше.

При колке дуплистой чурки вместе с трухой на землю вывалились.

Собрались зимовать, а тут такое испытание.

Отогрелись пучеглазые, осмотрелись и зашлёпали молча под кучу древесных отходов.

Укрытие надёжное, тепло и безопасно.

И до весны, до генеральной уборки во дворе вряд ли их кто побеспокоит...

Очередная чурка с коричневым наростом на коре.

Гриб-трутовик.

И не просто трутовик, а лечебный гриб-чага.

Взял топорик и отделил нарост от древесины.

Чай буду заваривать зимой.

Поработал какой-то час, а столько открытий!

Рэкетирша

Лиса на дорогу выскочила неожиданно, едва успел затормозить.

Длинноногая, поджарая, с длинным, как кнут, хвостом.

Холодные глаза, пронзающие насквозь, и ни капли страха в них.

— Ну что встали, а платить за проезд кто будет? — как бы говорил её взгляд.

О лисе, собирающей на этом участке дань с проезжающих машин, я слышал не раз.

Не верил.

И вот...

Жена уже успела перетряхнуть сумочку.

— Пусто...

Я проверил бардачок машины.

— Увы...

Кроме жвачки и яблока, ничего.

Бросил рэкетирше яблоко.

— Держи! Витамины.

Она смерила меня презрительным взглядом.

И ноль внимания на яблоко.

Дорогу явно освобождать не собиралась.

Грязная плеть хвоста нервно дёргалась на мокром асфальте.

Сзади засигналили.

Снял ногу с тормоза, машина подкатилась вплотную к лисе.

Лиса нехотя сделала несколько шагов в сторону.

— Проезжай, жмот, — читалось в её глазах.

— Лисонька, да у нас действительно ничего нет, — извиняясь, проговорила жена. — Мы уж в следующий раз...

В зеркало увидел, как из остановившегося микроавтобуса высыпали на дорогу дети.

В руках бутерброды, какие-то пакетики.

— Ну, вот! Эти заплатят и за себя, и за нас, — сказал я жене. — А мы в следующий раз чем-нибудь вкусненьким красотку побалуем.

Только следующего раза не было, хоть и возил я в бардачке машины приличный кусочек сала.

Может, кто-то обидел лису?..

Скорее всего, на нерест пошла осенняя кета, и пропитания ей стало хватать.

Тихая охота

Под белой берёзой среди двора появились грузди.

То ли ветер споры занёс, то ли я когда-то грибные отходы высыпал, но факт остаётся фактом.

Грузди растут.

Вот они — чёрные сочные розетки в толстой подстилке, среди пожухлой травы.

Каждый раз грибы появляются на свет Божий в своих маскировочных одеяниях.

Недосмотрел — перезревшие шляпки превращаются в труху.

Поспешил — перетоптал грибы в зародыше, когда они ещё не сформировались.

Маячок бы поставить рядышком с плантацией.

И Бог будто услышал мою просьбу.

На следующий год, в августе, под берёзкой маячок появился.

Кроваво-красного цвета.

Мухомор.

С округлой в белый горошек шляпкой.

Раз мухомор вылез, время и съедобным грибам на свет появиться.

И под моей берёзкой тоже.

Проверил.

Грузди как на подбор!

Один к одному.

Словно на красоту мухомора полюбоваться выползли.

Он среди них как сказочное диво.

— Ну, что, посмотрели? И хватит.

На то вы и грузди, чтобы лезть в кузов.

Только не спешите.

Всем места хватит.

А мухомор пусть растёт.

Собой любуется, других красотой радует.

Орланы рыбачат

На прибрежном льду рыбаки.

Все, как один, склонились над лунками.

Лиц в тумане не разглядишь, только капюшоны.

А лёд между тем медленно уносит в море.

Уже вода появилась между береговым припаем и льдинами.

Неужели так увлеклись, что опасности не замечают?

Окликнуть, но как?

Расстояние от дороги до них не менее сотни метров.

Но вот ближний рыбак взмахнул рукавами и... медленно полетел вдоль берега, сверкнув белым подхвостьем.

Вот те на!

Белохвостых орланов принял за рыбаков.

Хотя в туманной дымке и мышь может показаться великаном.

...В конце зимы в окрестностях города Холмска это явление обычное.

Пролив богат всякой живностью.

Вот и сидят птицы, зорко всматриваясь в даль.

Осенью в районе Ильинского, тоже на берегу пролива, встретил стаю более внушительных размеров.

Орланы готовились к перелёту на зимовку.

В более тёплые края, на Хоккайдо.

А эти патриоты.

И холод им нипочём, и голод.

...Зима подходит к концу.

Снег сойдёт, и разлетятся орланы по родовым участкам.

И будем наблюдать их парение в восходящих потоках...

Бескрайнее небо.

Огромные птицы.

Красивый и завораживающий полёт...

А пока орланы в тёмных накидках с ледяных торосов всматриваются в морскую даль.

Рыбачат.

О понимании

Чёрный дятел разворошил муравейник и улетел.

Оставил огромную дыру.

Муравьи в спешке перетаскивали яйца из разрушенного «роддома» в безопасные места.

Суетливо латали повреждённый купол.

На горизонте уже синели тучи.

Ветерок стал свежим и влажным.

Вот-вот пойдёт дождь.

Решил помочь друзьям леса.

Собрал разбросанные по земле хвоинки и веточки, осторожно положил на купол.

Когда материал под рукой, ремонт пойдёт куда быстрее.

Дыру прикрыл лопухами.

Пока муравьи восстанавливают внутреннюю структуру, сам муравейник будет надёжно прикрыт от дождя.

Среди снующих собратьев один муравей выделялся своей неподвижностью и осанкой.

«Вельможа, наверное», — подумал я.

Шарообразные глаза буквально буравили меня.

Всем своим видом муравей будто говорил: «Не верю я в добрые дела.

Всем что-то нужно от нас, успевай только отстраиваться заново.

А тебе что нужно, мил человек?

Говори, не стесняйся».

— Что стесняться?

Надо, чтобы вы жили.

Чтобы мы дружили.

Лес в чистоте сохраняли.

Друг другу доверяли.

Вот, наверное, и всё.

Ну а если хочешь плату предложить, не откажусь.

Грешен я, тоже люблю побаловаться муравьиным лакомством.

Зачистил ножичком еловый прутик и протянул муравьиному вельможе.

Изогнул муравей брюшко, и тотчас на прутике появилось несколько янтарных капель.

— Угощайся, заслужил, — застыл в поклоне вельможа.

— Спасибо, дорогой, и до свидания. У меня своих дел невпроворот.

Помощь потребуется — зови.

Мы же коллеги.

И не надо забор городить

В верховьях реки Урюм подбирали мы площади под лесные культуры.

Дорога шла по Камышовому хребту.

Самому высокому хребту юга Сахалина.

Справа море, слева море.

Весь юг как на ладони.

Места дикие, всеми ветрами продуваемые.

Кроме низкорослого березняка и молодых пирамидок стланика, никакой растительности.

Почва мелкая, копни на штык — камень.

Нелегко укорениться семечку на таком месте.

А молодой стланик бодрячком держится.

Изумрудные пирамидки к солнцу тянутся, новому дню радуются.

Попробовал выкопать одну.

Легко подалась, даже корневая система не повредилась.

Присмотрелся внимательнее и присвистнул.

Это не один, а целый пучок саженцев!

Не менее трёх десятков в пирамидке.

Но кто же автор такой красоты?..

Сеятели трещат растревожено, круги нарезают вокруг меня.

— Грабёж! Грабёж!

Кедровок можно понять.

Не без их помощи появилась эта кедровая роща.

И зелёные пирамидки будущего кедрача тоже.

Поэтому и считают здесь всё своим птахи...

В этом году опять урожай на шишки.

Тоненькие ветки стланика до земли прогибаются, чтобы лесным обитателям легче было их собрать.

Кого только не встретил в природной кладовой!

И белку, и бурундуков.

И даже медведя.

Он шишки вместе с хвоей поглощал, оставляя после себя измусоленные ветви стланика.

Ну и кедровок, конечно, — вон их сколько.

Они хранители кедрача, его слуги.

Здесь и питаются, здесь и запасы на чёрный день делают.

В защёчные мешки птичек до полсотни орешков вмещается.

И тайников на хребте у каждой труженицы — сотни.

По весне что-то найдут из спрятанного, что-то нет.

«Потери» очередными пирамидками проклюнутся.

Вроде той, что выкопал.

Я эти саженцы рассажу по периметру своей усадьбы.

Живая изгородь вырастет, — ни пройти, ни проехать!

Забор городить не надо!

А не хватит саженцев, приеду и ещё выкопаю.

Вон их сколько!

Думаю, простят птицы.

Я тоже этот лес охраняю.

Таёжный спектакль

Барабанщиков в тайге пруд пруди.

Дятел барабанит по сухой ветке.

То ли музицирует, то ли пропитание добывает.

Заяц на мартовском снегу, как барабанными палочками, стучит по промороженному пню.

И как стучит!

Профессиональные барабанщики позавидовали бы.

Нагулялся, нахороводился в заячьих плясках, теперь ледышки с лапок обивает.

Заячьи свадьбы в разгаре, и барабанная дробь звучит всё громче и громче...

А вот барабанящего бурундука увидел впервые.

Только что таскал орехи из рюкзака, а теперь сидит на бугорке, над схроном и барабанит.

Смотрит невинными глазами на хозяев, будто и кражи не было.

С чего, спрашивается, развеселился хвостатый-полосатый?

Удачную операцию отмечает?

Друзей собирает?

Орехов в рюкзаке много ещё.

Как бы не так!

Рыхлая почва на схроне привлечёт внимание праздношатающихся обитателей.

«Дай-ка, посмотрю, что там?» — подумает такой любопытный.

И посмотрит.

И плакали бурундучьи орехи.

А под барабанной дробью земля плотной становится, такой, какой и была.

И всё шито-крыто...

Вот и барабанит бурундук, утрамбовывая землю лапками.

Набарабанится, хвоинками и веточками прикроет землю, даже намёка нет, что здесь клад.

Да и сам бурундук до весны о нём забудет.

Снова тропку к рюкзаку набивает.

Новая победная дробь раздаётся рядышком.

Хозяева за такое зрелище готовы и дальше орехами расплачиваться.

Таёжный спектакль стоит этого.

Гостья из Арктики

Погода порой так переменчива.

То циклон налетит, то ветра, каких не ждали.

Вот и сбиваются пернатые с привычного пути.

Меня привлёк вороний галдёж у развилки реки.

Что-то серьёзное происходит, раз вороньё успокоиться не может.

Любопытство — слабость моя. Меняю маршрут.

На опушке леса средних размеров птица совсем из сил выбилась.

Только начнёт подниматься на крыло, чтобы вырваться из окружения, а вороньё вновь сбивает её на землю.

Долбануть посильнее старается.

Клювы у ворон — будь здоров!

Перья кровью пропитались, побурели...

Но луноликую арктическую сову ни с кем не перепутаешь.

Забили бы насмерть несчастную, если бы не вмешался в разборку.

И что делать с ней теперь?

Домой нельзя — несчастье, говорят, совы в дом приносят.

Оставлять тоже нельзя.

Вернётся вороньё.

Хотя и не видно, и не слышно их.

И чего это сумеречная птица днём путешествует?

Увезём-ка подальше в лес.

Вороньё глухомани не любит.

И оклемается птица, молодая ещё.

В домашних условиях может и не выжить.

Несколько лет назад селянин подобную находку приносил домой.

Тоже у ворон отбил.

И мышей для неё ловил.

И цыплятами пробовал кормить.

Тщетно.

Ушла в себя птица, окаменела...

Силы таяли...

Может, моей сове повезёт больше.

И реки могут гореть...

Пожар — он, как вампир, пьющий кровь живого леса.

По стланиковой лиственнице, по кочковатому болоту ненасытное чудовище скачет быстрее человека.

По осоке на пересохшем болоте идёт, не торопясь, как косарь.

Пламени и дыма почти не видно.

Только треск характерный, как от косы, — джиг, джиг...

Падает зелёная осока ровными рядами на дымящуюся подстилку.

Трудно его взять в таких местах.

Водой не зальёшь, так как жар глубоко в подстилку уходит.

Выльешь полранца на такую дымящуюся точку — кажется, погасло.

А пригреет солнышко как следует — и вновь закурится только что затушенный участок.

Но и у этого пожара есть ахиллесова пята.

Выскочит он к редкому березняку на возвышенность, где торфа поменьше, а значит, и питания тоже, здесь и ослабнет.

Как на этот раз у крошечной тропки.

Мы в этот день наоборот окрепли.

Силы на переход растрачивать не пришлось.

Чудо-тропка помогла, к пожарищу вывела.

И заградительным барьером встала.

К тому же рядом речка.

Хотя речки и до этого встречались.

Мы их планировали использовать как опорные пункты для отжига — встречного пала.

Планировали, глядя на карту.

Но в действительности речек не оказалось — они просто высохли.

И оторфованное русло их горело так же, как окружающая марь.

Сказали бы мне раньше, что реки могут гореть, не поверил бы...

Но в последние дни жара немного спала.

И даже такое символическое препятствие, как наша тропка, смогло сдержать огненное чудовище.

Нам остаётся только добить его.

Да дождаться дождя.

Без дождя эта неожиданная победа над стихией — ещё не победа.

И дождь пошёл.

Пошёл под вечер.

Все радовались от души.

Для вида недовольно ворчали: украл, паразит, у нас победу.

Даже отрапортовать времени не дал.

Попробуй теперь докажи, что огонь остановили сами!

Двойной тягой

Снял с морды собаки клеща.

В июле их только успевай снимать — дело обычное.

А вот клещ оказался необычным.

К разбухшему от крови брюшку матёрого паразита присосался совсем маленький клещонок.

Его маленькое тельце тоже начало раздуваться от собачьей крови.

И как назвать такое явление?

Материнская любовь?

Взаимовыручка?

Сыночек (или дочурка) самостоятельно не смог продырявить собачью шкуру, и на помощь пришла мамка.

Подставила брюшко любимому чаду.

А, может быть, всё совсем не так?

И я опять нафантазировал?

Как всегда, продолжаю очеловечивать представителей животного мира.

Может быть, этот заморыш из семейства членистоногих просто свалился с куста на себе подобного, среагировав на тепло пробегавшей собаки.

И сработал инстинкт, которым его наделила природа.

Может быть...

Но так хочется, чтобы и у них было всё, как и у нас, — и материнская любовь, и взаимовыручка.

Танцующий залив

Ракушку в Анивском заливе добывают, танцуя под мелодию набегающих волн.

Пятка танцующего глубже и глубже ввинчивается в морской ил.

До тех пор, пока не наткнётся на хитиновое покрытие ракушки.

Дальше — просто.

Можно нырнуть, придерживая ракушку пяткой.

Можно попытаться достать рукой, если не очень глубоко.

А можно сачком.

Вытащил — и в садок её. И снова танцуй!

Ракушки поменьше добывают с помощью лопаты по отливу.

Калорийное блюдо готовят прямо на месте.

Почистил ракушки, промыл, уксусом сбрызнул немного — блюдо готово.

Извольте кушать!

Добавки захотелось — нет проблем.

Снова в залив и снова танцуй.

Танцуй до посинения.

Под шум морской волны.

Квартиранты

Открыл входную дверь, и с пола, звякнув собачьей миской, взлетел поползень.

Ударившись о стекло оконной рамы, он тщетно пытался вырваться на свободу.

Поймать его не составило труда.

Зажав осторожно птицу в ладони, вынес на улицу.

— Лети!

И птица скрылась в морозной дымке зимнего сада.

Собака настороженно следила за моими действиями.

Зимой веранда — излюбленное место пса.

На ней не так холодно, нет снежных заносов, хороший обзор. Что ещё нужно собаке, несущей нелёгкую службу?

На следующий день история повторилась.

Открываю дверь, и опять с собачьей миски взлетает поползень.

И опять бьётся в оконное стекло.

Вновь выношу незваного гостя на улицу...

На третий день птица уже не торопится бежать — привыкла ко мне.

Успевает поклевать что-то в миске, прежде чем взлететь.

Летит не к окну, а в угол веранды, где и садится на бельевую верёвку.

Пёс внимательно и с симпатией провожает её взглядом.

На верёвке уже сидит ещё одна птица, — наверное, подружка нахала.

Тут я понял, что птичье семейство на зимнее время «сняло квартиру» у моего пса, и пока уходить из неё не собирается.

Собака для них специально оставляет еду в миске.

Успели подружиться, и ей не так скучно коротать с друзьями время.

Не стал мешать.

Квартиранты полезные.

Летом эта парочка день за днём, до самой темноты челноком сновала по стволикам плодовых деревьев, выискивая в трещинах коры насекомых.

То же самое будут делать и следующим летом — детей-то надо кормить.

Пёс понял ход моих мыслей и преданно застучал хвостом по полу.

«Квартиранты хорошие, отработают», — излучали его глаза.

— Не сомневаюсь, — сказал я и потрепал собаку по загривку.

История с лисом

Ребята ушли на полевые работы, а я за сторожа остался в палатке.

Посуду вымыть, дров наготовить, за лагерем присмотреть, — у сторожа дел много.

Солнце с раннего утра жарить начало.

Вот и разомлел я.

Уснул.

Проснулся от позвякивания посуды.

Оказывается, у меня гость.

В углу палатки, у самого входа, где ждали мытья алюминиевые миски, хозяйничает молодой лис.

Часть посуды до блеска вылизана, над остальной ещё колдует лесной пришелец.

Смотрю, рядом с рюкзаком рассыпанные банки тушёнки, каш...

Пришелец и рюкзак успел проверить.

Чувствовал, что в них съестное, но как открыть...

Увидев, что я смотрю на него, слегка смутился и нехотя вышел.

— Подожди, не торопись, — крикнул ему вдогонку. — Раз уж пришёл, гостем будешь.

И надо же, понял меня хитрован.

Остановился недалеко, ждёт.

Остатки каши, выложенные на огромный лопух, съел, и кусок сахара — на десерт.

А я с кружкой чая пристроился на замшелый пень.

На пару завтракать веселей.

— Ну что, может, теперь и поговорим?

Гость оказался неразговорчивым.

Удалился по-английски.

Тихо, незаметно...

Я снова разомлел на солнышке.

Проснулся, когда ребята на обед пришли...

Проснулся и долго не мог понять, история с лисом — это сон или явь?

В углу у входа в палатку лежали два задавленных кем-то мышонка...

Белка-бомж

Под оглушительный рёв бензопилы последнее дерево затрещало в комле и рухнуло в снег, подняв огромное облако снежной пыли.

При падении из густой кроны ёлки выпрыгнула белка в дымчатой шубке.

Прямо в чистое небо.

Долго летела, пока не приземлилась на чудом сохранившуюся при лесоповале берёзку.

Может быть, в кроне этого дерева находилось её гайно, её дом.

Где всегда можно укрыться от всяких неожиданностей, переждать непогоду, отдохнуть.

Где, может быть, и на свет появилась.

Теперь нет ни хвойника, ни родного дерева.

Значит, и дома нет.

Белка — бомж.

Не думаю, что её ждут там, где ещё сохранились хвойные леса.

В природе всё поделено.

И своё место под солнцем приходится завоёвывать с боем.

Из хрупкой белочки какой вояка?

Конечно, года через три здесь вновь появится лес.

Молодые ели или пихты, высаженные на вырубке лесниками.

Но прежде чем вырастет настоящий хвойник, пройдёт не менее полсотни лет.

Белки столько не живут.

Не дождаться ей помощи.

Каждый раз, когда вижу такую картину, сжимается сердце.

Хочется помочь лесным обитателям.

Но как?

Комар носа не подточит…

О бурундуках можно столько историй рассказать — за день не переслушаешь.

Надоест.

Расскажу ещё одну. Может, понравится.

Небольшую плантацию кукурузы посадил рядом с картошкой.

Вырос корнеплод, убирать начал.

Тихо кругом, ни один листок не шевельнётся.

И вдруг за спиной шуршание, как накатывающаяся волна.

Глянул, а по убранному картофельному полю цепочка бурундучков катится.

Целый взвод.

Хвосты столбиками, ножки, как спицы в движущемся велосипедном колесе.

Потеха.

Докатилась цепочка до кукурузы и сразу на звенья распалась.

Каждому бурундучку свой стебель с тугими початками достался.

Всё синхронно!

Пошуршало кукурузными листьями минутку бурундучье войско — и нет его.

Будто приснилось.

Подошёл к кукурузным рядкам.

Початки на месте.

Такие же объёмные.

Листьями, как прежде, прикрыты.

Так зачем же приходили бурундуки?

Может, какое-то ученье шло...

Глава семейства деток обучал...

Всё может быть.

Но для очистки совести решил один из початков распеленать.

На увесистом основании ячеистый стержень да несколько недоразвитых зёрнышек у основания.

Раскрыл второй початок — тот же результат.

Третий — то же...

От восхищения даже присвистнул — настоящие карманники-щипачи.

Комар носа не подточит.

Вот тебе и учение!

После дождя

В поисках краснокнижного растения иногда полтайги обойдёшь, а тут само под колёса лезет.

Надо же — пион вырос прямо на обочине дороги.

Его ярко-красные бутоны так и семафорят водителю — осторожно, голубчик, живые создания перед тобой!

И не просто живые, а краснокнижные.

Пион обратнояйцевидный — большая редкость в лесах Сахалина.

Настоящее их украшение.

Из сумеречного лес становится праздничным и привлекательным.

В букете пион не стоит долго.

Сразу вянет и превращается в сено.

Так что срывать цветы не стоит.

Пересадку тоже не переносит.

А я срывать и не собирался.

И о пересадке не думал.

Просто подошёл поближе полюбоваться.

Нагнулся, чтобы лепестки потрогать, и отпрянул.

На песчаном отвале обочины, рядом с цветком, большая змея.

Надо же, свои сокровища таёжные духи без охраны не оставляют!

Отошёл в сторонку, чтобы не тревожить грозного сторожа.

Змея, конечно, появилась здесь неслучайно.

Каждый цветок пиона нектаром пропитан.

Вот и льнут к нему мухи и другие насекомые.

Среди них, как и среди человеческого люда, раззяв хватает.

Есть чем питаться пресмыкающемуся.

Спит змея после сытного обеда.

После дождя дорога раскисла.

И колея стала шире.

Ещё неделя дождей, и колёса машин будут касаться цветка.

Никакая охрана не поможет.

Пришлось гнать с лесосеки бульдозер и прокладывать дорогу в обход.

Не у всех на лесосеках такая красота растёт.

Синоптики

Каждый год я на огороде высаживаю десятка три подсолнухов.

И никогда урожай не убираю.

Для красоты растут солнечные растения.

И этой моей слабостью стали дрозды пользоваться.

Каждую осень, перед отлётом на юг, обязательно из леса на мой огород заглядывают.

Как снег на голову.

Были семечки — нет семечек.

Солнечные головы сразу никнут.

Во дворе и в огороде сразу становится неуютно.

Холодком от всего веет.

Несмотря на откровенный грабёж, гостям я рад и даже благодарен.

Они вовремя напоминают, чтобы готовился к зиме.

И я готовлюсь.

Через недельку обязательно первый снежок выпадает.

Когда знаешь время прихода зимы, встречаешь её легко.

И всё благодаря дроздам, для которых я каждый год сажаю подсолнухи.

Исход

В начале лета в бассейне реки Сёмги я встретил крохалей.

Мама-утка деловито вышагивала по колее лесовозной дороги, потряхивая кисточкой перьев на затылке.

За ней, как бусинки на ниточке, перекатывались едва оперившиеся утята.

На горных реках выводки не держатся на одном месте.

Они постепенно спускаются вниз по течению в поисках корма.

С первых недель жизни хорошо плавают, хорошо справляются с быстрым течением.

В совершенстве владеют искусством ныряния.

Одним словом, в воде как дома.

Но уточка почему-то решила передвигаться не по водной глади, а по лесовозной дороге.

Это так опасно!

В воздухе постоянно барражируют белохвостые орланы — хозяева здешних мест.

У них тоже дети, и их надо кормить.

Но уточка всё же решилась на отчаянный шаг.

Наверное, обезрыбела река.

Вот и повела мамаша своё потомство прямым путём к большой реке.

Опасно, но быстро.

Лесовозу, на котором я ехал, пришлось несколько раз притормаживать, чтобы мамаша могла благополучно довести свой выводок до низины.

Там при перемещении грунта бульдозером образовалось небольшое озерцо.

Даже в кабине машины было отчётливо слышно хлопанье крылышек разбежавшихся по воде утят.

Недавно на этом месте встретил ещё одного путешественника.

По укатанной лесовозами колее спускался медведь.

Худющий, длинноногий, с чёрной, слежавшейся шерстью.

Услышав рокот за спиной, он нехотя повернулся.

Смерил нас мутным взглядом и опять, не торопясь, понуро побрёл по колее.

Сразу было видно, что медведь голодный, и до того ему это осточертело, что жизнью он уже не дорожил.

Но я не охотник.

Зачем мне чужая жизнь?!

Добро пожаловать!

Редко какое деревянное строение на селе не заселено бумажными осами.

Мои — не исключение.

Порой от такого соседства столько неудобств!

Каждый день выгоняю машину из гаража.

Каждый день загоняю её обратно.

Сегодня густой рассерженный гул нарушил привычный режим.

Глянул вверх — над лобовым стеклом с потолка свисает огромный бумажный шар.

А на нём шевелящийся комок рыжих ос, или как их иначе называют — шершней.

Народная молва гласит, что три крылатых флибустьера лошадь с ног сбивают.

Я не лошадь, да и ос на белёсом шаре на порядок больше.

На помощь им из зияющего лотка в нижней части шара готовы выползти ещё столько же.

Так что уложить меня много времени не потребуется...

Соседство прямо-таки пренеприятное, но не оставлять же машину на улице?

Вспомнил азы биологии и решил — будь что будет...

Меня они по всем канонам трогать не должны.

Ведь я для них, как и машина, и прочие гаражные атрибуты, — просто окружающая среда.

И пока эта среда не агрессивна — не будут агрессивными и осы.

Я даже попытался установить с ними контакт.

Угостил сиропом.

Поставил на полочку блюдце и удалился.

И хотя основное питание рыжих ос насекомые, побаловать себя нектаром они тоже не прочь.

Презент от меня приняли.

Угрожающе жужжать при моём приходе перестали, хотя парочка крылатых воинов постоянно сопровождала меня.

По моим подсчётам, в шаре из личинок вот-вот должны появиться молодые осы.

Не рабочие, а продолжатели рода.

Но природа дала сбой.

В конце сентября ударил мороз.

Явление для юга Сахалина довольно редкое.

Во второй половине дня перед заморозком я заметил необычное оживление в шарообразном доме.

Просвечивающую белёсую бумагу рабочие шершни спешно усиливали тёмно-коричневыми латками.

Если гнездо было построено с помощью слюны из бумаги, полученной расщеплением гнилой древесины, то на изготовление латок пошла кора близстоящей берёзы.

Технология изготовления та же, зато за компонентами далеко летать не надо.

Утром после заморозка шар казался безжизненным.

На полу лежало несколько погибших ос.

Погибли при исполнении — чем не мужество?

Через неделю в бумажном шаре появилось потомство — несколько десятков молодых ос в блестящих хитиновых нарядах.

Им не до контактов со мной.

У них предназначение особое — они продолжатели рода.

У них период свадеб.

После спаривания самцы погибнут.

Так распорядилась природа.

Самки начнут подыскивать укромные уголки, где можно перезимовать.

Чтобы весной повторить весь цикл сначала.

Бумажный шар висит в гараже пустой.

Как украшение.

С ним гараж чуточку уютней.

И я не боюсь больше рыжих ос.

С удовольствием приму их весной.

Мы снова будем друзьями.

Так что, добро пожаловать!

Топ-топ

Под ногами листья дуба, берёзы...

Ноги по щиколотку утопают в сухой подстилке.

И ни одного кустика бамбука под ногами.

Сквозь голые ветви деревьев далеко просматриваются приземистые сопки...

Пересохшая листва под ногами каждый звук усиливает, как резонатор.

Далеко всё слышно.

Останавливаюсь. Прислоняюсь спиной к дубку.

Красотища-то какая!

И тишина. До боли в ушах.

Вдруг в этой звенящей тишине громкое «топ-топ»...

Какой-то тяжеловес мне навстречу идёт...

Всматриваюсь в осеннюю синеву и ничего не вижу...

А «топ-топ» всё ближе и ближе. Беспокоиться стал.

Только когда расстояние между мной и «топтуном» сократилось до нескольких метров, увидел источник своего беспокойства.

Им оказались обыкновенные белки. Две чёрные, как смоль, белки.

Совершенно вылинявшие, приготовившиеся встречать зиму.

Двигаются рядком и прыгают поочерёдно от избытка чувств.

Сытые, довольные, шёрстка лоснится.

Откормились на дубовых жёлудях.

Белкам нравится взрывать тишину.

Вот и прыгают в своё удовольствие, наслаждаясь прекрасной погодой.

Я не стал выдавать своё присутствие.

Замер, пропуская мимо расшалившихся подружек.

Зима не за горами. А зимой не до развлечений...

Искупался

Сюда, в устье ручья Козловского я прихожу купаться.

Воды в Лютоге в августе немного, а перед устьем ручья глубокие прохладные ямы.

Купайся — не хочу.

Сегодня же в этих ямах черным-черно от спешащей на нерест горбуши.

Небольшой косяк устроил привал перед дальней дорогой.

И в ручей наверняка хотел зайти, где спасительная прохлада.

Да устье ручья замыло...

Помочь решил.

Не поленился за лопатой сходить.

За час прокопал узенькую канавку.

А дальше фарватер ручей сам размоет...

Дело закончил и расстроился.

Не оценила горбуша работу.

Муть от моей копани заставила косяк покинуть место отдыха.

Кроме подкаменщика, на дне ямы никого.

Да и он бы на свет Божий не появился до темноты.

Спокойно отдыхал бы, зарывшись в донную гальку.

Горбуша подкаменщику не помеха, у него сумеречный образ жизни, да и рацион питания другой.

А вот моё купание...

В яме подкаменщику и без моего фарватера было комфортно.

Потревожил его одиночество, плескаясь и переворачивая ногами гальку.

Вряд ли он оценит мою работу.

Застыл в сторонке за огромным валуном и терпеливо ждёт, когда непрошеный гость покинет его пенаты...

Мамаша

Кукушка сливалась с вершинными ветками яблоньки, так что заметил её только тогда, когда птица спорхнула вниз.

Вниз, на полусгнившую чурку, чтобы ухватить жирную мохнатую гусеницу с нависшей над ней травинкой.

Сидя на чурке, кукушка завтракала.

Огромная гусеница извивалась, никак не хотела лезть в раскрытый клюв.

Но круговыми движениями головы, как в воронку, кукушке удалось протолкнуть добычу.

По ястребиной тельняшке прошла судорожная рябь.

Была гусеница — нет гусеницы...

И вот кукушка вновь на вершинке яблоньки.

Со стороны разлапистых пихт раздалось раскатистое «ку-ку».

Самец кукук звал на свидание.

Но моя гостья молчала.

Самки кукушки по природе неразговорчивы.

Да и куковать не могут.

Это привилегия самцов.

Её крик больше напоминает сиплый хохот или булькающую трель.

В зависимости от ситуации.

Моей гостье сейчас явно не до разговоров.

Наверняка выбрала жертву из певчих птиц, которыми густо нашпигованы ивовые заросли.

И теперь пасёт её.

Пичуги, в отличие от меня, давно заметили разбойницу.

Но на дворе весна.

Гормоны играют.

Всё цветёт и благоухает.

Не до осторожности.

Резко сорвавшись с вершинки, кукушка бесшумно, на бреющем полёте, прошлась над ивняком.

Дождалась...

Намеченная жертва покинула гнездо.

На несколько минут.

Чтобы подкормиться.

А кукушке и этого достаточно, чтобы подкинуть своё яйцо в гнездо раззявы.

На вершинку яблоньки кукушка уже не вернулась.

Очередное яичко она будет пристраивать в другие гнёзда.

Предварительно наметив жертву и изучив её повадки...

А пока с вибрирующим хохотом кукушка растворилась в пихтаче, откуда совсем недавно раздавалось призывное «ку-ку».

Голос у немой гостьи прорезался на лету.

Она спешила на свидание.

Спасительная лесенка

Мой пёс цепи не знает.

Жалко на цепь сажать.

Детство у него в приюте «Кот и Пёс» прошло.

Может, поэтому многое псу и прощается...

Был он ростом и весом в половину прежнего дворового сторожа Мухтара.

Раз так, в половину приёмыша и окрестил — Тар.

В разгар лета, несмотря на жалость, Тара пришлось посадить на цепь.

Грядки у соседей стал мять.

Пристегнул карабин на ошейник проштрафившегося пса, ведёрко с водой рядышком поставил...

Жара-то на улице под тридцать стоит.

Как бы солнечный удар не случился.

И уехал в город.

Вернулся, — сразу к четвероногому другу.

Самочувствие проверить.

С ним все о'кей.

А в ведёрке с водой десятка два молодых шмелей барахтаются.

Вылил воду в траву, чтобы спасти бедолаг, а псу свежей налил.

Через час зеркало воды вновь молодыми шмелями покрылось...

Жажда, что ли, мучит их?

Старые шмели в это время на грядках лука кучкуются.

В голубых цветущих шарах его.

Мясистых, сочных.

На клевер, что рядом растёт, ноль внимания.

Клеверные головки от жары сами поникли, то ли дело — лук.

Молодые шмели в омут с головой бросаются, то бишь в ведёрко...

Что же мне теперь с псом делать?

И с соседями отношения портить не хочется.

И молодых шмелей жалко.

Где ещё таких опылителей растений найдёшь?

Думал-думал и выход нашёл.

Два лопуховых стебля как лесенку в ведёрко опустил.

И вода меньше в ведёрке нагревается.

И шмели по лопуховой лесенке на свободу всегда могут вырваться.

Животноводы

Много разных деревьев произрастает у меня на усадьбе.

И у каждого дерева своя история.

Дубки посадили молодые экологи.

Нашлось во дворе место и рябинкам, что остались после озеленения лесничества.

Лианки лимонника, оплетшие забор, — подарок от птиц.

А три ясеня-красавца, выросшие как по линейке, — от ветра.

Крылатые семечки принёс он к моему забору несколько лет назад.

Вот и проросли меж штакетин.

Теперь молодые деревца выше человеческого роста, я даже подкармливать их стал.

В один из июльских дней подхожу к своим ясеням, а у них листья в жгуты скручены.

И каждый лист густо зелёной тлей осыпан.

Понятно, чьих рук дело.

Животноводческую ферму древесные муравьи разбили.

Тлю, как коров, разводить начали.

Уж очень муравьи на молочко этих насекомых падкие.

Тоже мне — животноводы!

Погибнут деревца, если не помочь.

Безжалостно оборвал все закрученные листья с начинкой.

Ветки мыльной водой обработал.

Полил, подкормил как следует.

Ожили к осени и даже солидный прирост дали.

На следующий год опять нашествие тли.

Не отказались муравьи от своей затеи.

Ну, тут кто кого!

Лечить не деревья надо, а дом, где поселились муравьи.

Заменил повреждённые брусья.

Антисептиком обработал.

И «животноводы» ушли.

Благодарные ясени так в рост пошли, что любо-дорого смотреть.

Теперь они украшение усадьбы.

Когда не хватает ласки

Между старым сараем и гаражом участок земли — сам чёрт ногу сломит.

Через древесный хлам, густо поросший ежевикой, не пройти, не проехать...

А разобрать всё руки не доходили.

Но пришло время взяться и за эти авгиевы конюшни.

С помощью граблей, секатора и лопаты стал наводить порядок.

Как-никак собственность.

Её держать надо в надлежащем виде.

На отвоёванном от мусора пятачке разжёг костёр.

И всё, что горит, — в него...

Округу заволокло дымом.

За штакетным забором заметил мельтешение.

Крыса?

Бурундук?

Никак погорельцы на дым сбегаются?

Потревоженный зверёк оказался лаской.

Миниатюрная ласка, застыв столбиком, смотрела на меня сквозь просвет штакета умоляюще и с укором.

«Что же ты делаешь, мил-человек? Что же ты дом мой рушишь? И кто тебе на это право дал?» — читалось в её встревоженных глазёнках-бусинках.

По белоснежной манишке, как мне показалось, даже скатилась слеза.

«Уйду, пожалеешь!» — уже сверкало в глазах.

По-другому такой взгляд не истолкуешь.

И ведь ушла, совсем ушла.

Зимой следов её у сарая я больше не встречал.

Зима была затяжной и снежной.

Изголодавшиеся грызуны начисто выели малиновую аллейку за сараем.

И плодовые деревья рядом с нею.

С уходом ласки численность грызунов регулировать стало некому.

А на роль садовника они явно не годились.

И я понял, как саду не хватает ласки...

Под зимней радугой

Третий день над морем висит свинцовая пелена облаков, с седыми, снежными валами у горизонта.

Дунет с моря ветерок — обледеневшая земля моментально укутывается снежным одеялом.

Выглянет из пелены солнышко — и небо начинает сеять мелким-мелким дождичком.

Третий день сплошные переходы из зимы в осень, из осени в зиму.

Рядом с солнышком из свинцовой пелены выглянула радуга.

Короткая, теряющаяся в вылинявшей синеве неба.

Но по-летнему яркая.

Глядя на такие метаморфозы, трудно разобраться, что же это за время года стоит на дворе?

Виной всему море.

Прогрелось за лето и никак остывать не хочет.

Для вырвавшихся на охотский простор циклонов хорошая подпитка.

И пока море не замёрзнет, так и будут зима и осень перетягивать одеяло погоды друг на друга.

А мы, измученные гололёдом и слякотью, будем клясть непогоду самыми недобрыми словами.

Хотя и в ней есть своя прелесть.

Осенью мы часто мечтаем о скорой зиме.

Зимой мечтаем о том, чтобы быстрее снег растаял.

А тут в считанные часы мечты наши сбываются.

Зима — осень...

Осень — зима...

Как в калейдоскопе...

Выбирай на вкус время года и радуйся!

Такие перемены оскомины не набьют и ностальгию не пробудят.

Всё происходит очень-очень быстро.

А гололёд — так это пустяк перед таким преимуществом.

Древесные гормоны

Приближение зимы каждое дерево чувствует...

Вот и готовится к ней.

Абсцизовую кислоту в огромных количествах выбрасывает в листья.

Особый гормон, который в черешках начинает формировать отделительный слой.

Нет питания, нет тепла материнского...

И связь листочков с деревом, давшим жизнь, тает на глазах.

Тихо, грустно падают на землю, кружатся в холодной синеве...

Разносит ветер их по дорогам, скверам, паркам...

Шуршат щемяще под ногами прохожих...

Жёлтые, красные, фиолетовые.

С узорами и без...

Зелёных только нет.

Хлорофилл покинул листья с первыми заморозками.

И грустно, и радостно...

Грустят убелённые сединой старики.

Радуются дети и влюблённые.

Нравится им шуршать опавшей листвой.

У них тоже в это время начинают играть гормоны.

Только эти гормоны особые.

Гормоны радости, гормоны жизни.

А не смерти, как у деревьев поздней осенью...

Плюсовое дерево

От худого семени не жди хорошего племени, — гласит русская поговорка.

Что посеешь, то и пожнёшь, — дополняет её другая.

Вот и стараются лесники высевать на питомниках качественные семена.

Чтобы пустыри и гари здоровыми саженцами облесить.

Сохранить генофонд лесов российских...

И семена стараются собирать для этого с особых, элитных деревьев.

С плюсовых, по их терминологии.

У таких деревьев всё с плюсом.

Они и статью среди подружек выделяются.

И ростом на голову выше их.

И по диаметру, то бишь по толщине, толще на треть, как минимум ...

Я уже не говорю про урожайность.

С породистого, плюсового дерева не один мешок добротных шишек можно собрать.

Вот такое дерево и обмерял я с помощницей на бывшей лесосеке.

При разработке деляны лесозаготовители не тронули ёлочку.

Особую метку имело дерево.

И номер у ёлочки был свой.

И даже паспорт в картотеке.

Чем не модель?

Топором на неё не замахнешься.

Обмеряя необъятную красавицу, помощник таксатора, девица-гренадёр, статью ничем не отличающаяся от ёлочки, с завистью сказала:

— Вот если бы мужики так девичью породу ценили!

А то им девяносто — шестьдесят — девяносто подавай.

Глядишь, и у меня отбоя от женихов не было бы..

Ох, уж эти горе-строители...

Мой дом строители ставили, наверное, совсем не имея представлений о строительном деле.

Окнами и входной дверью на север.

В холода, в пургу, в ветродуй всё тепло из него выдувается...

Попробуй, натопи печь.

Недавно берлогу в тайге нашёл.

Пустую, правда.

Но важно не это.

Важно другое.

Входное отверстие — чело берлоги — строго на юг смотрит.

И от ветров защищено.

А строительного образования медведь не получал...

Знакомые охотоведы говорят, что все берлоги так строятся.

Старый медведь строит, или молодой, неопытный — без разницы...

Двери берлоги строго на юг выходят.

Чтобы приход весны можно было вовремя почувствовать, чтобы тепло не выдувалось.

И я бы хотел в своём доме приход весны своевременно почувствовать, и тепло в зимнюю стужу сохранить.

Но, увы...

Одним болотом стало больше

Не все, наверное, знают, что деревья своими корнями-насосами уровень грунтовых вод на определённой глубине поддерживают — комфортной для растительности.

Буйство растительности напрямую зависит от работы трудолюбивых деревьев.

Их бы холить и лелеять, а мы не уберегли.

Успел огненный петух по берегам таёжной речушки пробежать.

Огненным клювом каждое дерево пометить.

От белоствольных березняков только название осталось

Почернели стволики...

Листья пожухли...

И сразу ещё одна напасть на березняк свалилась.

На ослабленных деревьях тут и там грибные лепёшки появились.

Плодовые тела грибов-трутовиков.

В том числе и самого злейшего, которого мы фамильярно называем чагой.

Добить ослабленное дерево много времени не надо.

И засохли берёзки-осинки.

Остановили свою спасительную работу корни-насосы...

Некому уровень грунтовых вод регулировать.

Поднялась вода к поверхности, превратившись из живой в мёртвую.

Одним затхлым болотом стало больше.

Где пели птицы, теперь только лягушки квакают...

Чудо-буравчик

Каждая женщина старается скрыть свой возраст.

И многие пользуются этим.

Столько всего для модниц придумали.

Старушку от молодушки не сразу отличишь.

И у деревьев тайна возраста глубоко запрятана.

Его только по годовым кольцам можно определить.

Они в глубину дерева уходят, к сердцевине.

А ствол дерева ещё и корой прикрыт.

На коре, как бижутерия, слоевища лишайников и грибков...

Попробуй, определи на глаз!

Не определишь.

А если очень и очень надо?

Для этого у лесников есть свои хитрости.

Чудо-буравчик.

За считанные секунды его жало достигает сердцевины дерева, насаживая, как на шампур, древесину с годовыми кольцами.

Несколько секунд, и крохотный цилиндрик на поверхности.

Не ленись, считай годовые кольца, лесник!

Возраст кокетки-берёзки на твоей ладони.

На какой высоте шапка слетает?

На глаз определить высоту дерева очень трудно.

Поэтому часто рассказчик, побывавший в лесу, на вопрос отвечает:

— Деревья там! Глянешь на вершинки, шапка слетает.

А на какой высоте шапка слетает, уточнить не может.

Но, если захотеть, высоту дерева измерить нетрудно.

Ширину своего шага знает каждый.

Поэтому расстояние от дерева до места, где стоишь, найдёшь сразу.

Угол между этим отрезком и визуальной линией от глаза до вершинки дерева тоже определяется легко.

При помощи обыкновенного транспортира. Чем не угломер?

Дальше чистая геометрия.

Один катет известен.

С помощью угла легко находится точка пересечения гипотенузы (расстояние от глаза до вершинки) и второго катета.

Второй катет и есть высота дерева.

Правда, к нему нужно ещё прибавить свой рост — от земли до уровня глаз.

Видите, как всё просто.

Определить, на какой высоте шапка слетает, совсем нетрудно.

Грибы-хитрецы

Каких только грибов не бывает!

На чём только не селятся они.

На камне, дереве, пластмассе...

Живут в симбиозе с другими организмами.

Живут за счёт других организмов, пожирая их.

Оседлает такой гриб жучка или паучка, и расползается грибница по всему организму.

Пока не мумифицируется бедняга.

Значит, надо искать новую добычу.

Но это недальновидно.

Равносильно тому, чтобы рубить сук, на котором сидишь.

Но в грибном мире есть и хитрецы.

Такой гриб осёдланного насекомого не трогает.

Ждёт, когда его «конь» сам найдёт добычу.

И для себя, и для хозяина.

Оба питаются древесиной.

Оба зуб точат на сладкую, сочную пихту.

Только крошечному грибу самостоятельно не одолеть здоровое дерево.

Тут поддержка нужна.

В роли группы поддержки выступает осёдланный жучок-древоточец.

Изголодался он, пока искал добычу.

Но здоровую пихту и ему одолеть непросто.

Борется дерево, смолу выделяет, залечивая повреждения.

Смотришь, в смоляной ловушке жучок и погиб.

Но только не гриб-паразит.

На ослабленное борьбой дерево теперь он начинает атаки.

И побеждает.

Жучков, питающихся древесиной, в тайге много.

Тягловой силы для гриба, её пожирающего, предостаточно.

И усыхают пихтачи на Дальнем Востоке.

И остановить эту напасть очень сложно.

Огонь добывать можно и трением

Эта история случилась так давно, что едва вспомнил её.

После завершения отводов лесосек возвращались мы домой.

Восточное побережье центрального Сахалина всегда безлюдно.

Кроме дикого зверя, на берегу таёжной речки никого не встретишь.

А тут вдруг запахло дымом.

Обрадовались, — люди!

Где люди, там и транспорт может найтись.

И наша таёжная эпопея закончится.

Но к нашему разочарованию, у костра людей не оказалось.

Дымилось старое поваленное дерево через реку.

Полусгнившая, высохшая древесина его.

Дымилась нерукотворно.

Лопухи по берегам не примяты. Следов посадки вертолёта нет.

И сухих гроз тоже не было.

Но всё-таки кто-то развёл костёр.

Может, нечистая сила?

Рядом с дымящим деревом, в водовороте омута монотонно крутился корявый обломок старой замшелой ели.

Крутился, цепляясь обугленной вершинкой за ствол.

Всё ясно.

Огонь добыт трением.

Без помощи человека...

Случай, какого и за всю жизнь не встретишь.

Может быть, и первобытный человек увидел подобное чудо когда-то...

Увидел и оказался понятливым.

Закрытое открытие

Лесоустроители с верховья реки Коневки принесли мне в контору полрюкзака чёрных отшлифованных камней.

Со дна реки собрали.

Видно, вымыло их весенним паводком откуда-то.

— Проверь. Если это уголь, открытие сделаешь.

Лесничество твоё, нам чужого не надо.

Печь в конторе топилась.

На проверку много времени не потребовалось.

Камни вспыхнули, как порох.

Уголь.

Сообщить геологам о находке?

Может быть, новое перспективное месторождение.

А может, не сообщать?

Сахалин на угле стоит.

Одним месторождением больше, одним меньше.

Всё равно шахты закрываются.

Понаедут, перекопают всё, и ставь крест на красавице речке.

Здесь не уголь добывать надо, а туристические тропы прокладывать.

Сколько цветов, сколько зверья.

А рыбы!

Мелочёвка сама за голый крючок цепляется.

Уха гарантирована каждому.

Нет, такого открытия мне не надо.

Я же не враг родной природе.

Привод для пилорам

Сорок лет назад это было, в Первомайске.

Тушили мы пожар на восточном побережье Сахалина.

В нескольких километрах от устья реки Лангери.

Добирались до него через бесконечные мари.

Тут и там из-под багульника торчали полуразложившиеся обугленные пни.

Пожар не раз прокатывался по этим многострадальным местам.

Ноги по колено проваливались в рыхлую подстилку, путались в гибких прутьях багульника.

Идти нелегко...

И вдруг — под ногами настил.

Добротный настил из плах лиственницы.

За десятки вёрст ни одного селения, и такое чудо!

Плахи даже гниль не тронула.

Под ковром из багульника и мха они сохранились как новенькие.

— Удивительно, — только и сказал я.

— Удивительней и быть не может, — согласился старый лесник, старожил этих мест.

По этим плахам даже узкоколейка была проложена.

Лес для пилорамы возили.

Лагерь расширялся, строился, пиломатериала много требовалось.

Какой лагерь, какая пилорама, если электроэнергии в этих местах до сих пор нет?

Не пионерский, конечно, лагерь.

А электроэнергия...

Зачем она там?

Труд заключённых куда дешевле электричества.

Они и приводом для пилорамы были.

И тягловой силой тоже.

У каждого срок по двадцать пять лет, торопиться некуда...

Сейчас бы я сказал — это настоящий памятник.

Его для потомков сохранить надо.

Наша история.

Чан

В среднем течении реки Быстрой среди зарослей ивняка и лопухов обнаружили огромный чан.

Наполовину врос он в заболоченную почву, но сохранился хорошо.

Что чугуну сделается?

Только деревянная облицовка его почти сгнила.

Видно, стоит здесь чугуняка не одно десятилетие.

И кто только притащил его сюда?

И для каких целей?

Без тотального осмотра местности ответа не найдёшь.

Занялись осмотром.

На крутом склоне реки, поросшем полувековым хвойником, хорошо просматривалась просека.

Под хвойником задрапированные зеленомошником полувековые пни.

Когда-то здесь была вырубка.

По ледяным лоткам просеки заготовленный лес спускали к реке для вывозки.

Машин и механизмов на лесоразработках не было.

Заготовленный лес вывозили на лошадках.

А чан использовали для подогрева воды.

На каждом участке были своя конебаза и свой чан.

Но лошадей не хватало.

Поэтому их использовали только на ответственных работах.

Простую, грубую и самую тяжёлую работу делали бабы.

Они утаптывали первый снег под ледовую дорогу.

Таскали вместе с лошадьми тяжёлое бревно-волокушу, выравнивая полотно будущей дороги.

Заливали её водой из проруби.

И только когда ледовая дорога была готова для вывозки леса, запрягали лошадок.

Их поили тёплой водой, кормили из чана овсом и сеном.

От них зависел его величество План.

А значит, и благополучие каждого работающего.

Бабы перебивались всухомятку, чем Бог послал...

Вернувшись из тайги, не поленился заглянуть в старые карты.

На одной из них, где чан нашли, красовалась надпись химическим карандашом: «Конебаза».

Догадка подтвердилась.

История с кедровыми орешками

Несколько лет назад собрали лесники два десятка мешков кедровых шишек.

Первый урожай с первого кедровника.

Высушили...

Вылущили...

Отсортировали...

И... закопали в сырой песок.

Чтобы ростку помочь скорлупу кедровую пробить: она у него крепче брони.

Да ещё смолой насквозь пропитана.

Закопать-то орехи закопали, а вот где — забыли.

Потому что после расчистки бульдозером двора от меток наших и следа не осталось.

Пропажу нашли только через полтора года — на вторую весну.

Мешковина, в которой хранились орешки, истлела. Сквозь неё уже пробивались сочные ростки.

Так с ростками и высадили в грядки пропажу-находку.

Высадить-то высадили, а специфику сахалинской природы не учли.

Не учли, что у нас на каждый куст по вороне приходится.

Только подняли ростки-стебельки свои домики-орешки над головой, вороны тут как тут.

Пришлось на них управу искать.

...Сейчас молодому кедровнику три года. И нынешней весной ждёт его «путёвка в жизнь». Вон сколько голых сопок на Сахалине!

Глядишь, лет через тридцать молодой лесок на них поднимется с молодыми кедровыми шишками.

И всё повторится сначала.

Грубая сила

Две бригады сажали ёлочки: лесников и школьников. Рядом сажали. По одной технологии: мотыгой в узкую щель.

Сунет лесник саженец в щель, притопчет его, и всё. Переходит к следующему деревцу.

Но школьники отвергли этот метод, несмотря на объяснения.

Стали сажать по-своему.

Уж очень безжалостной показалась им технология лесников.

То ли дело копать ямочки под каждый прутик.

И засыпать их аккуратно.

Пусть медленно, зато качественно.

Лесники — люди бывалые, привычные к лесной работе.

Знай, вгоняют, крякая, мотыги в землю да притаптывают саженцы кирзовыми сапогами чуть ли не последнего размера.

Из щелей только верхушечные почки торчат.

«Поглядим, у кого посадки будут лучше», — бросали осуждающе взгляды школьники в сторону лесников.

Осенью, во время инвентаризации, авторитетная комиссия подвела итоги спора.

Площадь, засаженная школьниками, была пуста.

Ёлочки не выдержали летнего зноя.

Рыхлая земля быстро высохла.

Саженцы уже были обречены с момента посадки.

Посадки опытных лесников зеленели аккуратными рядами.

В хорошо утрамбованной почве влага сохранялась и в самый зной.

Её хватило на весь период приживания молодого деревца.

— Он, саженец, хоть и хрупкий, но, как и всё живое, грубую силу любит, — проронил старый лесник. — Ласка, она балует.

Вот и результат.

Приятные хлопоты

Сегодня к аллейке голубых елей повышенное внимание.

До обеда лесники обрезали короткие лапки с мохнатых веток и складывали в мешки. После

обеда в аллейке хозяйничают местные вороны, подбирая оставшийся хворост. Укоротив ветку до нужной длины, очередная ворона берёт курс на берёзовую рощицу, в голых ветвях которой просматриваются изрядно потрёпанные гнёзда.

На синем небе яркое весеннее солнце. И люди, и птицы готовятся к весне.

Лесники свои веточки высадят под плёнку в теплицах.

При правильной технологии и хвойная веточка может дать корешки. Главное — терпение и труд. И опыт, конечно.

Этого, в отличие от денег, у лесников предостаточно.

Укоренятся веточки, и на свет Божий появится не одна сотня новых ёлочек. Таких же пушистых, голубых, как и их родители.

Чтобы украсить улицы нашего города.

У птиц заботы по продолжению рода.

У них своя, годами выработанная технология строительства гнёзд.

Еловые веточки лучше поддаются обработке в отличие от берёзовых. Их и укоротить, и подогнать легче. Они дольше сохраняют качества строительного материала.

Вот и строят вороны гнёзда на берёзах с использованием сухих еловых веточек, благо они рядом.

Хлопочут люди…

Хлопочут птицы…

Тех и других весна подгоняет.

С выдрой ухи не сваришь

Рыбий отстойник найти зимой трудно.

По каким приметам выбирает рыба ямы для зимовки, только ей известно.

Но в зимней рыбалке свой шарм, своё удовольствие.

Вот и сегодня в поисках фарта колесим по горной речке.

Только попряталась рыба.

Каждая проталина и продушина проверены, — увы, пусто.

Но вот на обледеневшем пятачке дымящейся, как самовар, проруби вмёрзшие в лёд кусочки потрошков.

Потрошки-то рыбные!

Хозяйка реки обедала.

Ей ли не найти рыбьи схроны!

Выдру река накормила, значит, и нас накормит.

Нам и надо-то всего на ушицу.

Только не хочет уходить поплавок под воду.

Замер красным зрачком на сером глазу проталины.

У сонной рыбы хватательный рефлекс срабатывает мгновенно, а тут даже икряным тампоном не соблазнишь.

Хорошо, видно, выдра её погоняла.

Ловить на этом месте нечего.

На пару с выдрой ухи не сваришь.

Надо свой схрон искать.

Подальше от такого соседства.

Пока же довольствуемся кусочком сала, обжаренным с помощью ивового прутика на скудном зимнем костре.

Встреча на галечнике

Сколько камушков за зиму заглатывает рябчик, никто не считал.

Где только не добывает их.

На выбросах у звериных нор.

На осыпавшихся берегах таёжных речек.

На обнажившихся речных отмелях.

Всё для того, чтобы исправно работали жернова.

Так уж устроен птичий желудок.

Вот галечник и привлёк рябчика на наш волок.

А чем привлёк галечник ворону?

Любительницей ковыряться в земле ворона никогда не была.

Тем не менее часами, как изваяние, дремала под дырявым зелёным зонтом старой озябшей ели прямо над галечником.

То ли ворона была раздражена, то ли надоело ей рутинное ковыряние рябчика, она вдруг резко спикировала вниз, отрезая потерявшей бдительность птичке путь к взлёту.

Рябчик и не думал взлетать.

Зачем?..

Юркнул в древесный завал, а оттуда бегом устремился в лесную чащу.

Ворона повторила манёвр и... завязла в снегу.

Откуда ей, вороне, знать, что ноги рябчика с секретом.

Что он, как на снегоступах, может бежать даже по рыхлому снегу.

...Заняв свой пост под дырявым зелёным зонтом, вновь дремлет ворона.

Внизу чуть слышно позвякивает камешками рябчик.

Теперь ни вороне, ни рябчику друг до друга и дела нет.

Поводырь

Нащупать утоптанную дорожку в тайге после тяжёлого снегопада — дело безнадёжное.

Хорошо бежали лыжи.

Без тропинок. Без дорог.

Но одна треснула.

И от хорошего настроения следа не осталось.

С трудом выхожу к зимнику.

Каким он укатанным был до пурги!

Но всё равно по нерасчищенному зимнику идти легче, чем по целине.

Главное — дорожное полотно нащупать.

Но как?!

Попробовать идти по лисьим следам, что змейкой вьются впереди?

Ноги машинально становятся след в след.

И надо же — ощущаю привычную твёрдость: зимник!

Я уже не тону в снегу, держусь за лисью стёжку, как за спасительный клубок ниток.

Так и шёл до автострады по лисьему следу.

Хорошо иметь такого поводыря!

Цапля

На опушке леса у посёлка Высокое какой-то злоумышленник вырубил аллейку лиственниц.

Под одним из срубленных деревьев мы обнаружили цаплю.

Обыкновенную серую цаплю.

Она безнадёжно запуталась в кроне дерева и лишь угрожающе шипела при попытке освободить её из вынужденного плена.

Наконец попытка удалась. И только тогда мы поняли, что цапле мешало освободиться самостоятельно.

Сломанная ниже голени нога болталась, как тряпочка, цепляясь за сучья поверженного дерева.

На месте скорую помощь не окажешь.

Завернув свою находку в куртку, повезли её в ближайший медпункт.

Молоденькая фельдшерица страшно побледнела, увидев такую рану.

Но сумела взять себя в руки и довольно ловко наложила шину.

Что делать с птицей дальше? На волю не выпустишь — станет добычей хищников.

Вот и привёз домой, благо пустовал птичий вольер.

А чем кормить?

Вспомнил, что, когда копал картошку, в ботве пряталось немало земляных лягушек. Пришлось ехать на картофельное поле.

По дороге засомневался: правильно ли наложена шина?

Фельдшер фельдшером, но анатомия у птиц несколько иная, чем у нас.

Обзвонил все солидные природоохранительные организации. Везде — вежливый отказ. Вспомнил об экологах. Есть в Южно-Сахалинске детский клуб «Бумеранг». Там меня поняли. Несмотря на позднее время, приехали на микроавтобусе, чтобы принять посильное участие в спасении птицы.

Утром цапля была уже в зоопарке.

К сожалению, раздробленную плюсну пришлось ампутировать. Так что доживать свой век придётся цапле в просторном вольере.

Злопамятная крыса

В доме завелась крыса.

А где крыса, там всегда убытки.

Рассыпанная крупа. Испорченная обувь. Дыры в стенках и плинтусах.

Не помогли ни мышеловки, ни кот.

Мышеловку крыса искусно обходила. Мышелова не замечала.

Как и он её.

От сытой жизни кот давно стал философом. До крыс ли ему?!

Домашняя жизнь превратилась в кошмар.

Чтобы избавиться от незваной гостьи, решился применить отраву.

Кучку разноцветных зёрнышек пшена, обработанных ядом, разложил перед каждой норкой.

Кто кого? Тут компромиссов быть не может.

На следующий день крыса исчезла. Вместе с цветным пшеном.

Только рано я праздновал победу.

Она оказалась пирровой.

Через день обнаружил цветное пшено в стопке белья.

Ещё через день — на кухонном столе. А потом — в хлебнице.

— Так она нас решила отравить! — заахала жена. — Сделай же что-нибудь!

А что сделать-то? Я уже всё перепробовал.

Остался один только способ, опять негуманный — снять кота с полного довольствия.

Ох, и тяжело пришлось коту-философу!..

Стал, как щепка.

Но голод не тётка, вспомнил, как ловят мышей. И с крысой было покончено.

Раз и навсегда.

В медвежьем углу

Я не торопясь спускался вниз с перевала.

А на перевал не торопясь поднимался медведь.

Всё, как в арифметической задачке, — когда два путника встретятся?

Мне так хотелось, чтобы задачка не имела решения.

Но расстояние между нами неумолимо сокращалось.

Что же мне делать?

Но делать, как ни странно, ничего не пришлось.

Медведь по-джентльменски уступил дорогу.

Раздвинул придорожные кусты — только его и видели...

Облегчённо вздохнув, прибавил шаг.

Подальше от рокового места!

Но судьба приготовила другой сюрприз.

Две цепочки следов появились на влажной дороге.

Только что прошли медвежата.

Встреча с медведем нос к носу всегда неприятна.

Встреча с медвежатами — опасна.

Придётся поспешать медленней.

Авось как-нибудь разойдёмся.

И точно, разошлись.

Немножко страшно ...

Немножко радостно...

Страшно потому, что медведь не корова. Хворостиной не отгонишь.

Радостно, что есть ещё крепкие медвежьи популяции.

Не всех выбили ради заморской «капусты».

Дятлы

Малые пёстрые дятлы у меня в усадьбе живут давно. Я уже привык к ним, они — ко мне.

В этом году дятлы потомство вывели чуть ли не у входных дверей. И теперь из-под кроны старой пихты, что неподалёку от дома, с раннего утра до темноты не смолкает птичий гам.

Вечно голодные птенцы очень разговорчивы. Крик их напоминает скрип плохо смазанных тележных колёс, к которым привязали кучу жестянок.

Под эти звуки я просыпался, под них же ложился спать.

Постоянные скрип и скрежет сначала раздражали. Потом я привык и уже не обращал внимания.

Более того, появилось сочувствие к пернатым.

Ну-ка попробуй потаскать весь световой день прожорливому семейству жучков и паучков.

К концу дня волнообразный полёт дятлов становился усталым и тяжёлым.

Птицы с трудом отталкивались, набирая высоту, и так же тяжело падали после каждого толчка, сложив крылья.

Всё чаще устраивали отдых на вершине телеграфного столба, несмотря на возмущённый скрип и скрежет голодного семейства.

С давних пор в кладовке лесничества у меня стояла бутыль, наполненная еловыми семечками.

Решил оказать многодетной семье гуманитарную помощь.

Прибил большую банку из-под селёдки к стволу дерева, ниже входного отверстия, и высыпал в неё добрую треть семян из бутыли.

Но, увы!..

Не приняли дятлы и более изысканное угощение — пригоршню дождевых червей.

Демонстрировали свою независимость: своё потомство прокормим сами...

Время шло. Дятлам уже не нужно было влетать в узкий лоток по сложной траектории. Птенцы сами наполовину высовывались из гнезда в ожидании корма.

Гвалт с каждым днём становился гуще и громче.

Дятлы стали достопримечательностью усадьбы.

Однажды я проснулся чуть свет от яростного карканья ворон.

Выглянул в окно.

Вороний молодняк буквально облепил дерево, даже не реагируя на холостые выстрелы.

Весь день не было слышно дятлов: ни пронзительных резких криков взрослого семейства, ни скрипа и скрежета молодняка.

Казалось, исчезли бесследно.

Уж очень коварны и умны вороны.

Но через неделю я услышал за домом знакомый пронзительный крик.

На сухой вершинке раскидистой ивы сидел дятел.

С таким же резким криком он перелетел на телеграфный столб и выбил короткую дробь. Из-под кроны ивы тотчас вылетели ещё два молодых дятла.

И тоже уселись на телеграфный столб.

Молодняк до сих пор держался одной стайкой.

Приятно было видеть их живыми и здоровыми.

Всё же почти родными стали.

Ледяной гусь

Пока светло было, собака из полыньи не выпускала.

Темно стало, инстинкт самосохранения сработал.

Всё же в воде безопасней, чем на берегу.

Февральские ночи — морозные ночи.

К утру полынья с гусиными боками срастаться стала.

Лиса на лёд вышла.

Увидела гуся и к нему.

А лёд тонок, чуть толще книжной странички.

Ходит лиса круг за кругом.

Ходит, облизывается...

Сколько караулила, по следам не определить...

Надоело лисе это занятие.

Ушла.

Рад бы покинуть своё убежище и гусь, но не может — перья в лёд вмёрзли, панцирь ледовый на берег выйти мешает.

Опять лиса на разведку вышла.

Потрогала лапой лёд, постучала по нему.

Тонковатым показался.

Ушла.

Был бы у этой истории финал трагичный, да хозяин гуся на подлёдный лов собрался.

Взял удочки, рюкзак через плечо перебросил и на речку.

Каково же было его изумление, когда в полынье свою пропажу обнаружил.

Три дня прошло.

Пообломал лёд вокруг гуся, домой принёс.

Массаж лапам сделал, льдинки поотбивал.

И ничего — отошёл гусь.

Купание только на пользу пошло — от гусиного стада отбиваться не стал.

А в речку гуся, оказывается, соседская собака загнала.

Охотничий инстинкт у неё даже трёпкой отбить не могут.

Старая японская пила

Мне подарили старую пилу: другой такой не найдёшь, японская!

Раньше лес только ими и пилили.

Нашей ножовкой дотронешься до дерева, она сразу петь начинает: «тебе и мне... тебе и мне...».

Хозяину даёт возможность передохнуть во время работы.

Русская душа в неё вложена.

Японская делиться не любит. Об отдыхе с ней забудь.

Грызёт дерево под один аккомпанемент: «себе... себе... себе...».

Так уж зуб у неё устроен.

Каких-то полсотни лет назад древесины такими штуковинами готовили больше, чем сейчас бензопилами и валочными машинами.

Работа десятка бумкомбинатов напрямую от них зависела.

Миллионы кубометров в год.

И не сплошняком, как сейчас.

Брали выборочно, не более трети с гектара.

Это сейчас на лесосеках и бензопилы, и трелёвочники.

И всякая агрегатная техника с руками-захватами, с дисковыми пилами на захватах.

Всё гребут сплошняком.

Посмотришь на такие рубки — не по себе делается.

Только с завалов, что устраивают бульдозеры, порой запросто можно собрать столько же древесины, сколько вывезли.

Но кому эти завалы нужны? Легче снова гектар-другой леса скосить.

Вот только гектаров этих всё меньше, а рукотворный лес никак не может подрасти.

Взял я в руки старую ножовку и с уважением посмотрел на лесную труженицу.

Металл зубьев наполовину съеден.

Деревянная ручка до блеска отполирована мозолистыми руками.

Нелёгкой жизнь у неё была, как и у её хозяина.

Нелёгкой, но честной.

Есть что вспомнить.

Пихта белокорая

Хотя ночи в июле довольно тёплые, ночёвку у костра с ночёвкой в тёплой постели не сравнишь.

В первую же ночь от простуды на ногах и груди выскочили чирьяки.

Они мешали ходьбе, и наша долгожданная вылазка на природу оказалась под угрозой.

— Говорил же тебе: не ленись, больше мягкого лапника ломай, — поучал напарник. — Так нет же... Пихта — лучший лекарь в тайге. Так что иди опять к ней и поклонись.

Что поделаешь, пришлось идти и кланяться.

Выбрал парочку больших желваков на комле пихты и выдавил из них живицу.

Смазал свои болячки.

Потом пластырем залепил.

Через сутки от простуды и следов не осталось.

Всю «бяку» вытянула живица.

Когда-то темнохвойные леса покрывали весь Сахалин.

И белокорая пихта была основной лесообразующей породой.

За сто лет пихтач повырубили, повыжгли.

Куда ни глянь: всюду берёзки да осинки — вторичные леса.

Среди них величественные тёмно-зелёные пирамидки пихт — остатки былого величия.

Как напоминание о прошлом Сахалина.

О его богатстве.

И нашей бесхозяйственности.

Попробуй, разберись

На таёжной тропинке полтушки горбуши.

Ещё свежей, кровоточащей.

Сетка свежих следов: медвежьих, лисьих.

От речки до этого места больше километра.

Кто тащил добычу наверх и зачем?

Попробуй, разберись.

Почему только полрыбины?

Долго думали, долго ломали голову и пришли к выводу: не медвежье это дело для семьи рыбу на хребет таскать.

Медведь давно уже своё семейство по сумеркам на речку выводит.

Пообедают — и обратно, до следующего обеда.

Зачем ему заначка в полрыбины?

У лисы в это время детёныши в норе.

Нору она подальше от человеческих глаз устраивает.

Может быть, где-то здесь, на хребте.

Не зря же столько лисьих следов кругом.

Спешила Патрикевна с рыбой в зубах, чтобы семью накормить, а тут мы...

Бросила добычу — и в кусты.

Над головой пролетел орлан.

Значит, тоже, может быть, гнездо неподалёку.

Он рыболов отменный.

Мог не удержать добычу в когтях и уронить на тропинку.

Всё может быть.

Так и не нашли ответа

И это даже очень хорошо.

У леса должны быть свои тайны.

Без тайн лес сразу скучным станет.

Угадайка

Странная закономерность.

Стоит дерево свечкой.

Любо-дорого смотреть на него.

Кора гладкая, матовая, здоровьем светится.

А свалят дерево лесники, распилят на сортименты — внутри сплошная гниль.

Рядом пихтушка-замухрышка стоит.

Седая борода лохмотьями с веток слезает.

Накипными и листоватыми лишайниками, как заплатами, покрыт ствол.

А древесина — что сахарная косточка.

Пила с натугой вгрызается.

Несведущему человеку нелегко определить, какое дерево больное, а какое здоровое.

Какое пора назначить в рубку, а какому дать ещё подрасти.

Хотя секрет этой угадайки на поверхности ствола прячется.

Пихтушка, покрытая лишайниками, менее подвержена разрушительной деятельности грибов.

Потому что антибиотические вещества, содержащиеся в лишайнике, подавляют их рост.

Чего не скажешь о чистюле и аккуратистке ёлочке.

Защитить себя от грибной инфекции она так и не сумела.

Ей бы вовремя друзьями-лишайниками обзавестись, добрыми айболитами зелёного мира!

...Ещё вчера крутой склон, с которого оползнями весь гумус сняло, голыми валунами светился.

А сегодня на нём листики и ниточки лишайника кучерявятся.

Другой растительности на гладком камне ни за что не удержаться.

Он посредством гиф не только завоевал плацдарм, но и активно продолжает расширять его, участвуя в химическом выветривании камня.

Отмирают в борьбе за жизнь лишайниковые слоевища, в микротрещинах накапливаются.

Каменным песочком пересыпаются...

Вот и первый островок почвы сформировался.

А на него сухих листьев и веточек нанесло.

Пройдёт ещё несколько лет, и появятся высшие растения — мхи.

В них первое крошечное деревце, которое, может быть, тоже окажется пихтушкой.

Такой же, что лесники для раскряжевки только что на площадку притащили.

Рыжий хитрован

Из Тараная, посёлка на берегу Анивского залива, возвращался, когда уже темнело.

На дорогу у небольшого моста через ручей, не спеша, вышел лис.

Больше напоминающий дворовую собаку, чем лису, — так массивен и крепок он был.

Так же, не спеша, перешёл дорогу.

Именно перешёл, а не перебежал, хотя и видел приближавшуюся машину.

В зубах лис держал белёсую чайку, крыло которой волочилось по дорожному покрытию. Нужно

хорошо знать повадки и психологию этой общинной птицы, чтобы взять такую добычу.

Когда сотни глаз одновременно осматривают каждый участок воды и суши, подобраться к стае невозможно.

Но для этого лиса, по-видимому, ничего невозможного нет.

В окрестностях села, где есть и снегоходы, и карабины с оптическим прицелом, где охота на лис стала чем-то вроде спортивных соревнований, прожить столько — редкая удача.

В послеобеденный час, когда я ехал в Таранай, луговина по берегам ручья была белой от чаек.

Ежегодно в предмайские дни стаи чаек коротают время на ещё не просохших лугах.

Отдыхают, кормятся...

Причём прилетают на кормёжку ежедневно.

Это, видно, и приметил рыжий хитрован.

Сейчас луговина пуста.

Добровольно ли покинули чайки её, отправляясь на ночёвку, или старый хитрован наделал шороху — не знаю.

Мысленно я пожелал ему удачи и долголетия.

Под яблонькой

Лето жаркое было.

Зайчишек в округе расплодилось — не счесть.

Мечут всё подряд: ивовые ветки, молодой бамбук, кору осины.

И с каждым днём всё ближе к околице подходят.

Там под старой яблонькой разлапистый приземистый тис растёт.

За четверть века, что живу в селе, под этим тисом ни одного следа не видел.

Деревьев с ядовитыми побегами и корой не только человек, но и зверь всегда избегает.

Ядовитее тиса в округе ничего нет.

А тут под деревом набитая заячья тропа.

И подстриженные, как газонокосилкой, нижние ветви тиса.

Зелёные, обманчиво сочные.

Совсем распоясался косой.

До краснокнижной растительности добрался. И яд нипочём ему.

Что ж, на вкус и цвет товарищей нет.

Нравится зайцу хвоя, пусть грызёт её.

Много беды не причинит.

Главное, чтобы кору не трогал.

Ведь дереву не одна сотня лет.

Жалко, если из-за прожорливого зайца погибнет...

Старая яблонька над тисом, как зонтик.

Только вместо шатра голый каркас.

Ещё недавно мелкими яблоками была густо усыпана.

Может быть, заяц лакомиться яблоками сюда прибегал?

А не стало их, к веточкам тиса пристрастился.

Всё может быть.

Руса

К тайфунам сахалинцам не привыкать.

До поздней осени его величество Нептун засылает своих представителей на островную землю.

На этот раз в гости пожаловал тайфун с приятным именем Руса.

С неба рушились потоки воды.

С крутых склонов — селевые потоки.

Размывало дороги, мосты.

Оставила Руса о себе память и у нас в селе.

Вышедший из берегов ручей Козловский размыл дорожную насыпь.

Разделил село на две части.

На дорожном полотне образовался арык глубиной более четырех метров.

Руса переплюнула своих сородичей.

Широкой полосой, захватывающей таёжные поселки Леонидово, Малиновка, Забайкалец, по центральному Сахалину прокатились мощные вихри.

А за ними, подобно смерчу, пронёсся сухой ураган.

Гул стоял такой, что люди не слышали друг друга.

В воздухе кружились обломки надворных и огородных строений, куры...

Ломались деревья в тайге.

Грибы усыхали и превращались в бесформенные комочки...

Южнее, в зоне действия тайфуна, остров тонул под ниспадающими с небес потоками воды.

Тайфун Руса так же неожиданно ушёл, как и появился.

Жизнь вошла в обычную колею.

Чудо в зимнем лесу

Без чудес в природе, как и в сказке, не обойтись.

Бредёшь зимой по лесу, и вдруг — чудо.

На старом клёне, голом и оледенелом, зелёная ветка, усыпанная яркой ягодой.

Дальше — больше...

На обыкновенной берёзе — ольховые побеги. Словно дерево на дереве выросло.

А рядом действительно дерево на дереве — молодая ёлочка из надломленного сука старой осины выглядывает.

Или такая шарада: стоит берёза, а ветки на ней в метёлки собраны...

Словно сказочный коробейник выставку-распродажу организовал.

Жутковато несведущему человеку от такого чуда…

Хотя, что необычного в этом?

Зелёные ветви на лиственных деревьях зимой — не что иное, как кусты омелы — вечнозелёного растения-паразита.

Поражённые одним из видов грибов ветки и листья берёзы иногда принимают ольхообразную форму.

В наши дни любой студент-биолог сотворит подобное «чудо»: приготовит вытяжку из гриба и опрыскает здоровое дерево.

Метёлки в кроне берёзы — одна из болезней дерева. Называется «ведьмина метла». Летать на ней нельзя, но двор подмести — за милую душу.

Ёлочку тоже никто специально в люльку не сажал.

Просто ветром занесло еловое семечко на крылышке-парашютике. И надо же — прижилось!

Растёт юное деревце, свету белому радуется.

Южные и северные

Южный лесок — маменькин сынок у природы. На юге Сахалина и теплей, и осадков больше. И почва богаче.

Вот и растут тут деревья, как на дрожжах.

Свалит лесоруб столетнее дерево, посмотрит на срез пня — на нём годовые кольца чуть ли не в сантиметр: вот какой годовой прирост!

На севере Сахалина жизнь сложнее и строже.

Годовые кольца деревьев здесь одно на другое ложатся.

Чтобы сосчитать, сколько лет дереву, порядком помучиться приходится.

Сплочённо растут деревья — ствол к стволу.

Так легче перед стихией выстоять. Северная тайга — суровая тайга.

Зато южные деревья — индивидуалисты ужасные. Простор любят.

Сучья у них чуть ли не от корня начинаются. До старости очиститься не могут.

Поэтому покупатели леса к южной древесине относятся пренебрежительно.

Рыхлая она...

Сучковатая...

Сбег большой...

Со зверьём почему-то всё наоборот.

Северный зверь и крупней, и упитанней. Куда до него южному!

Так что матушка-природа — большая шутница.

Не сразу разберёшься, что к чему.

Чага

Сырые пойменные березняки реки Партизанки вдруг стали усыхать.

Кора приобрела болезненный красноватый цвет.

У листьев не стало здорового блеска.

И вряд ли б мы, лесники, докопались до сути происходящего, если бы не местные дети.

В наше время чего только за границу не вывозят: лес, морепродукты, цветной металл...

Неожиданный интерес возник и к берёзовому грибу — чаге.

Не раз домой приносил его для заварки чая.

Уж очень хорошими лечебными свойствами обладает он.

Только лечит этот гриб человека, а не дерево.

Для дерева наросты чаги равносильны смертному приговору.

Бурно развивающаяся белая гниль с тёмными линиями съедает дерево заживо.

Так вот, заграница на этот раз потребовалась берёзовая чага, причём в огромном количестве.

Вездесущая пацанва может найти даже то, чего нет.

Она и открыла «клондайк» в бассейне Партизанки.

Так и недуг древостоя определился...

«Оседлав» лыжи, детишки «исколесили» пойму реки вдоль и поперёк.

Ни одно заражённое дерево не осталось без внимания.

Под топор шли деревья даже с крошечными кусочками гриба.

Сто рублей за килограмм — плата и для взрослого немаленькая...

Очистили дети насаждения так тщательно, что даже специальных мероприятий не потребовалось.

Поживут ещё березняки в пойме реки Партизанки после такой профилактики...

Тревожные костры

— Какой же привал без костра? — воскликнет турист.

— Какой же ночлег без огня? — будет вторить ему рыбак.

И они, пожалуй, по-своему будут правы.

Костёр — это не дань какому-то ритуалу.

Костёр — это бытовая необходимость в тайге.

Сварить еду.

Обогреться. Да и обсушиться тоже...

Сотни туристов, рыболовов, охотников ежедневно колесят по лесу.

Самостоятельно выбирают дороги. Ни с кем не советуются. Ни перед кем не отчитываются.

Но сколько тревог и волнений приносят лесникам эти костры!

Вот под разлапистой елью на высоком берегу речушки большое чёрное пятно.

Куски обуглившегося, сухого, как порох, мха. Только по счастливой случайности здесь не возник пожар.

На противоположном берегу речушки кострище в дупле потемневшего от времени и дыма вяза.

Догадливый рыболов нашёл оригинальный способ поддержания огня в сырую погоду, не ведая о том, что «теплинки» от такого костра могут дать о себе знать и через неделю, в беспощадную майскую сушь, накинув огненную удавку на этот сокровенный уголок сахалинской тайги.

Здесь наверняка стоял табор. Рукотворная полянка в прибрежной чащобе. Только чёрные пятна кострищ и ни одного дерева...

Нет, я не призываю запретить туризм, охоту, рыбалку.

Отлично понимаю, что отдых на природе — одно из последних удовольствий, которое ещё не отняли у труженика-сахалинца.

Но и труженик должен чувствовать свою ответственность за судьбу леса, гостеприимно встретившего его. Соблюдать максимальную осторожность.

И тогда не будет в тайге тревожных костров.

Костров, готовых ежесекундно обратиться в стихийное бедствие.

Память сердца

Бывает, бродя по просёлочным дорогам, углубишься в нехоженый уголок, встретишь до боли знакомый лужок или полянку из своего детства.

С редким кустарником. Помятой травой.

С заросшей рогозом протокой, в которой вода бурая-бурая...

По полянке густыми куртинками разноцветные ирисы и саранки.

И такой наивностью и беззащитностью от этого повеет, словно вновь в детство перенёсся. Далёкое-далёкое.

Как будто всей этой жизни не было...

С амплитудами взлётов и падений, надежд и разочарований.

С житейскими удачами и передрягами...

Так хорошо сделается от всего этого...

Пусть на миг.

Надо забыть на время дела.

Какими бы срочными они ни были...

Выйти за околицу.

Выбрать заброшенную, забытую всеми тропинку.

И...

У зимовья

Каждый год у охотничьего зимовья — обилие следов. Как не удивляться?!

Охотник отсюда уходит на промысел. Возвращается сюда ночевать. Непогоду здесь пережидает.

Все обитающие рядом зверьки постоянно под его бдительным оком. И шансов остаться в живых у них куда меньше, чем у тех, кто в глубокой тайге живёт.

Не один десяток лет стоит зимовье.

Не один десяток лет охотится тут промысловик, план по пушнине выполняет (а он довольно большой).

У самого зимовья зверья не убывает.

Вот и сегодня рядом с курящейся избушкой цепочка соболиных следов.

У замерзающей кромки воды след норки.

— Чем приворожил их? — спрашиваю охотника. — Любят звери тебя.

— А чего ж не любить? Я с лета о них позаботился. Сюда вот тушу коровы завозил, туда свинью. Здесь тушки нерпы лежали. Вот и прикормились зверьки.

Со всех окрестностей наведываются — не появилось ли что-нибудь ещё?

Беру только план, самочек стараюсь не трогать — производители...

Собака, сидевшая рядом с хозяином, лениво зевнула.

Мол, откуда такой чудак взялся?

Тепло почувствовали

Зима как зима. В меру снег, в меру мороз.

Речки, горные ручьи — всё под снежной шубой. Редко, где полынья раскалённым самоваром пышет.

Но стоило февралю перевалить за середину — тайгу как подменили.

Ели и пихты стали темнее и контрастнее, берёзы и ивы — прозрачней.

Склоны сопок вытоптали зайцы в ночных хороводах.

Белое покрывало в клочья изрезали внезапно проявившие активность выдры.

От полыньи к полынье, как после гружёных саней, тянутся глубокие снежные борозды...

В разговоре со знакомым охотником я пошутил:

— Смотри, какие грамотные звери стали!

Пока была разрешена охота, носа из укромных мест не показывали.

За шкуру свою тряслись.

А срок охоты истёк, сразу прятаться перестали.

Видишь, как веселятся, совсем чувство страха потеряли.

— Это к теплу, — ответил охотник, — Выдра всегда тепло чувствует.

И действительно, в последующие дни было резкое потепление, в Приморье даже дожди пошли.

У нас дождя не было, но вскрылись ручьи.

Для выдр настоящее раздолье!

Теперь им ни охотник, ни браконьер не страшны.

Перезимовали.

Обилие выдр на горных реках — явление для меня очень приятное.

В этих местах ведётся рубка леса.

Выдры много — значит в достатке корма.

Кормом ей в основном служит мелкая рыбёшка — каменка, кунджа.

В грязной воде эти рыбёшки жить не будут.

Значит, рубки урона нерестовой речке не нанесли.

Уже хорошо.

Чамгу

Одной из богатейших и красивейших рек Сахалина была Чамгу.

Бореальные леса по берегам. Нехоженые. Рубками нетронутые.

В них и соболь, и кабарга, и даже каменный глухарь.

Медведи по берегам, не таясь, как коровы, ходили.

А в 1998 году, пополнив ряды погорельцев, река лишилась буквально всего.

И зелёных насаждений.

И лесных обитателей.

Только вороны кружили, выискивая средь пепла и гари обгоревшие тушки бурундуков, грызунов и другой мелочи.

Осталась лишь вода, с трудом пробивающаяся через завалы обгоревших древесных стволов.

Нетрудно представить, что ждёт эту жемчужину в будущем.

Лишившиеся древесного покрова и растительности берега подвергнутся разрушительным паводкам.

Вода вымоет остатки выгоревшей почвы. Станет мутной, безжизненной.

От недостатка кислорода, который заберёт гниющая древесина, погибнут и редкие нерестовые бугры случайно зашедшего лосося.

Чамгу превратится в реку-паразита.

Так называют на Сахалине реки, не способные выполнять нерестовые функции.

Природе потребуется не один десяток лет, чтобы залечить полученные раны.

Если не случится очередного огненного нашествия.

Ведь у сахалинских пожаров есть одно пренеприятнейшее свойство — пройтись по одному месту дважды, а то и трижды, пока не выгорят все запасы горючих веществ.

Бедная речка Чамгу!

Неужели и ей уготована подобная участь?

Дай Бог, чтобы прогнозы мои не сбылись.

Солнечная птица

С болота на дорогу ветер вынес жёлтое пёрышко.

Таких, лимонного окраса, перьев вездесущая ребятня ещё не видела.

И сразу весь мальчишеский потенциал лагеря был брошен на поиск дивной птицы.

Куда только скука делась!..

Хозяйку роскошного оперенья нашли быстро.

Она и не думала прятаться.

Преспокойно расхаживала на голенастых ногах средь редкого тростника в поисках пищи. Её ярко-жёлтый клюв так и светился после каждой пойманной лягушки.

Грудь, словно вытканная из ярко-жёлтых и изумрудных перьев, сверкала ослепительной чистотой.

Как будто цапля гуляла не по болоту, а по асфальту.

Она выглядела настоящей солнечной птицей.

Как могла попасть на болото такая красавица, только Богу известно.

Местные жители приметили её давно. Свыклись с ней.

Она никому не мешала. Ей не мешали.

Теперь вот ребята из лагеря о ней узнали.

И тоже зачастили на болото...

Цапля, знай себе, вытаскивает из воды лягушек да разную бяку.

...И вдруг цапля пропала.

Скучным, серым стало без неё болото...

Паломничество зевак прекратилось.

Детские голоса стихли.

А тут ещё дожди зарядили.

Смена разъехалась по домам.

Лагерь закрыли.

...Во время уборки в одной из тумбочек обнаружили кучку лимонных перьев...

Всё, что осталось от солнечной птицы.

Вопреки приметам

Пока добрался до лесосеки — трёх лис встретил.

Для нашей оскудевшей тайги это много.

Первую застал врасплох у обочины дороги.

Огненной дугой она застыла за старой берёзой, готовая в случае опасности тут же дать стрекача.

Вторая брела по опушке, не обращая на меня внимания.

Третью в глаза не видел, но тявканье слышал отчётливо, когда с дороги повернул к своему вагончику.

Неудовольствие плутовка выразила. От трапезы на помойке оторвал.

Ну и денёк, словно в зоопарке побывал!

К пурге, наверное...

Примета такая есть: вышли днём лисы на промысел — жди непогоду.

Раз пурга будет, какая работа? Всё равно мои стёжки-дорожки заметёт.

Лучше и не начинать...

...Проходит день, второй...

Нет пурги.

С голубого неба последние тучки исчезли.

В примету нужно было поправку внести.

Поправку на любовь.

В марте у лис гон.

Инстинкт берёт верх и над здравым смыслом, и над самосохранением.

Вот и бродят влюблённые лисы по лесным весям не только ночью, но и днём.

Встречаясь, прощаясь, устраивая свадьбы.

Вопреки всем приметам.

Любовь, она и у лис любовь.

Морячка

Моя собака нашла на окраине села полузамёрзшую птицу.

Короткий рудиментарный хвост. Сильные короткие ноги. Небольшой клюв и перепонки.

Река скована льдом, что делать здесь водоплавающей птице?

Забрал её домой. Может, отогреется, поправится.

Сделал ей закуток на кухне.

Нужно бы накормить.

А чем? И как?

Проблема...

В тепле птица ожила. Глаза открыла... Но от еды наотрез отказалась.

И от каши.

И от свежей корюшки...

На третий день её не стало.

Потом я узнал, что птица моя называлась конюгой.

Этим объясняется и несуразность внешнего вида.

И непривычная форма крыльев, хвоста.

Видно, принесло её мощным снежным зарядом с ближайшей морской акватории.

Морячкой птица была.

В воде добывала корм. С воды взлетала.

И только в период гнездования появлялась на суше — на крутых и наклонных обрывах.

Чтобы можно было взлетать при необходимости...

А тут по воле стихии оказалась на равнине.

Всё равно, что гидроплану приземлиться на бетонном поле.

У измождённой голодом и холодом птицы выжить шансов не было...

Час расплаты

Вылез медведь из берлоги.

Жмурится. Глаза лапами трёт. За зиму по солнцу соскучился.

Пообвык немножко — и к ручью. Корешки копать.

Выдерет мясистое корневище — и целиком в рот.

Постоит. Пожуёт. Выплюнет волокнистые остатки — и дальше вниз по ручью.

Ему бы назад возвратиться, первые прогулки — самые опасные.

Да на пути бочка с протухшей нерпой оказалась.

Медведю призадуматься бы — дармового угощения не бывает.

Так нет...

Схватил лежебока кусок пожирнее — и в рот.

Рвёт, мусолит его медведь.

Нетерпение сдержать не может.

Про целительные корешки забыл.

От солнца весеннего ошалел. От ветра весеннего...

Так ошалел, что засидку охотничью не чувствует.

Пуста пока засидка.

Но вот-вот богатый гость из-за бугра прибудет.

По его душу прибудет.

Но загулявший медведь не хочет знать этого, не хочет думать.

Гулять, так гулять!

И тает в бочке кусок за куском нерпичье мясо.

Вместе с ним и время, для жизни отведённое, тает...

Страшная месть

Зимнее небо на перевале, как решето. Снег да снег.

Только расчистят лесники площадку, снова заметёт.

День покидали снег лопатами, другой.

А потом плюнули — против погоды не попрёшь.

Зарплата идёт, что ещё нужно?

Печку — пожарче.

Сала — побольше.

Да колоду карт...

Печку раскочегарили. С салом проблем нет. С картишками неувязочка вышла.

Что ни день — недостача.

И так колода за колодой.

Разрозненной колодой что за игра?

Коробку домино привезли.

Ночь полежала — половина фишек пропала. Полтергейст, да и только!

На улице снег всё сыплет да сыплет.

В сердцах решили будку от хлама очистить.

Стали порядок наводить, и тайна пропавших карт открылась.

Нору под лавкой обнаружили. А в ней и карты.

— Хлебных корок им мало, что ли? — хмыкнул один из лесников. — Что за вкус?

— Да не во вкусе дело, — ухмыльнулся другой. — Ты видишь, крысы даже фишки от домино попрятали. Больше на страшную месть похоже. Выкуривают они нас, надоели мы им. Раньше они хозяевами себя чувствовали. А теперь — ни пообедать, ни отдохнуть... Только и слышат треск игральных карт. Так что, братья-лесники, разбирайте свои топоры — и за работу. А то они и не такое придумают.

Вальдшнепы

Обходя стороной небольшие болотца, мочажины, раздвигая руками живую изгородь кустарника, я поднимался распадком от дома к верховью хребта.

По словам старожилов, там, на северной стороне лысоватого склона, была плантация красники.

Велик был соблазн найти её.

Моя собака уже устала и, высунув язык, нехотя плелась сзади.

Если бы не чувство долга, она давно бы вернулась в свою конуру.

Вдруг тропинку перебежал рыжеватый кулик с таким же рыжеватым комом в клюве.

Самка вальдшнепа переносила птенца.

Какая-то опасность заставила птицу покинуть обжитое место.

Бегущего вальдшнепа заметила и собака.

Ноздри жадно зашевелились, нервно задрожал хвост.

Собака взяла след.

— Назад! Назад! — закричал я.

Но не проходивший «собачьих университетов» пёс не обращал внимания на мою команду.

В отчаянии я ожидал, что сейчас произойдёт трагедия.

Но этого не случилось — птица взлетела.

Взлетела тяжело вместе с птенцом, зажатым между телом и приподнятыми плюснами.

Медленно набирая высоту, растворилась в зелени берёзового молодняка.

Тявкнув с досады, собака снова заняла место позади меня, соблюдая дистанцию.

Я и раньше слышал, что птицы могут переносить своих птенцов по воздуху.

Теперь увидел наяву.

Этот вальдшнеп мог быть моим старым знакомым.

...В прошлом году я оказался свидетелем необычной трагедии.

Самка вальдшнепа с десятью едва оперившимися птенцами переходила дорогу. Ехавшая навстречу машина зацепила крылом пытавшуюся увернуться от удара птицу. Птенцы, потерявшие поводыря, сиротливо замерли на дороге.

Я собрал оцепеневших птенцов в шапку.

Туда же положил и их мамку.

Она находилась в глубоком шоке.

К своему огорчению, спасти всех птенцов я не смог...

Когда самка пришла в себя, я унёс поредевшее семейство в распадок.

И вот встреча...

Возможно, с одним из них...

Птичьего гриппа испугался

Каждый раз, проезжая по дороге вдоль реки Брянки, я встречал эту удивительную птицу.

То она парила над поймой, как аэроплан, высматривая сверху добычу, то сидела на придорожном столбе или знаке.

Привлекала внимание водителей к указателям «Крутой поворот», «Спуск» или «Ограничение скорости».

Ну чем не регулировщик?

По хищному изгибу клюва, по коричневатой кольчуге на груди и янтарным глазам легко определялась принадлежность птицы к хищникам.

По характерному «канюченью» в полёте, как по визитной карточке, легко было «прочесть» имя и отчество.

Канюк — неутомимый истребитель грызунов.

Пока шло снеготаяние, он парил над дорогой.

Присматривался к кучам отходов у цепочки обогревательных вагончиков.

Он, наверное, сильно голодал, раз перестал избегать человека.

Зима была вьюжной, весна затяжная, добывать пропитание в таких условиях очень трудно.

Большинство зверей и птиц в такое время стараются держаться ближе к человеку.

Недели через две после весенней распутицы я вновь побывал в этих краях.

Естественно, стал по привычке высматривать старого знакомца.

И встретил его.

Но это была невесёлая встреча.

Канюк сидел прямо на земле, у обочины дороги, совсем не обращая внимание на проезжавшие машины.

Буро-коричневые перья были взъерошены и скомканы.

Крылья опущены.

Он жадно пил воду из оторфованной лужи и никак не мог утолить жажду.

Почему-то промелькнула мысль — может, у него птичий грипп?

Ну и проехал мимо.

А на душе так муторно стало, хоть плачь.

Отвёз бы в зоопарк, а там птичьи доктора разобрались бы, что к чему.

Так нет, птичьего гриппа испугался.

На краба

В конце зимы на ледяных полях восточного побережья Сахалина немало любителей зимней рыбалки.

Вот и я решил тряхнуть стариной и обязательно поймать краба.

Хотя наш камчатский краб по форме и строению больше близок к ракам-отшельникам, мы привыкли называть его крабом.

Этому виду рыбалки всегда предшествует изнурительный труд.

Уж очень толстыми становятся ледяные поля к этому времени.

Зима была лютая, малоснежная.

...Первая удача пришла, когда солнце зависло над головой.

Прижав клешнёй к панцирю протухшую наважку-наживку, краб медленно поднимался к толще льда.

Вода была до того прозрачной, что сквозь неё можно было легко пересчитать все его сочленения и даже усики.

Он совсем не думал об опасности и не торопился отпускать скользящую вверх добычу.

Наоборот, свободной клешнёй норовил оторвать кусок от рыбины.

Под крабом мелькали довольно крупные зубатки.

У них на него были свои виды.

В это время у самочек камчатского краба под брюшной пластинкой спрятана не одна тысяча икринок.

Разбойницам-зубаткам иногда удаётся полностью «выдоить» икру у растяпы-мамаши.

Даже грозные клешни не пугают их...

На каждой рыбалке нужно иметь терпение.

Тогда будут удача и результат.

А у меня терпения нет.

Нет, дождаться момента и подхватить краба под брюшко.

Не дождался, поспешил.

Ухватил за клешню.

Краб, как акробат, сделал круговой поворот и оставил её в моих руках.

Со временем отрастёт новая.

Явление для членистоногих заурядное, привычное.

А я остался без трофея.

Одно утешение — краб был совсем маленький, не более трёхсот граммов.

Но больших теперь редко встретишь.

Кабаржонок Пим

повесть

Часть первая. ДЕТСТВО

Двумя олешками в тайге стало больше

Первый летний циклон накрыл юг острова сразу от побережья до побережья.

Тёплый сеющий дождь легко пробивал не только едва распустившиеся листочки берёз и ольх, сбегающих с крутых сопок в распадки, но и густые угрюмые кроны разлапистых елей.

Подстилка из опавшей хвои под пологом леса сразу вспухла и ощетинилась пиками буйного разнотравья.

Природа оживала на глазах.

Наконец-то лето добралось и до предгорий Камышового хребта, самого главного хребта острова Сахалина.

Добралось к большому удовольствию лесных обитателей.

И мужественно перенесших зимнюю стужу аборигенов здешних мест: поползней, синичек, рябчиков...

И только что вернувшейся из дальних стран пернатой братии.

И счастливо перезимовавших четвероногих обитателей, больших и малых, — от крошечной землеройки до бурого медведя.

Несмотря на затяжной дождь, весело стучал клювом по коре усыхающей пихты красноголовый дятел.

По стволам елей сверху вниз и обратно суетливо сновали юркие поползни, радуясь теплу и дождю.

Под сопкой звонко журчал ручей, переливаясь серебристыми струйками по камушкам.

А ведь совсем недавно он глухо стонал под тяжестью вешних вод, скопившихся в теснинах каменистого распадка.

Вот что значит наступило лето.

Но самое интересное событие в это время развёртывалось под шатром ветровальных елей, на обрывистом берегу ручья.

Там, в уютной ложбинке, как зонтиком прикрытой от дождя ветвями упавших деревьев, у хозяйки этих мест, симпатичной кабарожки, родилась двойня.

Два крошечных олешка, всего по полкилограмма весом, которые сразу же тоненьким писком «пи-пи-пи» потребовали от мамы полного внимания.

Осторожный ветерок прижал трогательный писк к сухой подстилке, и звонкое «пи!» превратилось в приглушённое «пим».

Приглушённое и совсем не слышимое для посторонних ушей.

А их так много в тайге!

Пим, Пимочка... — ну чем не имена для долгожданных малюток? Ласковые и трогательные.

Так и окрестила мама любимых чад.

Через три месяца от жирного маминого молока и сочной зелени вес Пима и Пимочки увеличится на порядок.

Они уже не будут такими беспомощными, как сейчас.

Но это когда ещё будет!

Пока же основная задача Пима и Пимочки — лежать тихо и ждать маму.

Лежать, не привлекая внимания хищников, которых так много кругом.

Богатые наследники

Мама Пима и Пимочки немолода.

Обычно кабарожки живут в среднем не более пяти лет, слишком много врагов у них.

А ей уже шёл десятый...

За долгие годы жизни мама сумела обзавестись роскошным родовым участком.

С густыми ельниками, с ветвей которых свисает вкуснейший лишайник уснея.

С роскошной солнечной полянкой, поросшей изумрудной травой.

С многочисленными схронами и отстоями, где можно укрыться от врагов и защититься от въедливого гнуса.

На участке есть даже собственный ручей с небольшим озерцом и лечебными грязями по берегам.

Так что Пим и Пимочка, по здешним меркам, богатые наследники.

А ещё их мама — ужасно большая лакомка.

Очень любит грибы.

Из-за них с такими же любителями таёжного деликатеса — рыжими белками — порой возникают небольшие конфликты.

К грибным местам у мамы даже проложены тропы.

Но они ещё ни разу не стали тропами войны.

С соседями мудрая кабарожка старается жить мирно.

Участок имеет ярко выраженные границы: хребты, ручьи, осыпи...

Охрана держится на обыкновенных метках.

Они у мамы Пима и Пимочки по всему периметру родового участка.

На всех мал-мало заметных местах.

Каждая метка представляет собой просто уборную, в которой год из года накапливаются продукты жизнедеятельности.

Чем больше прожила на свете, тем больше и выше метки.

И тем больше внутренних секретов в них.

Секретов, нашпигованных информацией.

Считывая её, любой представитель кабарожек может узнать о хозяине или хозяйке буквально всё.

И о возрасте, и о характере, и о желаниях, которые возникли на этот час.

Как с компьютера...

А так как самые крошечные олешки ещё и очень законопослушны, на меченый участок здравствующего сородича никогда покушаться не будут.

Тем более такого умного и везучего, как мама Пима и Пимочки.

В родовом шатре надёжно и уютно.

Мама только что вернулась с кормёжки.

Обычно основной корм её уснея — седой лишайник.

Сегодня первый раз она паслась на родовой полянке.

Уходила в густых сумерках, когда хищники уже спали.

Вернулась, когда лучи солнца чуть-чуть окрасили восток, закрытый остроконечными сопками.

Когда хищники ещё спали.

Вернулась привычным путём.

Сначала долго запутывала следы, уводя потенциальных врагов в сторону.

Потом след в след возвращалась обратно к распадку.

По ветровальной ели перебиралась на противоположную сторону.

Туда, где ждали её двойняшки.

А так как вершина ели не доставала до противоположной стороны и зависала над бездной, последние метры кабарожка, в буквальном смысле слова, перелетала по воздуху.

Попробуй, проследи её передвижения — не получится.

Но только такая маскировка позволяет маме Пима и Пимочки сохранять тайну родового шатра.

Первая опасность

Первый месяц для кормящей мамаши самый тяжёлый.

Нужно быть не только очень заботливой, но и бдительной.

А подрастающие детки так любопытны и неосторожны, что от отчаяния у мамы голова идёт кругом.

Чуть что, тоненькими голосками верещат: «пи-пи-пи».

Мол, что это такое, мама?

Нам внимание требуется, а ты чем-то своим занята...

И демаскируют себя.

А хищникам только этого и надо.

Первый выход в свет для Пима и Пимочки едва не закончился трагедией.

На семейной полянке с вкуснейшей травой, куда мама привела детишек на рассвете, Пим и

Пимочка от простора и сытного обеда так расшалились, что позабыли про всё и вся на свете.

Тонкое «пи... пи...» слышалось тут и там.

Вот и привлекли внимание хозяина здешней тайги — медведя.

Ему уже не хватало стебельков и корешков высокотравья, набирающего вес и рост по берегам ручья.

Медведь давно перестал быть вегетарианцем и регулярно заглядывал — не из любопытства, конечно, — и в гнёзда птичек, и в муравейники, и в норки грызунов.

Интересовался всем, что передвигалось, летало, прыгало...

И вдруг ветерок донёс до него тонкое «пи-пи-пи».

Медведь двигался тихо и бесшумно, а предрассветная сырость скрадывала тяжёлую медвежью поступь.

Но кабарожка сумела почувствовать опасность.

Она высоко подпрыгнула сразу на четырёх ногах и мгновенно определила источник тревоги.

Ещё не смолкло короткое предупреждающее фырканье мамы, а детишки уже лежали в ближайшей ложбинке.

Лежали, слившись с пожухлой прошлогодней травой.

Захочешь найти — не найдёшь.

Запах и вид желанной добычи затмили разум медведя.

Он был ещё молодой и неопытный, и всё его внимание сконцентрировалось на взрослой кабарге...

В беге на короткие дистанции в тайге медведю нет равных.

Но в целом бегун он неважный.

А тут короткой дистанции не получилось.

Длинные «заячьи» ноги кабарги легко выбрасывались вперёд, что позволяло делать ей прыжки, не уступающие медвежьим...

Медведь начал сдавать.

А крутой поворот на девяносто градусов, который сделала кабарга в мелколесье, сбил медведя с толку окончательно.

Сделав ещё несколько «фирменных» пируэтов, мама Пима и Пимочки своим же следом вернулась на полянку.

Детишки, трясясь от страха, продолжали лежать в ложбинке.

С этого дня, чтобы исключить встречи с медведем, страдающим от бессонницы, пришлось поменять график кормёжки.

На выпас стали выходить сразу же после полуночи.

Возвращались в шатёр ещё до рассвета.

Но время шло.

Детки росли.

И мама была уже не указ им.

Всё чаще на полянке они появлялись самостоятельно.

Порой среди дня, когда мама отдыхала.

И у них уже появились первые друзья.

Какие же мы красивые!

Материнского молока давно не хватало.

Пим и Пимочка всё активнее осваивали подножные корма.

Травку, веточки, грибы, ягоды...

Солнечная полянка стала постоянным местом обитания.

Если мама выходила на кормёжку всего лишь пару раз за сутки, и то в сумерках, Пим и Пимочка появлялись на поляне даже в дневное время.

Несмотря на строжайший запрет.

Запрет запретом, но как быть, если заяц опять предлагает игру наперегонки?

Если разноцветные стрекозы с цветка на цветок перелетают только в солнечную погоду?

Если самые интересные вещи можно увидеть только днём?

Они порой так увлекались играми, что забывали даже обустроить лёжки, где можно было бы укрыться в случае опасности.

Сегодня мама повела их на водопой.

На первый водопой по ещё одной тайной тропе.

Это место на берегу ручья давно облюбовал и здешний охотник.

Каждый раз после удачной охоты он делал на берегу привал.

Но охотник бывал в тайге редко, только в сезон охоты.

Поэтому пути-дорожки олешков и охотника ни разу не пересекались.

Кострище от многоразового пользования разрослось и вширь, и ввысь.

Древесная влажная зола была мягкой и солоноватой.

Разве могли Пим и Пимочка отказаться от такого лакомства?

Конечно, нет...

Ведь они росли как на дрожжах.

Неокрепшим организмам требовались минеральные соли.

А в золе их хоть отбавляй.

После такого лакомства студёная вода пилась с ещё большим наслаждением.

Пим в очередной раз припал к воде.

И вдруг заметил, что из глубины ручья на него уставилась какая-то уродина.

Большие выпуклые глаза на маленькой головке.

Большие напряжённые уши.

Тонкие саблевидные клыки, устрашающе торчащие из верхней челюсти.

Маленькая, как бы искусственно приставленная к объёмной задней части тела грудка с такими же маленькими ножками.

И неестественно массивные задние ноги.

— Ну и уродина! — фыркнул Пим.

К его изумлению, уродина тоже фыркнула.

Пим предупредительно грозно подпрыгнул.

Подпрыгнула и уродина.

Он угрожающе боднул головой.

Из воды тоже боднули.

Ударил от злости копытом.

По ней разбежалась рябь.

Уродина сразу исчезла.

И понял Пим, что бодался он сам с собой.

Ему стало так больно и грустно, что эту боль и грусть не могла не заметить мама.

А заметив, нежно сказала:

— Мальчик мой, ты ещё поймёшь, как красиво твоё тело! Как неповторимо оно!.. Как тебе повезло, что природа всё лучшее воплотила именно в тебе.

Чтобы ты был в движении и быстрым, и лёгким.

А значит, и неуловимым.

Чтобы жил долго и счастливо.

И Пиму сразу стало легко и спокойно.

Новый друг

Лето на Сахалине быстротечно.

Не успеешь оглянуться, а оно уже к концу подходит.

Мягкие детские шубки Пима и Пимочки со светло-серыми нечёткими пятнами по бокам

сменились на более практичные взрослые бурого окраса.

Светло-серые полосы, протянувшиеся от уголков нижней челюсти через грудь к передним конечностям, делали шубки незаметными на фоне увядающей природы.

А у Пима на брюхе появилась большая железа, наполненная густым, остропахучим секретом.

Отличительная черта мужской особи.

Его гордость и его проклятие, но об этом будет отдельный сказ.

Пим и Пимочка уже прекрасно ориентировались на своём участке.

Знали все сладкие и вкусные места.

У них даже появился первый друг — большой пёстрый дятел с весёлой красной шапочкой на голове.

В первые дни жизни дятел причинял близняшкам много беспокойства.

Они постоянно вздрагивали при резком барабанном бое, стараясь как можно глубже вжаться в шуршащую подстилку.

И хотя мама сразу же успокаивала Пима и Пимочку — не бойтесь, маленькие, это всего лишь дятел, — они продолжали бояться.

Бояться до тех пор, пока не увидели дятла своими глазами.

В ветровальнике.

Совсем рядом с домом.

Там, где было особенно много упавших и усыхающих деревьев.

А значит, и короедов.

Вот ради них, нежных и тающих во рту, дятел и долбил жёсткое дерево.

Отдерёт кусок коры, а под ней бесконечное множество ходов короеда-типографа.

Ходов, так похожих на печатные строчки.

Кроме короедов, в ветровальнике было много и усачей.

Больших чёрных жуков с длинными усами, в чёрных мантиях.

Усачи частенько садились на носы Пима и Пимочки, щекоча их.

Малыши смешно морщили носики и долго чихали, пугая усачей.

Им было так весело при этом...

А дятел этих усачей-монахов просто склёвывал.

И правильно делал.

Если бы не он и его сородичи, хвойнику пришлось бы очень плохо.

Вредители попросту бы уничтожили его.

Но дятлы сумели сдержать наступление и короедов, и усачей.

Не дали распространиться на живые деревья.

Так что корма у дятлов было предостаточно.

А где корм, там и дом.

Дома-дуплянки у трудолюбивых дятлов появлялись как грибы.

Их хватало и для себя, и для белочек, и для пернатой мелюзги: синичек, поползней...

Дятлы — птицы нежадные.

Понравился кому-то из гостей домик — заселяйтесь, пожалуйста.

А мы себе другой построим.

Наверняка друг-дятел построил бы дом и Пиму с Пимочкой.

Так понравились ему любопытные и весёлые кабаржата.

Да не нужен кабаржатам дом на такой верхотуре.

Вот и сейчас, когда по крутому отрогу хребта Пим и Пимочка спускались на водопой, буквально в двух шагах от них на комель усыхающей ели опустился красноголовый друг.

И сразу выдал дробь.

Да такую, что Пим и Пимочка присели от неожиданности.

А дятел, поблёскивая маленькими весёлыми глазками, посмотрел на двойняшек лукаво, как бы говоря: ну как я вас напугал?

И вновь ударил в барабан.

Мол, я очень рад вас видеть.

И то, что вы живы.

И то, что вы есть.

И то, что вы здесь.

Но дружба — дружбой, а работа — работой.

А работы у меня непочатый край.

Так что до встречи...

Встреча была мимолётной, но под её впечатлением прошёл весь день.

Вот что значит встретить друга.

Урок ботаники

То, что на родовом участке много всяких вкусностей, Пим и Пимочка уже знали.

Они легко находили в чащобах и на полянке полюбившиеся травки и веточки.

Но вечно озабоченная мама, несмотря на явную самостоятельность детишек, решила в один из пасмурных дней преподать своим любимцам урок ботаники, чтобы знаний было ещё больше.

Вкусности как появились, так могут и исчезнуть.

Запас их не бесконечен.

И надо знать, чем их можно заменить.

Есть-то хочется каждый день...

Урок начался с белокорой пихты, ствол которой был усеян смолистыми пупырышками, а веточки — густыми плоскими хвоинками.

Хвоинки были такими нежными на вкус, что таяли во рту.

Но из-за вяжущей смолистой терпкости интерес к ним быстро пропал.

И мама переключила внимание детишек на бородатую ель, стоящую рядом, — основной корм кабарожек в зимнее время.

Лишайник разросся так, что ели казались седыми.

И на фоне изумрудных пихтушек выглядели старушками.

Но на вкусовых качествах такое обстоятельство совсем не отражалось.

В неглубокой мочажинке, свободной от травы и бамбука, росло несколько кустиков ивы.

Мама виртуозно состригла самый крупный из них.

Пим и Пимочка повторили её движение.

Сладковатые веточки казались верхом блаженства.

Не обделили вниманием и островок кремнистого хвоща.

И куртинку пышного, как перья страуса, папоротника.

Урок становился таким увлекательным, что Пим и Пимочка позабыли о времени.

Они уже успели попробовать на вкус и тоненькие веточки берёз, струйками дождя свисающие с белых стволов.

И заячью капусту, растущую рядом.

И много-много других вкусностей.

Пока не случился конфуз.

Пим по неопытности перепутал стебельки сладкой черемши со стебельками чемерицы.

Горькой и ядовитой.

Но тут же поправился.

— С кем не бывает, — только и сказала мама.

А потом предложила детишкам сладкий десерт.

— Заслужили, ученички...

Правда, за десертом пришлось спускаться к ручью.

Там все деревья без исключения: берёзы, ели, рябины, — были увиты необычайно цепкими лианками.

Верхние плети лианок терялись в густых кронах деревьев.

Тыльная сторона листочков пестрела белым и розовым цветом, отчего деревья при малейшем ветерке переливались цветными блёстками.

Словно в лес уже пришло время новогодних праздников.

Праздничными игрушками свисали зеленовато-жёлтые бочоночки ягод.

Эти ягоды были такими сладкими и нежными, что глаза Пима и Пимочки сами закрывались от блаженства.

Маме удалось найти даже несколько кустиков красники, к великой радости двойняшек.

Когда-то у подножия склона её было очень много.

Но краснику безжалостно вытеснил бамбук.

Страшнее этого агрессора в лесах Южного Сахалина нет.

Кисловато-сладкие ягоды красники быстро утолили появившуюся жажду и придали бодрости.

У ягод был запах раздавленных клопов, за что краснику на Сахалине ещё называют «клоповкой».

Но это нисколько не сказалось на её вкусовых качествах.

Усталость сразу сняло.

...Урок заканчивали на родовой полянке.

Полянка, которую не один раз избегали вдоль и поперёк, тоже, оказывается, хранила столько секретов и тайн!

И их ещё предстоит разгадать.

Так что уроков в жизни Пима и Пимочки будет ещё немало.

Язык леса

Каких только звуков не услышишь в тайге.

Каждое дерево, каждый кустик говорят на своём языке.

Каждая травинка, даже если она сухая.

Дунул ветерок — и началось...

Пим и Пимочка попервости здорово пугались.

Скрипы, всхлипы, вздохи со всех сторон.

Какие-то шорохи.

Попробуй угадай, кто на каком языке говорит, откуда опасность может появиться.

Но опять же помогла мама.

С её помощью язык леса освоили не хуже, чем ботанику.

А язык птиц и зверей даже стали понимать понемногу.

Вот резкий гомерический хохот потряс округу.

А Пим и Пимочка спокойны.

Чего волноваться — если они знают, что их друг-заяц таким способом демонстрирует веселье на очередной свадьбе.

Опять, наверное, подрался косой с кем-то из родственников.

Зачастили скороговоркой сойки у ручья.

Тревожно, возмущённо.

И сразу тревога соек передалась Пиму с Пимочкой: крупный зверь рядом бродит или человек...

Но оказалось: ни то ни другое.

Над головой скользом пролетел ночной разбойник-филин.

А следом за ним с такой же лёгкостью — галдящие сойки.

Днём филин плохо видит и беспомощен.

Отсиживался где-то в дупле.

И как только сойкам удалось поднять его.

Сейчас бояться филина нечего.

А вот в сумерках...

Не дай Бог попасть такому в лапы.

Но всё равно молодцы сойки, что предупредили.

Под комель старой растрескавшейся пихты шумно опустилась парочка рябчиков.

Ядро дерева разложилось буквально в пыль.

И труха через трещину высыпалась под корневище.

В этой трухе рябчики устроили себе порхалище.

Очищают пёрышки от насекомых.

Пим и Пимочка сначала вздрагивали от перепархивания лесных петушков.

Теперь привыкли.

Не пугаются.

И даже сами не раз барахтались в пыли, принимая оздоровительные ванны.

Насекомых и у них хватает.

Ревматически застонал старый дуб.

Глухо зашумели ели и пихты, сочувствуя ветерану.

Пим и Пимочка уже хорошо знали, что дело идет к непогоде.

Язык деревьев они освоили в совершенстве.

Надо побыстрей закончить завтрак и найти надёжное убежище, чтобы переждать непогоду.

Над головами с дерева на дерево спланировала белка-летяга.

Летящий следом снаряд опередил её на доли секунды, не дал бедняге приземлиться на ветку каменной берёзы.

Силой своей тяжести сбил белку на землю...

Резко запахло свежей кровью.

Юркий соболёк настиг свою добычу в воздухе.

Пиму и Пимочке придётся с ним встретиться ещё не один раз.

А пока они так вжались в прошлогоднюю подстилку, не то что соболю — маме трудно их найти.

По кронам хлёстко ударили первые капли дождя.

Началось...

Пора искать надёжное укрытие.

Не стало Пимочки

Рунный ход лосося — явление в природе зрелищное, неподдающееся описанию и захватывающее дух.

Вода так и кипит от лосося, спешащего на нерест.

В это время года даже неумеха и лентяй не останутся голодными.

Но, увы, не в этот год.

Рыба запаздывала.

Запаздывала безнадёжно.

Из-за необычайной жары устье основной реки оставалось перекрытым железной сеткой.

Рыбу не пускали в реку, чтобы избежать катастрофических заморов.

Но как объяснить это лесным обитателям?

Медведи часами сидели в засадах, высматривая долгожданную рыбу.

Без неё и жирка не нагуляешь, и в зимнюю спячку не заляжешь.

В восходящих воздушных потоках парили орланы и скопы, планируя над руслом реки от одного воздушного завихрения к другому.

И тоже ждали рыбу.

Подрастающим птенцам требовалось много белкового корма.

По лососю скучали и соболь, и норка.

А он всё не шёл.

У семейства кабарожек к этому времени появились большие проблемы.

Под плотной шёрсткой лёгких шубок скопилось несметное количество кровососов: клещей, личинок гнуса и другой мелкой нечисти, которой переполнена тайга в это время и которая не даёт житья лесным обитателям.

Изъязвлённая кожа кровоточила, чесалась, доводила до изнеможения.

Набравший жирок молодняк на глазах терял вес.

Всё чаще дружная семейка появлялась на берегу крошечного озерца принять целебные грязи.

Особенно тяжело пришлось Пимочке.

Её кожица была изнеженной, тоненькой и легко поддавалась проникновению кровососов.

Пимочка окончательно потеряла аппетит и ослабла.

А слабым всегда приходится туго.

Острозубый соболёк и не мечтал о такой добыче.

Довольствовался грызунами и содержимым птичьих гнезд: птенцами, яйцами.

Был удачлив и везуч.

И всегда сыт, как и сейчас.

Но и сытый, он оставался хищником.

А какой хищник откажется от царской добычи!

Мама вовремя заметила опасность.

И можно было бы всем уйти в спасительную чащу, но Пимочка ослабла...

Тело не было лёгким и послушным, как всегда.

Острые зубы соболя впились в изъеденную кровососами шею.

На озёрную грязь, взрыхленную копытцами кабарожек, опустилась стайка небольших куличков, носами, как иглами, штопая углубления, оставленные копытцами.

Кулички сновали молча и деловито.

То что-то выискивая, то что-то вытаскивая.

И до таёжной трагедии им совсем не было дела...

Так уж устроен мир

Чем взрослее становился Пим, тем больше вопросов возникало в его головке.

Здесь мы живём.

Здесь наш дом.

И здесь мы всего боимся.

— Разве это правильно, мама?

Прячемся от медведя.

Обходим дупло совы стороной.

Стараемся, чтобы не заметил орлан с воздуха...

А я вот возьму и перестану бояться.

Пусть знают все, кто на участке хозяин.

Но не успел Пим додумать свои мысли, как на поляну выскочила лиса.

С подветренной стороны, откуда мама-кабарожка опасности совсем не ждала.

Рыжая.

Неопрятная.

С клочьями торчащей шерсти.

Спасительные скалы далеко.

Дерево-мостик через распадок — тоже.

А внизу обрыв над крошечным озерцом.

Пим даже не понял, как очутился с мамой в этом озере.

И куда только делись мысли о том, что он перестанет бояться всего...

Что он единственный хозяин здесь...

Считанные метры отделяли лису от желанной добычи.

Но этими метрами была вода...

А плавать плутовка не любила...

Затаившись в кустах, лиса долго ещё ждала момента, когда олешки выйдут на сушу.

Но мама Пима хорошо знала её уловки.

Да и терпения у неё тоже не занимать...

Вот здесь, среди родового озерца, под горящим взглядом лисицы, Пим и понял смысл жизни.

Её уклад.

И кто хозяин — тоже.

Оказывается, хозяев в тайге очень много.

Как звёзд на небе.

Как капелек росы на траве.

От крошечного червячка до громадного медведя.

Только у каждого хозяина своё предназначение.

Свои тропки-дорожки.

И не дай Бог, если они пересекутся, как сейчас...

И тогда червячком закусит один из птенцов крошечной мухоловки.

Как он только что закусывал мякотью гриба.

А птенец попадёт на обед всеядной крысе-пасюку.

Крыса — к орлану-белохвосту.

Птенцам орлана тоже надо что-то есть...

Но дерево вместе с гнездом падёт на землю под натиском бури.

И енотовидная собака случай утолить голод тоже не упустит.

Зазевавшуюся собаку задавит медведь.

А его в свою очередь подстрелит охотник.

Вырежет желчь и бросит тушу на съедение червям.

Пищевая цепочка началась с червя, им же и закончилась.

Так уж устроен мир.

Гон

Зима всегда приходит, когда её не ждут.

Весь день светило яркое солнце.

Было тепло и безветренно.

Казалось, что такая благодать будет длиться вечно.

Пим до самых сумерек бродил по пойме ручья, отыскивая в редком ивняке последние осенние грибы.

Он даже во сне не мог освободиться от впечатлений прошедшего дня.

Всю ночь снились опята, густо облепившие стволы деревьев.

Пим и во сне продолжал их срывать жёсткими губами, подпрыгивая и вставая на задние ноги, истекая сочной слюной.

И белка снилась.

Та, что возмущённо цокала на него прошедшим днём.

Когда Пим пытался дотянуться до засохших ивовых веток, на которых запасливая хозяйка развесила желтоватые кружочки грибов.

Всю ночь, как в цветном калейдоскопе, прокручивались события беспокойного предзимнего дня.

Пим вздрагивал, дёргал во сне ногами и... продолжал спать.

Спал так сладко и крепко, что проспал приход зимы.

Зимы, которой ещё ни разу не видел, но о которой так много слышал.

Пробуждение было полно сюрпризов.

Стояла необычно звонкая тишина.

С небес бесшумно падали белые хлопья.

Его шоколадная спинка тоже стала белой.

Как и вершинки стоящих деревьев.

Как сухая трава и старые замшелые пни.

Ошалевший от необычайно светлой тайги, Пим был в таком возбуждении, что маме пришлось успокаивать его.

В поведении мамы тоже что-то изменилось.

На родовом участке неожиданно появился табунок олешков.

Два самца и две важенки.

А мама, вместо того чтобы изгнать незваных пришельцев, весело и бесшабашно носившихся по её тропам, сама присоединилась к их веселью.

И даже забыла про существование сына.

Пим был потрясён.

Всё происходящее вызывало жгучую ревность.

Но повлиять на поведение мамы он, увы, не смог.

Мама, его строгая мама, сама превратилась в ребёнка.

Важенки игриво скакали по заснеженной полянке.

Мама не отставала.

Все старались обратить на себя внимание кавалеров — рослого самца-красавца с серебристой сединой на хребте и коренастого, крепко скроенного, довольно молодого олешка.

Как настоящие рыцари, для избранниц своего сердца на открытой полянке они устроили турнир.

Рослый самец теснил своего юного соперника к лесу с устрашающим чуфыканьем.

К трибунам, которые занимали восторженно притихшие дамы.

Юный олешек яростно сопротивлялся.

Но пятился метр за метром под напором более опытного и сильного.

Природа не наделила соперников рогами.

Саблеобразные клыки, которые они носили в уголках верхних челюстей, были не в счёт.

Это всего-навсего украшение, подчеркивающее мужскую принадлежность.

Нанести повреждения друг другу рыцари не могли.

Да это и не самое главное.

Потерять престиж в глазах возлюбленной куда страшнее, чем получить раны...

Пим наблюдал за всем со стороны.

Пройдёт всего год, и он попробует свои силы в рыцарском турнире.

Если, конечно, переживёт зиму.

В браконьерской петле

Кабарга для охотника всегда считалась ценным трофеем.

И не столько из-за мяса, сколько из-за кабарожьей струи.

Так ещё называют мускусную железу кабарги.

В середине девятнадцатого века в Сибири и на Дальнем Востоке заготавливалось в год до восьмисот тысяч таких вот кабарожьих струй.

Слава о кабарожьем мускусе гремела по всему миру.

Им лечили удушье, конвульсии, нарывы, поднимали самочувствие.

Ничтожная добавка в духи многократно увеличивала стойкость запаха.

И парфюмеры всего мира без кабарожьей струи уже обходиться не могли.

Её требовалось всё больше и больше...

И всё больше и больше сокращалось поголовье кабарги.

Мускусная железа для миниатюрного олешка стала таким же несчастьем, как для пятнистого оленя панты.

Как для бурого медведя жёлчь.

Кабаргу так интенсивно истребляли, что в некоторых районах она исчезла вообще.

А в других пришлось заносить в Красную книгу, чтобы спасти от полного истребления.

С тех пор утекло много воды.

И парфюмеры уже могут обходиться без кабарожьей струи.

И лекарств много новых появилось, которые лечат вся и всё.

Но восточная медицина по-прежнему держится на животном и растительном сырье.

А границы пока у нас не закрыты полностью...

Вот и появилась на одной из кабарожьих тропок стальная петля.

Часть ствола, перекрывающего тропу, была аккуратно выпилена.

И попробуй рассмотри в просвете металл.

В рассветном полумраке мама шла первой.

Пим копировал её движения, ориентируясь на зеркальце — маленькое белое пятнышко под коротким хвостом.

И вдруг мама упала.

Встала.

Снова упала...

Забилась в судорогах.

И чем больше билась, тем туже затягивалась петля на шее.

Мама ослабла и затихла.

Пим ещё около часа лежал рядом с ней.

Лежал, не понимая, в чём дело.

Не понимая, почему его мама устроила отдых на таком опасном месте.

Но совсем рядом ухнул филин.

Пим бросился в укрытие.

Больше он маму не видел...

Часть вторая. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Голод

Зловещая мёртвая тишина нависла над тайгой.

Своё название «лютый» февраль оправдывал с лихвой.

В такие холода скудная и низкокалорийная пища не успевала восстанавливать энергию лесных обитателей.

Её пожирал холод.

Особенно трудно было мелким пичугам.

Им приходилось то и дело вылетать на кормёжку.

Вылетать... и не возвращаться.

Сколько их замёрзло на лету, камнем упав на искрящийся саван снежного наста?

Не счесть.

Приуныли даже белки.

Шишек в тайге не осталось.

Все запасы съедены...

На завтрак, ужин, обед одно и то же блюдо — кора да лишайник...

Их роскошные хвосты, всегда находящиеся в идеальном состоянии, поникли.

Потеряли блеск.

Перестали устраивать перебранки сойки.

Впервые за всю зиму галечники, в которых сойки добывали камешки для перетирания пищи, оставались закрытыми снегом.

Для Пима тоже пришли тяжёлые времена.

Была бы мама — помогла.

Но нет больше мамы.

До свисающей с веток уснеи он дотягивался с трудом.

С каждой кормёжкой приходилось уходить от лёжки всё дальше и дальше.

Пока не оказался на скальном хребте.

Сколько раз выручал он Пима!

Укрывал его от четвероногих хищников!

Спасал от гнуса!

А теперь спас и от голода.

Под каменистым навесом одной из расщелин Пим нашёл целую охапку сена и веточек.

Ароматных.

Шуршащих.

Словно только скошенных.

Кучка заботливо была прикрыта от ветра плоскими камешками.

Её хватило, чтобы вдоволь наесться и устроить мягкое ложе.

Давно он не был таким сытым и счастливым.

Давно так славно не отдыхал.

Под лёгкое завывание ветра спалось крепко и безмятежно.

Пока его не разбудил плач.

Плач сеноставки

Таких звуков Пим ещё не слышал.

Вскочил и замер.

Сна как не было.

Тёплое ложе запарило и окуталось густым туманом.

Перед обрывом на огромном валуне сидело зайцеподобное существо и горько всхлипывало.

Буровато-серая спинка при каждом пронзительном звуке вздрагивала.

Прижатые к голове уши мелко тряслись.

Существо так походило на его друга-зайца, что Пим сразу успокоился.

Опасности пищуха (или сеноставка) — так звали зверька — для него не представляла.

Обильно посыпав горохом ещё не остывшее ложе, — где обед, там туалет, явление для олешков привычное, — Пим начал спускаться с отрогов хребта вниз.

Поближе к родному шатру.

Туда, где чувствовал себя всегда в безопасности.

Ограбленная пищуха продолжала рыдать над остатками своих закромов.

Невесть откуда взявшийся орлан камнем спикировал вниз...

Ему повезло.

Он голодал уже неделю.

Его сородичи, сбившись в стаи, давно откочевали на север острова Хоккайдо, где теплее и сытнее.

А он, гордец, остался.

Остался, мужественно перенося невзгоды.

Ведь здесь его родина.

Видно, за мужество судьба и оказалась благосклонна к орлану.

После пурги

Ещё вчера мороз трещал так, что даже голодным не хотелось покидать согретое ложе.

Но к утру резко потеплело.

Воздух стал не по-зимнему влажным и мягким.

Пим уже знал, что это к пурге.

А значит, опять придётся отлёживаться в укрытии.

Опять голодать.

Как и всем лесным обитателям.

Снежная вакханалия прекратилась только на третий день.

И сразу же у голодного зверья началось оживление.

Далеко от мест укрытия не отходили.

Зачем привлекать внимание хищников!

Бисером расписали мыши ослепительное снежное покрывало.

Но недолго радовала эта роспись матушку-природу.

Размашистым росчерком, крест-накрест, мышиную вязь перечеркнул след лисицы.

Удачливая лисица успела поставить даже несколько рубиновых точек на свою «резолюцию».

Не повезло мышкам-норушкам.

И Пим от лёжки не отходил далеко.

Страшно!

Кормёжка после пурги сродни карточной игре.

Повезёт не повезёт — дело случая.

И на этот раз козырь выпал лисице.

Свежие следы кабаржонка прочла легко и играючи.

Вот что значит сытый желудок.

И так же играючи сокращалось расстояние между жертвой и добычей.

Лиса по рыхлому снегу не бежит — стелется.

А кабаржонок, хоть копытца и раздвижные, тонет в рыхлом снегу...

Хватательный бросок у лисицы сильный.

Постаралась захватить кусок как можно больше.

Чтоб жертва не ушла.

И отхватила!

Не учла, что у кабаржонка шерсть сзади не только длинная и густая, но и ломкая.

И забила плутовка пасть.

Давится — дышать нечем.

А кабаржонка только и видели!

По ветровальной ели сумел перелететь на другую сторону распадка.

Маминой уловкой воспользовался.

Лиса не эквилибристка, у неё таких цепких копытец нет.

Пришлось опять мышковать.

Заячьи свадьбы

Самое тяжёлое время для лесных обитателей — конец зимы.

Снег осел.

На поверхности — корочка.

Тоненькая. А режет, как стекло.

Попробуй уйди по такому насту от хищников.

Вот и отлёживается днями Пим в спасительном схроне.

Терпит голод.

Терпит стужу.

Выходит на кормёжку только перед рассветом.

Когда снег промерзает и не проваливается.

Рядом лёжка зайца.

Друга-зайца.

Заяц и видит неплохо.

И чутьё у него отличное.

Он даже во сне приоткрывает по очереди глаза: а вдруг?

Да и ушами всё время водит по очереди.

Всё у него под контролем.

С таким сторожем не пропадёшь.

Так что с другом ему повезло.

Но в последние дни заяц совсем сошёл с ума.

Совсем ошалел.

Что ни день — свадьба.

Что ни день — разборка.

Смешно смотреть, как косые друг друга дубасят, стоя на задних лапах.

А какие рожи корчат при этом!

Умора!

От их плаксивых криков устал вздрагивать.

А другу-зайцу всё трын-трава.

Вот и сейчас сидит он на полянке, выгрызая ледяные катышки.

Готовится к новым боям.

К новым разборкам.

А Пим лежит тихо.

Пережёвывает жвачку, думает свои думы.

К такому буйному соседу и лиса в гости может пожаловать.

Второй раз на одну и ту же уловку плутовка не купится.

Но ничего не поделаешь.

Друг есть друг.

Стожок

Пим давно смирился с тем, что он один-одинёшенек на белом свете.

И вдруг по свежей позёмке следы.

Следы копытц.

Много следов.

Правда, ведут они в долину, на которую мамой наложено табу: там человек, а значит, туда нельзя...

Но мамы нет, и табу потеряло силу.

Опутанный морозной дымкой, на крошечном лужку, поросшем редким шиповником, небольшой стожок.

Стожок так ощипан снизу, что напоминает гриб.

Небольшой табунок миниатюрных олешек под его заснеженной шляпкой сосредоточенно жуёт шуршащие сенинки.

На Пима никто не обращает внимания.

Здесь и рослый самец с серебристой холкой, которого Пим встретил на маминой свадьбе.

И его коренастый соперник.

И парочка незнакомцев. Тоже самцов.

Холостяцкая компания.

Совсем недавно были соперниками.

Бега.

Турниры.

Демонстрация силы.

Потеря аппетита и сна...

Теперь всё это позади.

До новых свадеб — одна компания.

Дружная.

Верная.

Сообща легче переносить невзгоды и стужу.

Все жуют сосредоточенно.

Растраченный жирок на зимних харчах нагнать нелегко.

Но надо...

Не за горой новые свадьбы.

И каждый хочет быть победителем.

Пим присоединяется к обеду.

Из-под остожья сквозь берёзовые жерди на него оценивающе уставились две пары глаз.

Проснулись енотовидные собаки.

Они залегли под стожок ещё по первому снегу.

Под шубой шуршащего сена было тепло и уютно...

Но теперь шубу наполовину съели олешки.

Ветерок вовсю гуляет под остожьем.

Пим самый маленький из компании.

Всего полпуда весом.

Да и росток едва полметра перевалил.

Был бы один — завалили бы кабаржонка еноты, не задумываясь.

И такой бы пир устроили.

Да уж больно компания большая.

Забьют.

Придётся довольствоваться ягодами шиповника.

Вон как призывно горят они на ветру прямо у стожка.

Лениво закаркали вороны.

Табунок насторожился.

Застриг ушами.

Олешек с серебристой холкой метнулся в чащу.

Табунок за ним.

И Пим, естественно...

Крылатые парикмахеры

Мартовские дни не такие тягомотные, как зимние.

Природа понемногу оживает после спячки.

На глазах оживает.

И морозы по ночам не так давят.

И солнце пригревает.

Пусть скудное тепло от него, но сколько радости лесной мелкоте!

На потемневший снег, пусть ненадолго, но выползли паучки, комарики, козявки разные.

Даже бабочка-крапивница и та покинула убежище.

Сидит на сухом зонтике сломанной медвежьей дудки. Млеет на солнышке.

И невдомёк глупой, что жизнь её держится на волоске.

Что эту дудку вот-вот дожуёт кабаржонок Пим.

Вместе с ней.

На стожок, как снежная буря, дружно опускается стайка пуночек.

Кругом снег, проталин ещё не видно, а тут первые перелётные птицы.

Неужели и вправду весна?

Шерсть на олешках за зиму поистрепалась. Слежалась.

Клочьями вылезает.

И как только пернатые обитатели узнают про это?

Садятся безбоязненно на спины.

Выискивают насекомых между шерстинок.

Дёргают шерстинки для гнёзд.

Весна идёт!

Ждать не будет.

Мужская компания давно распалась.

Разбрелись олешки по своим вотчинам.

Что поделать — такие уж они индивидуалисты.

И Пим снова в своём родовом имении.

И совсем не скучно ему.

Ручьи журчат.

Мелкота распелась.

На ветках деревьев первые листочки.

В родовой шатёр, как к себе домой, каждый день прилетает нахальный крапивник.

На хозяина ноль внимания.

Садится бесцеремонно на спину, задирая короткий хвостик повыше.

И тоненьким клювиком подстрижку делает.

Слежавшиеся шерстинки убирает.

И Пиму это нравится.

До чего же рукастая птичка-невеличка!

До чего же запасливая и хозяйственная.

И строится с размахом.

Сдать «под ключ» сразу полдесятка домиков — какая хватка нужна.

Где только не лепит их крапивник!

И на кустах.

И под кустами.

И под корчами.

И в расщелинах.

На любой вкус и цвет.

А иначе нельзя.

Уж очень подружки привередливые.

Просто на трели-рулады не купятся.

Им комфорт подавай...

А Пима жилищные проблемы совсем не волнуют.

Всё мамой ещё обустроено.

У него одна задача: раз жизнь дана — надо жить.

И он делает это с большим удовольствием.

Дружба с сойкой

Своё порхалище умная сойка устроила рядом с муравейником под корневищами старой пихты.

Корневая губка давно превратила в труху сахарную древесину могучего дерева.

Теперь в этой трухе сообразительная сойка деловито очищает пёрышки и кожу от грязи, лишнего жира, насекомых.

Их тут же подбирают снующие туда-сюда муравьи.

Вокруг муравейника на десятки метров ни травинки.

С прополкой лесные доктора-химики постарались на славу.

Муравьёв в муравейнике не меньше, чем травинок.

И на каждую травинку нашёлся свой шприц с инъекцией муравьиной кислоты.

Теперь трава вокруг муравейника не растёт.

Значит, и к разнежившейся в трухлявой пыли сойке никакой враг незаметно не подберётся.

Яркие пёрышки её всегда опрятны и поблёскивают глянцевой синевой.

С сойкой у Пима дружеские отношения.

Она не раз предупреждала его об опасности своим пронзительным заполошным криком.

Медведь ли появится рядом, или невесть откуда взявшаяся беспощадная росомаха.

Но и кабаржонок в долгу не остаётся.

Когда он спокойно лежит на тёплой лёжке, сосредоточенно пережёвывая жвачку, сойка тоже может расслабиться.

Слух у кабаржонка изумительный.

Большие уши, как локаторы, сканируют всю округу.

Можно спокойно и в расщелинах коры насекомых поискать, и принять ванну в порхалище.

Да мало ли что ещё!..

Кабаржонок бдит.

Всё видит.

Всё слышит.

В случае тревоги знак опасности подаст мгновенно.

Когда сойка неожиданно исчезла, кабаржонок расстроился.

Как-никак, друга потерял.

Думал, что бросила она его.

Откуда кабаржонку было знать об очередной таёжной трагедии.

О том, что легкомысленная сойка соблазнилась кусочком рыбы на язычке капкана.

И что кусочек этот, как церберы, надёжно охраняли челюсти железного монстра, поставленного на таёжного разбойника соболя.

Теперь тушка сойки висит над этим капканом, превратившись в приваду.

Но и соболю от судьбы не уйти.

В тайге закон один.

Закон суровый и беспощадный.

Кто коварнее, тот побеждает.

А коварнее человека никто ещё в природе не появился.

Привычки соболя он изучил досконально.

Знает, что сойка — его лютый враг.

Не любит соболь сойку за её трескотню.

За то, что она постоянно мешает охоте.

И случай посчитаться с сойкой соболь никогда не упустит.

На это и рассчитывает охотник...

В тайгу пришли лесозаготовители

Лето и осень пролетели незаметно.

Пим уже давно сменил детскую шубку на взрослую.

Появились осанка и уверенность в себе.

Пим уже не считал себя уродцем, как в детстве.

Сбылись слова мамы о том, что он будет гордиться собой.

До сих пор Пим помнит восхищённые взгляды двух сестрёнок-важенок с соседского участка...

Надо было бы подойти к ним, да нельзя.

Этикетом не предусмотрено.

То ли дело в предстоящие декабрьские турниры...

«А болеть-то они будут за меня», — сладко потянулся во сне Пим.

И тут до него донеслись глухие раскаты грома.

Гром зимой? Но такого не бывает...

Однако раскаты не стихали.

Они раздавались снизу, из поймы ручья, в которой по осени так любил Пим лакомиться подмороженными опятами.

Раскаты эти то накатывали волной, сдавливая ушные перепонки, то растворялись в морозной дымке.

На следующий день они стали ещё ближе.

И в воздухе Пим явственно почувствовал запах гари и дыма.

Пим насторожился: что это?

Выплёвывая клубы смрадного дыма, из низины к подножию сопки выполз ярко-жёлтый бульдозер.

Стальное чудовище играючи раздвигало снежные завалы вместе с кустарниками и мелколесьем.

За ним, как траурная лента, тянулась чёрная полоса дороги.

Привычная жизнь на родовом участке заканчивалась.

В тайге появились лесозаготовители.

Появились со всеми атрибутами своего производства.

С бензопилами.

Трелёвочными тракторами.

Обогревательными вагончиками.

Сразу стало шумно и тесно.

Волока, как паутинки, легли на все его тропы и тропки.

Уничтожив и пограничные метки, и тайные схроны, сделанные ещё мамой.

Но самое страшное — в тайгу с людьми пришли собаки.

Собаки, которые после памятной встречи наводили на него страх и ужас.

Тайга под рёвом бензопил редела.

Вековые пихты и ели, как поверженные великаны, тут и там падали в снег, поднимая облака снежной пыли.

Чадящие соляркой трелёвщики споро утаскивали на разделочные площадки стволы, только что лишённые веток.

Про кормёжку днём пришлось забыть совсем.

Выходить на неё Пим стал только по ночам.

И в одну из таких ночей сделал интересное и важное открытие: худа без добра не бывает.

Огромные космы уснеи, до которых он не мог дотянуться, теперь вместе с ветками поверженных деревьев лежали прямо на волоке.

Прямо под ногами. В огромных количествах.

Не надо набивать тропы, утопая в снегу и оставляя тёплые следы для хищников.

Не надо высматривать кусочки сладкого лишайника на редких, прогнувшихся ветках, до которых не всегда можно дотянуться.

К тому же по накатанным тяжёлой техникой волокам стало легко и свободно передвигаться.

При любом шорохе тут же можно укрыться в куче порубочных остатков или за отрубленной вершинкой ели...

И за свой дом Пим перестал беспокоиться.

Крутяки лесозаготовители не трогали.

Деревья на них оставляли для осеменения вырубок.

Так что уютная ложбинка, прикрытая шатром упавших деревьев, ещё долго послужит ему надёжным убежищем.

Прошёл всего лишь месяц, а Пим уже свыкся с незваными гостями.

Часами наблюдал за их работой из своего укрытия и лениво пережёвывал жвачку.

Он становился философом.

«Худа без добра не бывает», — не раз подумывал Пим.

Плен

Лесные собаки — собаки особые.

Их повадки и образ жизни резко отличаются от домашних.

Они неизвестно откуда появляются с приходом лесозаготовителей.

Неизвестно куда исчезают после ухода.

Тайга для них — дом.

Тайга — их стихия.

И в ней собаки — как рыба в воде.

Добычей им служит всё, что является органикой.

Всё, что съедобно или условно съедобно.

Они выслеживают грызунов.

Вылавливают лягушек и их икру.

Выкапывают слизняков и червей — едят всё, что можно съесть.

Сбившись в стаю, они успешно выслеживают и загоняют не только зайцев, но и парнокопытных.

Нет на свете коварней, беспощадней и изобретательней существ.

И в этом скоро убедился Пим.

От спокойной и сытой жизни он расслабился и совсем потерял бдительность.

И страх совсем потерял.

Кормиться стал приходить на разделочную площадку прямо рядом с обогревательными вагончиками лесников.

На ней скопились горы сучьев, опутанных седыми бородами уснеи.

Ночью лесники спят.

Так что лакомиться лишайниками никто ему не мешал.

И надо же было потревожить собак!

Они, оказывается, по ночам тоже порой бодрствуют.

Вот и выследила Пима собачья стая прямо во время трапезы.

В самое что ни есть глухое время — задолго до рассвета.

Выследили и обложили со всех сторон.

Опыт по этой части у них большой.

Не одна загубленная душа на собачьем счету.

Врагу такой смерти не пожелаешь.

Озлобленные псы не давали возможности выйти из круга.

Вся надежда на быстрые ноги.

Но силы таяли.

Он один — их стая.

С разорванного бока на снег по шубке стекала густая струйка крови.

Её пьянящий запах придавал собакам ещё больше азарта.

К вышедшему из тёплого вагончика на шум и лай сторожу Пим буквально свалился под ноги.

Свалился и сразу затих.

Лишь бока продолжали содрогаться мелкой дрожью.

Человек, который всегда наводил на него ужас, стал невольным его спасителем.

Для лесного человека пуд веса — это не вес.

Подняв Пима на руки, сторож, сопровождаемый неистово лающей стаей, перенёс кабаржонка в своё жилище.

В эту ночь убежищем для Пима стало тесное пространство между стенкой вагончика и деревянными нарами, на которых спал сторож.

Так для Пима началась новая жизнь, полная тревог и неизвестности.

Новая жизнь

К задней стенке вагончика сеткой-рабицей пригородили небольшой участок.

Внутри ограды поставили шалашик из коротких досок.

Чтоб было где укрыться и отдохнуть.

Пол щедро посыпали опилками.

Всё.

Дом для новосёла готов.

И Пима торжественно всей бригадой перевели в только что выстроенные хоромы.

Он сразу же забился в шалашик и двое суток не выходил из своего укрытия.

Ни пить, ни есть.

А когда вышел впервые, то встал так, чтобы чувствовать «тыл».

Спиной к шалашику.

Врождённый рефлекс, который передаётся из поколения в поколение в крошечном роду кабарги.

Собаки первое время не отходили от загона, лая и истекая слюной.

Потом будто забыли о существовании кабаржонка, потеряв к нему интерес.

Одним просмотром сыт не будешь...

А вот члены бригады, истосковавшись за долгое время смены по семьям, одаривали кабаржонка нерастраченными нежностью и лаской.

Каждый старался уделить внимание гостю.

Кто приходил с корочкой хлеба, посыпанной солью, кто с кусочком сахара.

А кто с невесть где выкопанным пучком зелёной травы.

Угощения уже не лежали сиротливо в корытце.

Пим перестал быть таким пугливым.

Он даже позволял почёсывать себя за ушами, жмурясь, как кот, от удовольствия.

(А может, от страха — кто поймёт звериную душу.)

К хорошему привыкаешь быстро.

Повариха привезла из дома красный галстук.

От дочки-школьницы остался.

И повязала на шею кабаржонка.

Пим сразу стал красивым и важным.

Время летело незаметно.

Солнце светило всё ярче.

Дни становились всё длинней.

Пим и не заметил, как с крыши вагончика закапала первая капель.

Совсем как в первую весну в семейном гнёздышке, под кронами ветровальных пихт.

По волокам звонко зажурчали ручьи.

Лесозаготовители стали собираться по домам — распутица.

Какая работа в непролазную грязь?

Снега в тайге почти не осталось.

И по утрам он уже не резал ноги таёжным копытным.

Снег был вязким и тягучим.

Раны на боках Пима зарубцевались.

Шёрстка, как прежде, стала бархатной и даже начала лосниться.

Чтоб не привык окончательно к людям, не разучился добывать пищу, Пима решили выпустить на свободу.

Вместе с красным галстуком на шее.

Чтобы охотники знали, что это свой человек в тайге и не пристрелили случайно.

Увезли километра на два от стана, подальше от всевидящих собак, и в густой куртинке ельника выпустили на свободу.

— Прощай!..

И впредь постарайся избегать опасности.

Свобода

Звуки и запахи пробуждающейся природы ошеломили Пима.

Терпко пахло набухшими почками деревьев и высокотравьем.

От оттаявшей подстилки из полусгнивших листьев и хвои на пригорках исходил пьянящий, не передаваемый словами дух.

Ни на минуту не смолкал гвалт пернатой мелюзги в кронах деревьев.

Перезимовали, живы — как не радоваться.

Но разве можно их радость сравнить с радостью Пима.

Свобода!

Мартовские вечера короткие.

Сумрак, как занавес, закрыл ещё неостывшие следы кабаржонка.

Зачем вводить в искушение голодных хищников?

Пим очень любил это время суток.

Темнота всегда была его другом.

Она скрывала его от любопытных глаз.

А глаз этих в тайге ой как много.

Пим видел в темноте буквально всё.

Деревья, кустарники, валеж под ногами.

И слышал всё прекрасно, впитывая, как губкой, широко расставленными ушами таёжные звуки.

Моментально улавливая и писк потревоженной в мягкой подстилке лесной мыши.

И слабое потрескивание сучьев в густой кроне старой пихты.

(Это белка неловко повернулась во сне в тёплом гайне.)

Он совсем не боялся ночной тишины.

На смену густому ельнику пришло берёзовое редколесье.

Корявые каменные берёзы выглядели в сумрачной тиши зловеще.

Их причудливо изогнутые стволы, как щупальца фантастических чудовищ, так и тянулись навстречу.

Пима это нисколько не пугало.

Это же его дом.

Чего в доме бояться?

Под вывернутой с корнями старой берёзой на каменистом хребте была довольно глубокая ниша, отделённая от любопытных глаз, как шторкой, густыми мелкими корнями выкорчеванной берёзы.

Здесь и остановился на отдых Пим.

Это была конечная и самая высокая точка его родового участка.

Отсюда было видно и слышно всё, что творилось на нём.

Снег почти сошёл с остроконечного хребта, обнажив пучки сухой горной травы.

Значит, будет чем перекусить.

С помощью острых копытцев можно будет докопаться и до сочных корешков.

Пим блаженно растянулся на подстилке из шуршащих берёзовых листьев.

Чистый горный воздух пьянил.

Ни запаха чадящих тракторов, ни рокота бензопил.

Давно он так крепко не спал.

Спал и не слышал, как под большим валуном обиженно всхлипывала пищуха, ночной покой которой он нарушил своим вторжением.

По иронии судьбы, это была дочка той пищухи, которую он в юности лишил зимних запасов. Пищухи, которая погибла от удара клюва орлана, предпочтя мгновенную смерть смерти мучительной.

От голода.

Ещё один друг

Привыкать к зиме трудно.

Голодно, холодно.

Опасности со всех сторон поджидают.

То ястреб, то соболь.

Вот и человек на участок зачастил.

И что ему только надо?

На ногах деревянные доски.

За плечами железная палка, источающая запахи тревоги и беспокойства.

Прошлёпал на своих досках по снегу, а за досками укатанные до зеркального блеска полоски.

Пиму полоски эти даже понравились.

По ним легко передвигаться в заснеженной тайге во время кормёжек.

И хищники от этих полосок подальше держатся.

Опасность нутром чувствуют.

Ни одного следа рядом.

Ни соболя, ни горностая.

Сам того не ведая, человек вновь помогает ему...

Который раз уже Пим из-за густо посыпанной снегом пихтовой лапки наблюдает за странным двуногим существом.

Утром прошёл к ручью...

Теперь возвращается обратно...

И так каждый день.

А вот и человек заметил его.

Хоть и прикрыт кабаржонок густым пихтачом, да красный галстук на шее, как маячок сигналит: здесь я!

Трудно не заметить его.

Человек остановился.

Задумался.

Зачем-то вверх посмотрел.

Туда, откуда свисают аппетитные космы уснеи.

Пим не раз пытался дотянуться до них.

Только, увы, высоко.

А человек дотянулся.

Наломал охапку веток, поросших лишайником, и, как веники, расставил вдоль лыжни.

Расставил и сразу скрылся за поворотом, скользя на своих деревянных досках по зеркальным полоскам лыжни.

Угощают, так почему бы не принять угощение?..

На следующий день опять на этом месте появились хвойные веточки, оплетённые седой бородой уснеи.

И на следующий день тоже.

Через неделю Пим, уже не таясь, наблюдал, как человек ломает для него ветки с могучих елей.

Ломает и что-то говорит успокаивающе.

Так появился у Пима ещё один друг.

Друг, без которого жизнь в студёную пору была бы просто невыносима.

Посвящение в мужчины

Молодой лайке всё в диковинку.

Тайгу с городской квартирой не сравнишь.

Вот и кидается ко всему живому с восторгом.

Охотник в досаде: совсем нет внимания.

И зачем только привез её в тайгу.

Но досаду как рукой сняло, едва увидел красную дичь.

По склону сопки на хвосте, как на санках, выдра спускается.

До ручья рукой подать, а лыжня вдоль ручья тянется.

Собака — и к выдре с восторгом.

Не тут-то было.

Зубки у выдры хоть и небольшие, но вострющие.

От боли в собаке сразу и злость, и азарт проснулись.

Битва завязалась нешуточная.

Охотник сначала не мешал.

Надо же злости как следует закрепиться.

Выдру он и так всегда успеет взять.

Но скоро и зверь, и собака кровью истекать стали.

Замахнулся охотник прикладом ружья на выдру, а собака жест его по-своему поняла.

Думала, бить её хозяин начинает.

Взвизгнула — и в кусты.

Выдре только это и надо.

До проруби не больше десятка метров.

Ружьё охотник руками за ствол держит.

Идёт по лыжне, бранится.

Такую добычу упустить.

А собака за ним с поджатым хвостом бредёт.

Чувствует, что провинилась перед хозяином.

А в чём провинилась, понять не может.

Хозяин пожалеть бедняжку собрался, но нет её уже на лыжне.

Откуда-то с полянки её радостный лай доносится.

Вышел охотник на полянку и присвистнул.

Полянка-то вся кабарожьими следами истоптана.

И воздух мускусом насквозь пропитан.

Запах ещё не выветрился.

Под небольшой берёзкой какая-то красная тряпка.

И эту-то тряпку его собака треплет.

Пригляделся внимательнее и узнал тряпицу.

Да это же галстук, который на шее его приятеля-кабаржонка болтался.

Выходит, сегодня здесь, на полянке, произошло самое знаменательное событие в жизни его лесного друга.

Сегодня было посвящение в мужчины, и он с честью выдержал его.

Ишь как пятачок снега вытоптан.

Соперники силами мерились.

Миниатюрные следы копытец двух самочек и друга его тянутся в глубь участка.

Дружок решил красавиц со своими владениями познакомить.

Пришло время семьёй обзаводиться.

Поверженный противник дорожку к гольцам протропил.

Туда, где участок Пима заканчивается.

Ну что ж, каждому своё.

А за друга приятно.

Значит, не иссякнет род кабарги на Сахалине.

Есть кому позаботиться о его продолжении.

Красный галстук подобрал.

Пусть на память о дружбе останется.

Сага о вишнёвом лососе

повесть

Часть первая. ПЕРЕД РЕШИТЕЛЬНЫМ БРОСКОМ

Сима идёт на нерест

Который день подряд идёт холодный дождь.

Самая большая река острова вышла из берегов.

Беснуясь, она вырывает деревья и столбы электропередачи.

Как карточные домики, рушит хозяйственные постройки.

И все эти трофеи несёт в ковш огромного залива.

Деревья, кустарники, травы беспомощно жмутся к земле в надежде согреться.

Лесные обитатели прячутся в норах, в гнёздах, в других убежищах.

Природа затаилась, застыла в тревожном ожидании.

И только в заливе большой реки продолжает кипеть жизнь.

Разгул непогоды совпал с рунным ходом сахалинского лосося — симы.

Природа подарила измученным путешественникам приятный сюрприз — большую воду.

По ней намного легче будет подниматься в верховья реки.

К самым укромным ручьям и ручейкам.

Через непроходимые в межень каменистые россыпи и перекаты.

Туда, где получили лососи самое ценное — саму жизнь.

Где дадут жизнь тысячам тысяч себе подобных.

Чтоб не иссякло уникальное стадо...

Шли последние дни мая.

Было холодно, ветрено.

Лососи отдыхали, готовясь к последнему броску.

Последняя добыча, Или знакомство с Сим-Симом

Жизнь лосося — сплошная трагедия.

Из сотен ушедших в морское плавание назад возвращаются единицы.

В числе счастливцев и Сим-Сим, серебристый лосось с разорванной губой.

Он объедался рачками на мелководьях Сахалина.

Гонялся за селёдкой в Японском море.

Грелся в тёплых водах Куросио.

И всё время рос, рос, рос, набирая вес.

Пока не превратился из жалкого заморыша с огрызок карандаша в полуметрового красавца-лосося.

Жизнь не щадила его.

Устраивала испытание за испытанием.

Чудом избежал дрифтерных сетей, которыми нашпиговано Японское море.

Потерял плавник при встрече с косаткой.

В крючковых сетях разорвал губу.

Сумел сорваться с острого жала.

И вот всё позади.

Блаженно раскачивает тело опреснённая вода залива.

Он дремлет, покачиваясь в такт волне.

Набирается сил...

Нахальная кунджичка буквально перед носом хватает мелкую рыбёшку.

Прибрежные воды кипят серебристой мелочью.

Хищница до неузнаваемости раздулась от съеденного.

Потеряла осторожность, бдительность.

Теперь расплачивается за это.

Хватательный рефлекс Сим-Сима срабатывает сам по себе.

И охотница исчезает в желудке только что дремавшего лосося.

На этот раз опять повезло Сим-Симу.

Но это его последняя добыча.

С подходом к реке Сим-Сим перестал питаться.

Насколько себя помнил Сим-Сим — он вечно был голоден.

Бросался на всё живое, что шевелилось.

Был настоящим речным пиратом.

Впрочем, как братья и сёстры его.

Когда стая кидалась за пролетающей над водой бабочкой, в глазах рябило от вечно голодных юных хищников.

Алчных и безрассудных.

И, увы, уязвимых, как никогда.

Большинства братьев и сестёр уже нет в живых.

Исчезли в котелках азартных мальчишек-рыболовов.

Откуда им было знать, что эта пёстрая рыбка, бросающаяся даже на голый крючок, не каменка и подкаменка, как они считали, а молодь лосося — сима.

Обыкновенная пестрятка.

Сим

Рядом с Сим-Симом в тихой заводи два его неразлучных друга по миграции.

Тихий, неприметный Сим и важный от распирающего достоинства лосось по кличке Симач.

У Сима биография простая, неприметная.

Может, благодаря этому он ещё жив.

Он никогда не шёл во главе стада.

Не затевал рисковых и азартных погонь за добычей.

Довольствовался тем, что рядом, под носом.

Первый год жизни провёл в простой неприметной речке, некогда очень богатой.

Хотя, когда это было...

Леса по берегам её давно повырубили.

Огонь выжег начисто последние сохранившиеся островки.

Жизнь в речке едва теплилась.

Русло её уже не делилось в схватках за лучшие места.

Не были ямы и омуты вишнёвыми от дозревающего лосося.

Единичные особи, зашедшие в угасающую речку, занимали участки на выбор...

Но и это не спасало их от вымирания.

В нерестовых буграх не хватало кислорода.

Заиленная галька с трудом пропускала воду.

Да и вода от непрекращающихся лесозаготовок в самом верховье постоянно была мутной и илистой.

Вот и появился на свет Сим болезненным и ослабленным.

Долго не покидал нерестового бугра.

А покинув, далеко не уходил от него, довольствуясь сносимыми течением икринками, личинками и прочей мелочью.

Редко выплывал на стрежень, где скапливались, пройдя обряд смолтификации, ближние и дальние родственники перед скатом в море.

В открытое море спустился таким же ослабленным и болезненным, каким был всегда.

Типичная судьба лосося-однолетки из мест, где основательно похозяйничал человек.

Сим всегда искал себе покровителей.

И таким для него стал Сим-Сим.

Симач

А вот Симач с рождения оказался везунчиком.

Родовая речушка его имела свой защитный тотем.

Свою водоохранную полосу.

Эта полоска леса шириной в несколько сот метров надёжно защищала реку от всех природных катаклизмов.

Вода в ней была всегда чистой, прохладной.

Даже водные потоки тайфунов и циклонов не мутили реку.

Они сразу же исчезали в густой и мягкой подстилке прибрежного леса.

Только потом, по мере надобности, лес возвращал влагу, подпитывая мелеющую в межень реку за счёт внутрипочвенных вод.

Лес был заботливой нянькой реки.

Оберегал её.

Защищал.

Лелеял.

И река платила ему тем же...

Детство Симача затягивалось.

Затягивалось от сытой жизни, хотя шёл к концу второй год пребывания в реке.

На мелководье всегда можно было закусить личинкой веснянки или подёнки.

Ручейником.

Заглотить зазевавшуюся рыбку из рода себе подобных.

Хищник он в конце концов или нет?

Конечно, хищник.

Значит, и питаться должен как подобает будущему хищнику.

Он даже имел свой личный участок.

Несколько квадратных метров плёса под тенью развесистой ивы, с которой постоянно падали в воду червячки, гусеницы, мухи.

Так что рацион питания его всегда был разнообразен и калориен.

И защищал он свой участок стойко и беспощадно.

Естественно, своим, и только своим, он счёл червяка, упавшего перед носом прямо с неба...

— Ну и симач, — дивясь необычным размерам, выдохнул усатый рыбак, осторожно снимая с крючка молодого лосося и выпуская его назад в реку.

С этим происшествием сразу закончилось и детство.

И цикл пребывания в реке.

Осталась только кличка — Симач.

Серебристый смолт уходил в далёкое море.

Теперь вернулся назад.

Чтобы заполучить в нераздельное владение родовой участок.

Под развесистой ивой.

Вишенка и её страшная тайна

Неподалёку от друзей, стараясь привлечь их внимание, резвились в полупрозрачной воде залива две озорные подружки-серебрянки.

Вишенка и Симочка.

За что Вишенка получила такую кличку, она не помнит.

Может, за происхождение: в переводе с японского «сакура масу» звучит как вишнёвый лосось...

Рунный ход вишнёвого лосося приходится на цветение сакуры...

Может, по названию речки Вишнёвой, в которой получили жизнь и она, и спутник её красавец Симач.

А может, за слово «вишнёвый», которое любила Вишенка повторять к месту и не к месту.

— Что за прелесть этот вишнёвый закат!

— Как же я хочу повзрослеть, чтобы примерить вишнёвый наряд!

Свадебный вишнёвый наряд, естественно, готовилась примерить каждая самочка-серебрянка.

Но они молчали об этом, как и полагалось хорошо воспитанным рыбам.

Впрочем, Вишенка тоже была воспитанной.

Она пыталась скрыть «страшную тайну» своего происхождения.

Дело в том, что отцом Вишенки был не вишнёвый красавец-лосось, просоленный океанскими

волнами, как у других, а обыкновенный карлик, так и не познавший прелести моря.

Пёстренький карлик с зеленовато-оливковой спинкой.

В таком же скромном одеянии, что и в детстве.

Каким был на нём «костюмчик» в стадии пестрятки, таким и остался до конца жизни.

Он так неожиданно для себя и друзей повзрослел, что идти «в моря» не было надобности.

Он и в реке был готов к продолжению рода.

Зачем, спрашивается, больше года болтаться в океане, когда можно дождаться свою подружку на пресноводье?

И надо же такому случиться, что этой подружкой оказалась её мама.

Вот так и появилась Вишенка.

Тяготясь своей родословной, она мечтательно говорила подружке:

— Отцом моих детей будет только вишнёвый красавец.

С вишнёвыми полосами на спине.

С вишнёвыми плавниками.

А сама я буду в вишнёвом подвенечном платье...

И статью, и ростом Вишенка не отличалась от подруг.

Но в глубине души мечтала о встрече с отцом.

Каков он, интересно? Жив ли?

Самцы-карлики не один год участвуют в процессе размножения, в отличие от проходных лососей, которым природа не даёт повторов.

Кстати, и у Сим-Сима в реке остались братья-карлики.

И он воспринимал это философски.

Как должное.

С природой не поспоришь.

Может быть, так она защищает род от вымирания.

Задерживает на пресноводье на год-другой пестряток.

Вдруг из морского похода не вернётся всё стадо?

К тому же и родственных браков, которые ведут к вымиранию, будет меньше.

Симочка

Симочка была детдомовкой и на редкость молчаливой особой.

Поговорка «нема, как рыба» — это о ней.

Хотя сами по себе рыбы тоже разговорчивы.

Сигналами они оповещают друг друга о грозящей опасности, о наличии корма и других важных ситуациях...

Родители Симочки, коренные приморцы, не смогли добраться до родных нерестилищ, — попали на один из рыбоводных заводов.

Там процесс воспроизводства лососевых будничный и скоротечный.

За считанные дни на инкубацию закладываются десятки миллионов икринок.

Тут не до романтики.

Поэтому торжественного обряда бракосочетания её родители так и не познали.

Всё произошло на редкость грубо.

Рыб оглушили тупыми ударами колотушек.

Забрали икру и молоки.

Икру сложили в контейнеры.

Залили молоками.

Перемешали тщательно.

Вот и всё.

Одной из оплодотворенных икринок в контейнере была и наша Симочка.

Одной из сотен тысяч.

Весною мальков выпустили в реку.

Симочку к тому же ещё и пометили.

На жёстком столе опытные руки рыбоводов отрезали жировой плавник.

Чтобы проследить миграцию, определить процент возврата.

Но с Симочкой рыбоводам не повезло.

В Приморье она не вернулась.

Во время кормёжки у берегов Сахалина её стадо смешалось с островным.

Потеряв присущий лососям хоминг, наша «приморка» стала «сахалинкой».

Приморская сима крупнее аборигенок.

Порой достигает семи килограммов.

Симочка тоже не подвела свой род.

Она заметно отличалась от сахалинок.

Сим-Сим положил глаз именно на неё.

— Я приморка, — говорила она ему с такой гордостью, будто была не простой рыбой, а рыбой королевских кровей.

А может быть, и была?

Попробуй докопайся до истоков родословной.

В добрый путь!

Бешеные ветра разорвали свинцовые тучи.

Небо слегка очистилось, порозовело.

На горизонте моря показался краешек солнца.

День обещал быть ясным.

На оливково-зелёные воды присмиревшей за ночь реки молочными клочьями легли остатки тумана.

И под покровом его первый косяк лососей тронулся в путь.

В числе первопроходцев были и наши герои: Сим-Сим, Сим, Симач, Вишенка и Симочка.

Лёгкие буруны ещё не успокоившейся реки скрадывали их движения.

Залётный сахалинский осётр, как зелёный семафор, открывающий движение, на секунду мелькнул впереди и скрылся в пучине залива.

Хорошая примета!

Браконьеры ещё не успели поставить сети.

Пернатые хищники ещё не покинули гнёзда.

Выдры выжидали спада воды.

Одним словом, дорога для движения открыта.

Часть вторая. ДОРОГОЙ ПОТЕРЬ

На отстое

Уставший косяк встал на отстой в зоне слияния двух проток.

Встал прямо под свалом.

На границе тихой и быстрой воды.

Лучшего места для отдыха не найти.

Время перевалило за полдень.

До наступления сумерек можно и расслабиться.

Но неожиданно появившаяся ватага мальчишек-рыболовов нарушила покой.

Достали блёсны.

Нахальные металлические рыбки накрыли стоянку лосося.

Не обращать внимания на их мельтешение невозможно.

Одна из рыбин делает решительный бросок.

Это же движение повторяет вторая.

Пронзительная боль от острых концов якорьков сковывает тела.

Рыбины пробуют освободиться от добычи.

Но это непросто.

Они устремляются на дно реки.

Делают судорожные броски из стороны в сторону.

Устраивают резкие повороты.

Но всё тщетно.

Хватка у латунных малышек волчья.

Рыбы обессилели.

Звенящие лески подтаскивают их всё ближе и ближе к берегу...

В стороне от мальчишек на вершине ивы коротает время старая ворона.

Ей, кажется, нет никакого дела до мальчишек.

Она даже не смотрит в их сторону.

Но это не так.

Ни одно движение ребятни не ускользает от вороньего взгляда.

Мальчишки прячут добычу в песок.

Они хорошо знают, что занимаются браконьерством.

И не хотят быть застигнутыми врасплох инспекторами.

Ворона их очередной схрон берёт на заметку.

Теперь дождаться момента, когда азартные мальчишки потеряют бдительность...

Покой косяка нарушен.

Сим-Сим и его компания покидают такую уютную стоянку в поисках безопасного места.

Но найти его невозможно.

По всей реке свист от разматывающихся лес...

Кажется, всё активное население окрестных городов и посёлков сейчас на берегу.

— Сима пошла!

— Сима пошла!

Так закончился первый день возвращения лососей на нерест.

Неудавшаяся охота

Молодой енот давно облюбовал этот перекат.

Водный поток выбрасывает здесь на берег столько всякой всячины, что впору родственников на пир собирать.

И ничего удивительного не было в том, что вечерний обход своих угодий енот начал с этого места.

Цепкий взгляд улавливал всякую мелочь.

Маленькие, заплывшие жиром глазки замечали буквально всё.

Заметили и тоненькую сетку-паутинку, разрезающую речку надвое.

Мутные волны, как сквозь сито, переливались через неё и так же величественно текли дальше.

Но для симы, идущей на нерест, эта безобидная на вид паутинка превратилась в непреодолимую стену.

Серебристые рыбины, не сумев преодолеть препятствие, путались в леске.

Боролись.

Устав, засыпали.

Засыпали навечно.

А река, не замечая этого, несла свои воды всё дальше и дальше.

Енот был сыт, но сочные всплески радужных рыбин...

Кипящая серебром вода совсем рядом...

Как устоять?

О, если бы не коварные свойства сетки, что ему этот поток!

Но не бывает в природе «если бы».

И вот уже в гуще трепещущих рыбин в агонии бьётся обмякшее тельце енота...

На следующий день сетка исчезла.

Берег был девственно чист.

Лишь ободранная тушка енота стыла на холодном песке.

Но гибель его не была напрасной.

Путаясь в ловчей сети, он сумел опустить один её конец ниже кромки воды.

И тем самым открыл путь спешащим на нерест лососям.

Сим уходит в небо

Чем дальше косяк удалялся от устья большой реки, тем значительнее становились изменения в физиологии рыбин.

Серебро чешуи потускнело.

Кожа стала толще.

У Сим-Сима даже образовался заметный горбик, а тело стало более плоским.

Обзавёлся горбиком и Сим, правда, не таким большим.

Он, как всегда, отставал в развитии.

Равнинная часть реки заканчивалась каскадом затяжных перекатов.

Река уже не была такой широкой и глубокой, как в начале пути.

Горбы рыб заметно выпирали над поверхностью кипящей воды.

На перекатах лосось уязвим, как нигде.

Две скопы, резвящиеся в брачном полёте, так и не закончили очередную фигуру высшего пилотажа.

Крутое пике... Пронзительный свист ветра...

Одна из птиц, коснувшись воды, резко уходит вверх...

Вторая, отчаянно хлопая крыльями, зависает над рекой...

Наконец и она с трудом отрывается от речного зеркала.

И, тяжело набирая высоту, устремляется к полоске леса, над которой только что шли брачные игры.

В когтях счастливой охотницы солидная добыча — лосось.

Всё произошло быстро.

Спешащий на нерест косяк не заметил потери.

Это был Сим...

Несбывшаяся мечта

Песчаная коса в устье речушки Вишнёвой — как замок на входных воротах.

И открыть его может только тот, кто знает, что за этим замком находится.

Ни один представитель горбушового стада пока не сделал такой попытки.

Река давно стала нераздельной собственностью вишнёвого лосося, хозяина этих мест.

Но и хозяевам порой приходится туго, особенно в межень.

Миниатюрная Вишенка, формой тела напоминающая веретено, отчаянно извиваясь и помогая себе хвостом, довольно легко проскакивает замыв.

Симач, идущий следом за ней, сразу же вязнет в песке.

Глаза и боковая линия тела оказываются выше уровня воды.

Без «приборов навигации» Симач слепнет, теряет ориентир.

Он всё больше и больше отклоняется влево к берегу, пока не проваливается в песчаную нишу, разделяющую косу надвое.

Долго бьётся и затихает в ней.

На долю секунды перед глазами мелькает тихий плёс с развесистой ивой — его родовая обитель.

Парящие над водой стрекозы, жирные гусеницы, падающие в воду...

Но это сладкое видение обрывает вязкая чернота.

Юркая трёхногая норка тут же подбирает добычу.

На берегу, под кучей хвороста, вход в нору, в которой попискивают голодные щенки.

Ей, жертве браконьерства, попавшей в не снятый с путика капкан, очень трудно добывать корм.

Погибший лосось для неё — царский подарок.

Оставшийся путь Вишенка преодолевает в одиночестве.

Верховье речки уже заселено.

Счастливые самочки обустраивают участки.

Самцов почти не видно.

Их и с моря шло на добрую треть меньше, чем представительниц прекрасного пола.

Теперь стало ещё меньше.

Зато, как никогда, активны карликовые самцы — аборигены этих мест.

Вишенка в отчаянии.

Видно, так уж написано на роду, что отцом её детей станет обыкновенный карлик, а не красавец, о котором она так долго мечтала.

Что поделаешь — от судьбы не уйти.

Назойливые карлики кружат вокруг неё весь световой день.

Дожидаются своего часа.

Они вне конкуренции.

Гнездо готово уже, и икра созрела...

О чём напоминает чешущееся брюшко.

Пора подумать и о супруге.

Вишенка встаёт головой против течения, раскрывает рот, будто зевая.

Это сигнал карликам, что она готова выбрать себе мужа.

Выбор небогатый.

Но на безрыбье и карлик — рыба.

У водопада

Самое большое препятствие на пути лосося к дому — водопад.

Самое большое и последнее.

За водопадом нерестовые поля.

С тихими плёсами.

С частыми перекатами.

Но падающий с трёхметровой высоты поток воды осиливает не каждая рыбина.

У кипящей воронки водопада надёжно обосновалось семейство медведей.

И неудачники, срывающиеся по камням вниз, становятся их лёгкой добычей.

Медведи не покидают сытое место даже ночью.

Берег реки у водопада истоптан так, что не найти зелёной травинки.

Всюду разбросаны скелеты рыб...

Рассыпана икра...

Туда-сюда снуют суетливые мыши.

С места на место перелетают крикливые сойки.

Рядом с мишками кормится вся лесная мелочь.

Косолапые охотники оставят свой объект не раньше чем закончится нерест.

Не раньше чем тело нальётся жирком.

И дань, которую они собирают с лосося, порой непомерно высока.

Ничего не поделаешь.

И медведь, и лососи — звенья одной пищевой цепочки, длину которой природе надо регулировать.

Гибнут самые слабые лососи.

И, как ни парадоксально, самые крупные.

Им труднее избежать лап медведя.

Так медведи сортируют спешащее на нерест стадо.

Сим-Симу и его подружке повезло.

Очередное ненастье загнало косолапых в укрытие.

Объевшиеся «регулировщики» на какое-то время покинули пост.

Подъём по водопаду прошёл без приключений.

Теперь до дома рукой подать.

Сим-Сим и Симочка расслабились.

Медленно плывут по узкому руслу речушки.

Прозрачная вода весело журчит на камнях.

Перезвоном приветствует возвращающегося после дальних странствий хозяина.

На пути глубокая речная протока — гостиница для странствующих путников.

Она вишнёвая от лососей.

В ней они отдыхают.

Восстанавливают силы.

Окончательно дозревают.

Сим-Сим и Симочка тоже делают остановку.

Слишком уж нелёгким был пройденный путь.

Да и пообщаться с сородичами надо.

На родовом участке

Каменистое русло речушки слегка расширилось.

Ощетинилось сучьями топляков.

Старая ель угрожающе нависла над узеньким плёсом.

Сквозь её хвою с трудом пробивается рассеянный свет.

Промытая галька на крошечном зеркале плёса переливается всеми цветами радуги.

В обнажённых корнях ели бесчисленные лабиринты пустот.

Это и есть родовой участок Сим-Сима.

«Родителям во вкусе не откажешь», — подумал с теплотой Сим-Сим.

Но скромный участок, к большому сожалению, оказался уже заселённым.

Присосавшись к речному валуну в центре плёса, раскачивается непрошеная гостья — большая минога.

Она уже успела отложить икру в галечнике, рядом с топляком.

И теперь, угасая, охраняет свою кладку.

У этого существа сходный цикл развития.

Миноги, так же как лососи, проводят детство в ручьях и речушках.

Так же уходят созревать и нагуливать вес в море.

И так же возвращаются на нерест в родовые места.

Притом на те же места, что и лососи.

Только чуточку раньше.

Поднявшаяся после недавнего ливня в речушке вода разворачивает одну из коряг и острым концом задевает несчастную.

Тёмный шланг медленно уносит вниз по течению.

Симочка явно довольна.

Родовое поместье очаровало её.

Выбор её окончательный.

Суетливые карлики стараются привлечь внимание неожиданной гостьи.

Сим-Сим с явным раздражением прогоняет их.

Он уже застолбил участок от переката до переката и терпеть посторонних на этом участке не намерен.

Перед обрядом бракосочетания

Мелководье всегда чревато опасностями.

Хищникам лучших мест для засад не сыскать.

Они всегда хотят есть, как и их быстрорастущие дети.

Поэтому Симочка всё своё время проводит под корнями ели в глубокой яме с холодными ключами.

Лишь изредка выплывая на свет, чтобы отогнать очередную любопытную подружку от застолблённого для нереста места.

Или помочь Сим-Симу вытурить за пределы участка назойливых карликов, в очередной раз нарушивших родовые границы.

Живая вода ключей спасает от перегрева.

Вот-вот наступит самый важный момент: брачный обряд зарождения новой жизни.

И Симочка готова положить свою жизнь на её алтарь.

Икра вот-вот дозреет.

Но как мучительно ждать это «вот-вот».

Давно уже расчищено дно от ила и травы у будущего гнезда.

Для отвлечения хищников сделаны ложные гнёзда.

В тревожном ожидании и Сим-Сим.

Незваные гости появляются один за другим.

Особенно сразу за восходом солнца.

Огромный самец с изогнутыми, как клюв у хищной птицы, челюстями, так и не нашедший до сих пор себе пару, затевает брачный танец перед укрытием Симочки.

Приглашает её на свидание.

Это явный вызов Сим-Симу.

Сим-Сим заметно слабее противника, но вызов принимает.

Симочка, выплыв из укрытия, наблюдает за происходящим со стороны.

Заняв боевую стойку «хвост к голове», соперники начинают изнурительное кружение.

Наконец Сим-Сим захватывает хвост противника.

Больно его кусает.

Несостоявшийся любовник ретируется.

Сим-Сим и Симочка вновь скрываются в своём убежище.

Семейное спокойствие восстановлено.

Свадебный обряд

И вот самый главный день в жизни наступил.

На дне реки ниша размером чуть больше Симочки.

«Рукотворная ниша», выкопанная ею с помощью хвостового плавника.

Рядом с нишей горка гравия.

Хорошо очищенного.

Хорошо промытого.

Без примесей ила и песка.

Симочка застывает над нишей, не обращая внимания на мечущихся перед носом карликов.

Сбоку, несколько выше по течению, занимает место Сим-Сим.

От его нежных поглаживаний брюшко Симочки вздрагивает, по телу пробегает сладкая дрожь.

Она судорожно изгибается и...

Процесс икрометания занимает секунды.

Одновременно Сим-Сим поливает икру молоками.

Икринки падают в головную часть ниши, часть из них скатывается по течению.

Прожорливые пестрятки жадно хватают янтарные шарики.

Симочка совершает бросок против течения и возвращается по окружности на исходное место.

Собравшаяся к месту поживы рыбная мелочь исчезает за перекатом.

Отдохнув, Симочка занимает исходную позицию.

Очередные икринки ложатся в нишу.

Слой за слоем гнездо закрывается галькой.

Опять же с помощью хвостового стебля и плавника.

Световой день заканчивается.

Сумрачная тишина окутывает воздух и воду.

А Симочка всё продолжает наматывать круг за кругом.

И с каждым кругом количество отложенных в гнездо икринок растёт.

Она заметно устала.

Ей требуется отдых.

Но и отдыхая, место кладки она уже не покинет.

Сим-Сим всё время рядом...

Но, увы, когда обряд закончится, он начнёт искать себе новую подружку...

Чтоб принять участие ещё в одном обряде.

Самцы симы полигамны.

Последние дни Симочки

Всего неделю назад была свадьба.

Венец всей жизни Симочки.

Её звёздный час.

Танец, закончившийся закладкой икры в уютное гнёздышко.

А сегодня Симочку не узнать.

Хвост побелел.

Спинной плавник разорвался.

На спине появились тёмные пятна — некроз.

Потеряло свою окраску брюшко.

Тело деградирует с устрашающей быстротой.

Второй день нет Сим-Сима.

Его истощённый и выработавший ресурс организм уже прекратил отсчёт времени.

Перевёрнутую тушку хвостом вперёд неторопливое течение ручья унесло вниз.

Симочка же по-прежнему охраняет кладку.

Из последних сил.

Часами отстаиваясь в укрытии, она периодически делает броски на потенциальных разорителей гнёзд.

Только броски эти становятся всё реже и слабее.

Долг свой перед природой она уже выполнила.

Остаётся только умереть.

Умереть и этим поддержать начало новой жизни.

Дно ручья уже усеяно уснувшими навсегда тушками лосося.

Скоро и она пополнит семейную усыпальницу.

Питательные элементы их тел обогатят фито- и зоопланктон реки, который потребуется будущей молоди.

А оставшуюся органику растащат птицы, звери.

Смертию смерть поправ

Даже после своей гибели Симочка продолжает охранять кладку.

Яркий брачный наряд сигнализирует сородичам:

«Плывите дальше.

Не задерживайтесь.

Место занято».

И они, как законопослушные обитатели реки, обходят заселённый участок стороной.

Плывут дальше.

Через неделю-другую нерест на реке закончится.

Первый же августовский тайфун снесет тушку Симочки в море.

На корм бактериям, рачкам и лососёвой молоди.

Но это нисколько не скажется на судьбе будущего потомства Симочки.

С этого момента заботу о нём возьмёт на себя река.

Вторая мама.

Она будет снабжать икринки проточной водой.

Вылупившихся личинок обеспечит кормами и защитой.

Проводит молодь в первый и последний морской путь.

А лососи, возвратясь из дальних странствий, отблагодарят её за это нелёгким трудом своим.

Ведь нерест лосося — это не только воспроизводство поколения, но и мелиорация дна реки.

Чем больше лосося вернётся на нерест, тем чище и здоровее будет река.

И такой симбиоз будет существовать вечно.

Если в этот процесс, к несчастью, не вмешается человек.

Эпилог

Последние дни апреля.

По утрам ещё холодно, но весна набирает силу.

Ручьи и речушки большой реки уже вскрылись.

Опустели нерестовые бугры.

Зимовка личинок симы прошла в них успешно.

И теперь личинки активно осваивают водное пространство реки.

Ихтиологам интересно наблюдать за их развитием.

Сначала в буграх из икринок появились эмбрионы с большими желточными мешками под брюшками.

Эти мешки как последние весточки от родителей.

Последняя забота о детях.

Благодаря запасам мешочков, эмбрионы не голодали и быстро развивались.

И уже в январе перешли в другую стадию развития — личиночную.

Но и личинки первое время поддерживали свою жизнь за счёт остатков содержимого желточных мешочков.

Пока не научились добывать себе корм.

...Смешанный тип питания давно уже в прошлом.

Подросшую молодь можно увидеть и на мелководье среднего течения реки, и на тихих плёсах её.

Вовсю идёт освоение речных пространств.

Молодь не торопится покинуть приветливые речные просторы и не спешит к солёным берегам океана.

Хотя долгих путешествий не избежать.

Придёт время — и бока каждой юной рыбки украсят серебристые чешуйки.

По ним пройдёт тоненькая красная ниточка — боковая линия, главный прибор навигации.

И превратившись в серебристых смолтов, они тоже потянутся по проторённому пути навстречу океану.

Так было миллионы лет до них, так будет после.

Анивская пленница

повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Анивская пленница

Когда длина невода приближается к сотне метров, а высоты хватает, чтобы накрыть небольшой дом, — уйти из ловушки невозможно.

Вот и оказалась самочка тайменя, хозяйка просторной анивской акватории, прилегающей к устью заповедной реки, в плену.

Серебром кипела в неводе разнорыбица: краснопёрка, корюшка, кунджа.

Запутавшись в ячее, щетинились трехиглые колюшки.

Корчили страшные гримасы большеротые бычки.

И лишь она, ради которой и затевалась эта рыбалка, лежала в неводе тихо и неподвижно.

Маслянисто поблёскивали тёмные точки-звёздочки на раздутых боках.

Как доспехи средневекового рыцаря, тускло светилась крупная чешуя.

На фоне пугающей неподвижности живыми оставались лишь выпуклые мерцающие глаза.

Но это не было признаком болезни или какого-то недомогания рыбы.

Причиной такого поведения стало обыкновенное обжорство.

Солидная особа в полпуда весом так объелась кипящей в неводе корюшкой, что была не в состоянии шевелиться.

И даже в неволе отдыхала, проявляя удивительную хладнокровность и выдержку.

По-видимому, так и не осознав, что из охотницы сама давно превратилась в добычу.

Рыбаки свой трофей ласково назвали Таечкой.

Вполне подходящее для рыбы имя, которое начинается со слога «тай».

Хлопоты рыбаков и рыбоводов вокруг Таечки дали положительный результат.

Именитая пленница стала тяжело дышать и проявлять беспокойство.

Жизнь у Таечки рыбаки забирать не собирались.

Наоборот, на её жизнь возлагались большие надежды!

Именно она должна стать родоначальницей нового направления в рыбоводстве.

Так что наша Таечка родилась под счастливой звездой.

Ведь рыбаки такие добрые не всегда.

Да и не всегда царские трофеи попадают в их невод.

Приготовили бы из Таечки талу*, не посчитавшись даже с тем, что таймень занесён в Красную книгу.

Вплотную подъехала к берегу цистерна с водой.

Сделав все необходимые замеры и обследования, «рыбьи» специалисты осторожно перенесли Таечку в передвижной водоём.

С лязгом захлопнулась крышка цистерны.

Машина сразу же тронулась в путь.

Таечка пытается разобраться в родословной

От устья заповедной реки до рыборазводного завода час езды.

Ухабистая дорога раскачивала цистерну.

Таечку бросало от стенки к стенке, хотя водитель и вёл машину с превеликой осторожностью.

Времени, чтобы вспомнить и осмыслить всю свою жизнь, у Таечки было предостаточно.

Ей только что исполнилось десять.

Самый расцвет, самый продуктивный возраст.

Она многое успела повидать, многое познать.

Не зря же сахалинские таймени относятся к полупроходным рыбам**.

Таечка исходила и всю реку, и всю акваторию моря, прилегающую к ней.

---

* *Тала — строганина из рыбы. Блюдо коренных народов Севера.*

** *Полупроходные рыбы — рыбы, обитающие в предустьевых частях морей, для размножения и зимовки заходящие в реки или одновременно осёдло живущие в пресных водоёмах.*

В коротких миграциях встречалась с родственниками.

Далёкими и близкими, которых так у неё много.

Ведь у всех лососёвых, обитающих в этой акватории, — у симы, горбуши и кеты — общий прародитель: палеотаймень*.

Первый из речных обитателей, освоивший в поисках корма морские просторы.

Теперь на месте лагуны, в которой жил и охотился палеотаймень, раскинулось Японское море.

И география изменилась до неузнаваемости.

Но это нисколько не мешало Таечке жить и наслаждаться жизнью.

Пока не произошло это ужасное событие...

Таечке почему-то вспомнилась ссора двух несмышлёнышей-таймешат.

Сахалинского и сибирского.

Обитали по-родственному в одной реке.

На севере Сахалина это и сейчас не редкость.

Сорванцы выясняли, кто из них старше.

Ссора переросла бы в нешуточную потасовку, если бы не мудрые старейшины.

По кольцам на чешуе они быстро определили, что забияка-сахалинец биологически моложе своего сибирского оппонента на год.

Негоже младшему привязываться к старшему по пустякам.

---

* *Палеотаймень — древний таймень.*

Но если брать эволюционную ветвь в целом, то она у сибиряка ни в какое сравнение с сахалинцем не идёт.

Потому что происхождение рода сахалинского тайменя надо искать в эоцене*, — это около сорока миллионов лет назад, когда других лососёвых ещё и в помине не было.

А прародители тайменя сибирского сформировались лишь восемнадцать миллионов лет назад.

Это совсем другая ветвь.

По этой части сахалинец оказался старше.

Теперь Таечка родословную каждого тайменя может прочитать с первого взгляда.

И по чешуе — у земляка-сахалинца она куда крупнее, чем у сибиряка.

И по сошнику** — у сибирского тайменя он более сильный.

По форме тела.

И по окраске.

Есть много других тонкостей и примет.

Так что близкого родственника от дальнего она всегда отличит.

Почему ей вспомнилась эта история — она не знала, но...

Машина вдруг резко остановилась и засигналила.

Распахнулись ворота.

На воротах крупными буквами было написано: «Рыбоводный завод».

---

* *Эоцен — геологическая эпоха, закончившаяся 37 млн. лет назад.*

** *Сошник — кость, формирующая переднюю часть дна черепа рыбы.*

Ждите, соседи, женихов и невест

Ну почему не живётся тайменю в окрестностях города Адзигасава?

Всё же Япония.

Относятся с уважением.

Реки чистые.

Нерестилища тоже.

Во время нереста запрещена езда по берегам, громкая музыка.

Созданы все условия для воспроизводства.

Но вымирает таймень на севере острова Хонсю.

Стадо его начало берёт от одного производителя.

Вот и застоялась кровь...

И решили сахалинцы соседям помочь.

Десант высадить на их острова.

Десант из хвостатых женихов и невест.

Только взрослый таймень, как известно, живёт и в море, и в реках.

А рек на Сахалине несколько тысяч.

Попробуй собрать «десантников» в одно место — хлопот не оберёшься.

Да и в копеечку такое мероприятие выльется.

Поэтому всё решилось проще.

На Сахалине десятки рыборазводных заводов.

Они выращивают молодь горбуши, кеты, симы, кижуча.

Сотни миллионов штук ежегодно.

А почему бы не попробовать подобное с тайменем?

Ведь он тоже — лосось.

Всем лососям — лосось, речной тигр!

Получится эксперимент — и соседям поможем, и себе тоже.

Потому что и у нас появились проблемы с тайменем.

Уж очень резко изменились условия его обитания.

Леса повырубили, берега пораспахали.

Дорог лесных понастроили, по которым до самых укромных мест можно добраться, где никто и никогда тайменя во время нереста не тревожил.

На местном рыбоводном заводе для Таечки оборудовали специальный бассейн.

С проточной водой.

С галечным дном.

Завезли корма и витамины.

А чтобы не скучала, подружку подселили.

Дублёра.

Конфуз

Вчера ещё была хозяйкой огромной акватории, а сегодня вместо неё бетонный бассейн под металлической крышей и сумрачное искусственное освещение.

Это равносильно переселению из дворца со всеми удобствами в хижину.

Таечка сразу заскучала, захандрила, и даже подруга по несчастью Пятнашка, ветреная самочка, ничем не могла скрасить её тоску и одиночество.

Но у этой своеобразной неволи была и хорошая сторона.

Не нужно было заботиться о пропитании.

Гоняться за косяками рыб, выслеживать рачков и крабиков.

Корм приносили вовремя и в достатке.

Таечке оставалось только смириться с участью пленницы.

Она привыкла к кормящим её людям.

Не металась, как раньше, от стенки к стенке, пытаясь укрыться при их приближении.

Наоборот, замирала с любопытством неподалёку, — мол, что у нас на обед на этот раз? — и терпеливо ждала ухода кормилиц, прежде чем приступить к трапезе.

Бежали дни недели.

Пленница обжилась.

Соблюдала водный моцион.

Поедала без остатка корм.

А о продолжении потомства не думала.

Рыбоводы стали беспокоиться.

И не только они.

Забеспокоились и японские «рыбьи» доктора.

У них с тайменями большой опыт работы.

Бросили свои дела и — на Сахалин, чтобы пациентов осмотреть.

Осмотрели.

Диагноз поставили.

Неутешительный.

Таечка, прежде чем попасть в сеть, успела отнереститься.

В её гонадах* уже наблюдался прирост для икринок следующего нереста.

Пятнашка тоже преподнесла сюрприз.

Она оказалась несовершеннолетней акселераткой.

Вес приличный.

Рост тоже.

Да возраст подкачал.

Ей ещё не исполнилось шести лет.

А значит, размножаться рано.

Как ни крути эту ситуацию, а получился страшный конфуз.

Хорошо, хоть у рыбоводов для дублирования эксперимента ещё один рыбоводный завод был.

Дождались они очередной непогоды, когда уровень воды до кромки берегов поднялся, и выпустили своих пленниц на свободу.

Не заказывать же опять для них автоцистерну.

Два десятка километров до моря для такой рыбы — не расстояние.

А большая вода поможет избежать встречи с браконьерами.

Так что доплывут, как миленькие.

---

* *Гонады — органы, образующие половые продукты.*

Кто кого?

У просторного моста, связывающего берега большой реки, в период клёва всегда столпотворение.

Вот и сейчас одновременно десятки лес со свистом разрезают воздух.

То и дело на бетонные плиты моста и на галечные берега реки у его основания с характерным шлепком падают извивающиеся на крючках краснопёрки, кунджинки.

Местный браконьер по кличке Хапуга тоже среди рыбаков. На время отложены браконьерские снасти.

В руках, как у всех, — спиннинг. Правда, блесна на нём самодельная, особая.

Неожиданный рывок изгибает металлический спиннинг дугой.

С визгом катушка раскручивает лесу.

От Хапуги ещё никто не уходил. Не уйдёт и на этот раз.

Разматывание лесы прекратилось.

Добыча нехотя, сопротивляясь, из глубины приближается к берегу.

Удилище спиннинга также напряжённо согнуто.

Кажется, ещё немного — и лопнет.

На секунду из воды появляется пятнистая усатая голова с лунообразным разрезом рта.

И тут же исчезает.

— Таймень!

Хапуга от неожиданности и изумления ослабляет лесу.

Всего-то на доли секунды.

Но этого хватает, чтобы гибкое тело Пятнашки успело сделать сальто и сойти с беспощадного жала блесны.

Пятнашка ищет Таечку.

Но Таечка уже давно в низовье реки.

Опытный таймень в безопасности чувствует себя только там.

А опыта Таечке не занимать.

Чего не скажешь о легкомысленной Пятнашке.

Хапуга в трансе.

Много всякой рыбы повидал на своем веку, но такую...

Ведь тайменя в реке не видали добрых четверть века.

Вот уже который день он на бессменном посту.

С утра и до заката.

Испробовано всё, что можно.

И икряной тампон.

И живая мышь, особым способом насаженная на крючок.

И поджаренная тушка лесного воробья.

А сколько разных блесен на спиннинге сменил!

Смеётся, что ли, этот чёртов таймень над ним?

Большая вода в речке спала.

Стала такой же прозрачной, как прежде.

Периодически Хапуга видит своего насмешника, отдыхающего между двух обломков скал в яйцевидной яме.

Только чем достать его из этой ямы?

Хапуга забыл про еду и сон.

А на рассвете следующего дня решился на крайность.

Прямо у моста распутал огромную нейлоновую сеть и, забыв про осторожность, на глазах у десятков людей закинул её в реку.

— Теперь не уйдёшь!

И Пятнашка не ушла.

Жадные трясущиеся руки бросили обмякшую тушку в рюкзак...

К берегу подкатила машина рыбинспекции.

Так же, как Хапуга упаковывал Пятнашку, речные стражи упаковали его.

Вместе с сетью, рюкзаком, с напарниками.

Наконец-то попался!

Только Пятнашке легче от этого не стало.

Когда совпадают вкусы

Отрезок реки с просторными плёсами, с глубокими омутами и ямами тёмно-бурая выдра считала своим и только своим.

Как и ветровальник на подмытых берегах.

Он стал надёжным укрытием её норы.

Именно под ним находились «апартаменты» выдры.

«Входной дверью» служило отверстие, начинающееся прямо под водой.

Отверстие, замаскированное причудливо переплетёнными корнями подмытых деревьев.

В своих подземных лабиринтах речная хозяйка чувствовала себя уютно и комфортно.

Здесь она пережидала опасность.

Отдыхала.

Растила детей.

И надо же такому случиться, что вкусы двух властелинов реки совпали.

Совпали до самых мелочей.

Таечка, как и выдра, любила охотиться на всякую речную живность.

Не оставляла без внимания лягушек.

С удовольствием охотилась на водных полёвок.

Поэтому ничего необычного не было в том, что дорожки выдры и Таечки не раз переплетались.

Ни разу не возникало у них желание померяться силами.

При равном весе и равной длине тела из их противоборства ничего хорошего бы не вышло.

Зато случайно заскочивших таймешат-подростков выдра не щадила.

Полукилограммовый красавец-таймень в полметра длиной так и не успел закончить броска на пугливую краснопёрку.

Бросок выдры стал опережающим.

Вода в омуте закипела, окрасилась в красный цвет.

Звезда молодого тайменя закатилась навсегда...

Но удача — особа ветреная.

Она то лицом к тебе, то спиной.

В момент торжества удача повернулась к выдре спиной.

Сколько раз она легко и грациозно выскакивала на берег, не тревожа странного кольцеобразного предмета.

Она даже перестала его замечать.

На этот раз грациозного прыжка не получилось.

Добыча была слишком тяжела.

Выдра долго топталась по кругу, пока не наступила на этот предмет.

Металлические челюсти капкана захлопнулись.

Боль пронзила всё тело.

Выпустив добычу, выдра долго билась, истекая кровью, пока не обессилела и не утихла.

Истошно орали вороны в предчувствии пира.

Но пира не получилось.

На карканье, не мешкая, прибыл охотник.

Тёмно-бурая шкура выдры теперь служит украшением аукциона.

Не зря охотник так восхищённо цокал, рассматривая свою добычу.

Но Таечка ещё не узнала об этом важном событии для себя.

Ведь теперь она стала полноправной хозяйкой великолепного уголка природы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Родовое гнездо

Река уже давно освободилась от ледового панциря, но по берегам её в складках лесистой местности ещё лежат шапки ноздреватого снега.

Среди редкого ольшаника пышными жёлтыми цветами распустилась калужница.

Сочетание белого и жёлтого на фоне звонко поющих ручьев и нависающих над ними скал создаёт фантастическую картину.

В нескольких метрах от переката под метровой толщей воды застыла пара медно-красных рыбин.

Над ними зонтиком нависла ветровальная крона пихты.

Здесь, в нижней части плёса, самой глубокой и самой отдалённой, у Таечки и её постоянного партнера Тай-мэна родовое гнездо.

Вот уже третью весну, не дожидаясь окончания ледохода, они поднимаются сюда из устья реки для выполнения самой главной миссии, возложенной на них природой — продолжения рода.

Быстротечные весенние воды успели очистить дно реки от мелкого песка и органики.

Вода прогрелась до желанных пяти градусов.

Тай-мэн успел нагулять жирок на охоте в устье реки.

Чувствуя большой прилив сил, он не прочь поучаствовать в рыцарском турнире.

Они в его роду проводились не один миллион лет подряд.

Но, увы.

Соперников нет...

Сплошные ставники по побережью всего залива сделали свое чёрное дело.

Сколько речных тигров осталось в этих сетях.

Не счесть.

Так что Тай-мэну и на этот раз соперника не дождаться.

Он уже успел подобрать место для подруги и теперь стоит над ним, семафоря медно-красными боками:

«Место занято, соплеменники, проплывайте мимо...»

Таечка всегда доверяет супругу выбор семейного гнёздышка.

Теперь она занялась его обустройством.

Сделать нишу в тяжёлом гравии метр на полтора и глубиной четверть метра ой как нелегко.

Но супруг не помогает.

Не мужское дело — гнёзда вить.

Его дело — охрана подруги до участия в брачном ритуале.

Только от кого её охранять? Кто посмеет напасть на речных тигров?

Прямо над Тай-мэном старая мышь, отчаянно перебирая лапами, форсирует реку.

Видно, дела у неё на другом берегу.

Какие ещё могут быть дела у мыши?

Тай-мэн раздражённо подныривает, раскрывает рот...

И мышь исчезает в бездонной пасти.

В отличие от других лососевых — кеты, горбуши — у тайменя в это время отменный аппетит.

Вечные кочевники

Давно бы стали домоседами Таечка и ее спутник Тай-мэн, если бы не тяга к перемене мест.

Вот и кочует парочка тайменей, как и их предки, по родовым местам, словно по заранее отработанной схеме.

В среднем течении реки они нерестятся.

Плодовитость тайменя ошеломляющая — до семнадцати тысяч икринок может выметать самочка...

А в нижнем течении зимуют.

Зимовальные ямы, как и нерестовые бугры, выбирают на одном и том же месте.

Там, где река глубже.

Где проточная вода.

И нет угрозы промерзания.

Где всегда можно добыть на обед миножку или корюшку.

Сахалинский таймень, в отличие от сибирского собрата, питается в основном рыбой.

Весной, перед нерестом, вновь уходит в море.

Потому что туда уходят главные кормовые объекты.

А после спешат обратно в реку на нерест.

И так год за годом — по кругу.

Река — море.

Река — море.

Вот и сейчас у Таечки после нереста появился зуд к путешествиям.

Икра отложена.

Икринки под надёжным гравийным укрытием и метровой толщей воды.

Все заботы о сохранности будущего поколения матушка-природа взяла на себя.

И весь процесс развития у неё расписан буквально по дням.

Примерно через сорок суток начнётся выклев личинок из оплодотворённой икры.

Ещё через две недели рассосётся жёлчный мешок у личинок.

И они начнут самостоятельно добывать корм.

Во второй половине июня личинки покинут нерестовые бугры.

И на вольных речных хлебах будут расти, как на дрожжах, питаясь сначала бентосом, потом молодью рыб.

Родительская опека молодым таймешатам совсем не нужна.

Они сами сформируются, как хищники, способные и за себя постоять, и корм самостоятельно добыть.

Так что Таечке и её спутнику в среднем течении реки делать больше нечего.

По крайней мере, два года, пока основной инстинкт не позовёт сюда вновь.

С чувством выполненного долга пара тайменей хвостами вперёд скатывается вниз.

В свои «морские апартаменты».

Само море большое.

Только зачем оно тайменю, если рыбьи косяки в это время именно у побережья держатся.

В его двухсотметровой зоне.

А где корм, там и дом.

Но чтобы не прерывать связи с рекой, давшей им жизнь, периодически заходят в реку.

На неделю-другую.

И так из года в год, пока не оборвётся жизнь.

А живут таймени долго...

Среди живой истории

Любимое место Таечки для засады — омут под крутым обрывом реки, где глубина достигает полдесятка метров и бьют подземные ключи.

Её пятнистое тело практически незаметно для потенциальных жертв.

Она видит всех — её никто.

Лучшего места для засады и не найдёшь.

Русло реки и крутые береговые обрывы вокруг омута густо усеяны аммонитами — окаменевшими раковинами вымерших головоногих моллюсков.

Здесь Таечка чувствует себя, как в антикварной лавке с экспонатами, возраст которых измеряется миллионами лет.

Куда длиннее, чем вся эволюционная ветвь Таечки.

Но завидовать нечему.

Таечкина ветвь живёт, развивается.

А все эти моллюски давно превратились в окаменелости.

Вместе с динозаврами они вышли из эволюционной цепочки ещё на рубеже мелового периода и палеогена.

Так и не оставив потомков.

Во всём мире такие отложения считаются памятниками природы.

Это место — не исключение.

Такой статус сдерживает хозяйственников от освоения нетронутых мест и сохраняет среду обитания Таечки в первозданном виде.

Совсем недавно на береговую полосу у устья родовой реки море выкинуло раковину наутилуса, ближайшего родственника вымерших головоногих моллюсков.

Как попал в нежаркие воды Анивского залива обитатель тропических морей — знает, наверное, только Бог.

Вернее всего, обманчивое потепление климата подтолкнуло неудачливого путешественника к перемене мест.

Пройдёт столетие-другое и на кладбище окаменелостей станет одним историческим экземпляром больше...

Но Таечке не до философских размышлений.

На горизонте появилась стайка серебристых смолтов...

Новосёлы

В одну из проток, соединяющихся с самым живописным озером Сахалина, местные рыбоводы выпустили первую партию «рукотворного» тайменя.

Несколько тысяч мальков размером с ладонь, способные самостоятельно добывать корм и ориентироваться в природном пространстве, получили долгожданную свободу.

Шла заключительная часть эксперимента по поддержанию угасающего рода сахалинского тайменя.

Своих воспитанников рыбоводы, казалось, обучили всему.

Всему, кроме одного — бояться человека.

Привыкшие получать корм из рук его, они не считали человека врагом.

Наоборот...

Поэтому первая же прикормка браконьерами в одном из уголков живописного озера оказалась для новосёлов роковой.

Потери были катастрофическими.

Рыбные рынки в эти дни не отличались разнообразием.

Всюду на прилавках по росту, весу, окрасу — вымеренный до сантиметров и граммов молодой таймень.

Первое знакомство новосёлов с окружающим миром оказалось для большинства из них роковым.

Но выжившие продолжали познавать окружающий мир.

Таких первопроходцев Тай-мэн стал встречать и в своей родовой реке.

Отличить их от аборигенов было очень просто.

Это как детдомовца и ребёнка из благополучной семьи.

Пришельцам всё было в диковинку.

И колючая личинка стрекозы.

И упавший с ветки в воду майский жук.

Даже бескрайняя лента речки.

Удивление, казалось, так и не сходило с их луноподобных пятнистых голов.

С приходом беспокойных новосёлов нашим героям родовая речка, несмотря на суету гостей, стала казаться более уютной и домашней.

Таких чувств они уже давно не испытывали.

«Кулибин»

Яркопёрый таймешонок яростно таранит продолговатый камешек, раз за разом ударяясь в твёрдую гладь.

Самоубийца, что ли?

Задержавшийся по воле стихии в реке Тай-мэн с любопытством наблюдает за юным камикадзе.

Пришелец чем-то симпатичен ему.

Но умудрённый жизнью Тай-мэн понять его действий так и не может.

А юный несмышлёныш продолжает наносить удар за ударом по непробиваемому камню.

И происходит чудо...

Камень задрожал, слегка зашевелился, а потом быстрое течение покатило его по песчаному дну.

На месте камня образуется воронка.

В ней искрится горбушовая икра.

Вот тебе и самоубийца.

Юный проказник и не собирался сводить счёты с жизнью.

Он просто охотился.

И уже с отцовской нежностью наблюдает Тай-мэн, как краснопёрый «Кулибин» после короткой трапезы приценивается к очередному камешку, наматывая круг за кругом.

Придумывает механизм очередного взлома горбушовой кладки.

Встреча с рыбой фугу

Жизнь в прибрежных водах чем-то напоминает детектив.

Кто-то за кем-то охотится.

Кто-то от кого-то скрывается...

Тревожное ожидание не покидает морских обитателей ни на минуту.

И только Таечка с Тай-мэном чувствуют себя в этом мире в полной безопасности.

Каждый день расписан по одному и тому же сценарию: обед — отдых — обед.

А сегодня — сбой.

Там, где Таечка любила лакомиться рыбой-лапшой на подводной полянке, окружённой зарослями ламинарии, две короткотелые рыбки, покрытые мелкими шипами, нарезают друг за другом круги.

Увлечённые брачными играми, они даже не заметили приближение тайменей.

Но кто потерпит в своём доме присутствие незваных гостей?

Таечка делает бросок навстречу нарушителям спокойствия.

Одна из рыбок тут же прячется в зелёных зарослях.

Другая, побольше, повернувшись к опасности головой, на глазах изумлённой Таечки начинает раздуваться и превращается в шар размером с футбольный мяч.

Рыба медленно пятится назад, поблёскивая зловеще мощным клювом.

Клювом из сросшихся челюстных зубов.

Она испепеляет Таечку злобным взглядом.

Рыба-шар!

Рыба, плавающая хвостом назад!

Желание покарать незваных гостей проходит.

Очень уж всё непонятно.

Интуиция не подвела Таечку.

Бурый скалозуб не по зубам и более крупным хищникам.

Можно и подавиться.

К тому же он, как и все рыбы фугу, очень ядовит.

Не нравится тайменям такое соседство, но что поделаешь, жизнь меняется.

Одни подводные обитатели исчезают, другие появляются...

Три года спустя

Начало лета — лучшее время жизни.

Семейные заботы отпали.

Проблем с питанием нет.

Залив буквально кипит разнорыбицей.

Совсем недавно прибрежные воды тяжело серебрились спешащей на нерест мойвой.

Теперь заросли ламинарии прогнулись до дна под тяжестью клейких лент сельдевой икры.

Спешит отнереститься огуречная рыба — корюшка.

Устье реки буквально пропахло огурцами и почернело от тёмных спинок.

Течение реки разносит отложенную икру по песчаному дну.

Икринки жадно пожирает рыбная мелочь.

И даже сама корюшка.

Пир!

Настоящий пир в прибрежных водах залива!

...В голове Таечки промелькнуло неприятное воспоминание.

Плен!

Именно здесь, три года назад, круто изменилась её жизнь.

Хотя она не оправдала надежды рыбоводов, те от своей задумки не отказались и довели задуманное до конца.

В последнее время сюда, к устью реки, всё чаще скатываются подросшие новосёлы, питомцы рыбоводов.

И сообразительный таймешонок «Кулибин» облюбовал это место.

В их окружении Таечка чувствует себя как настоящая бабушка.

Да и Тай-мэн за напускной суровостью не может скрыть радости от присутствия желанных гостей.

Эпилог

Для коренных обитателей Сахалина таймень был чуть ли не священной рыбой.

На Ых-мифе — так нивхи называли Сахалин — он и кета были основой питания.

Его варили, употребляли в сыром виде, вырезая наиболее сладкие кусочки.

Готовили мос — традиционный студень из шкуры и ягод, царское блюдо для самых дорогих гостей.

Кожа тайменя шла на изготовление одежды и обуви.

После сушки и мялки кожи с применением икры и мозгов животных получался чудесный текстиль.

Скорняки-умельцы из этого материала с помощью ниток, полученных опять же из свежеснятой шкуры тайменя, шили удивительные по качеству и форме вещи — платья, шапки, обувь, наколенники.

Таймень кормил и одевал.

И не переводился в реках.

Был даже праздник кормления тайменей, который всегда отмечали с большим размахом. Задабривали бога моря.

Чтобы он был благосклонен к людям.

Сейчас до праздника кормления тайменей ещё далеко.

Кормить пока некого.

Но я верю, что Таечка, Тай-мэн и новосёлы доживут до этого времени.

Таймени живут очень долго...

Лес — дело тёмное

повесть

Часть первая. ОТ ЗАСТОЯ ДО ПЕРЕСТРОЙКИ

Лучший подарок – это ты

В семидесятые годы я работал в одном из самых глухих мест Сахалина — в Первомайске.

В неприметном посёлке, образованном на базе четырёх, далеко не школьных, лагерей.

Но люди в Первомайске жили тихие, работящие и законопослушные.

Дружил с семьёй директора лесхоза.

Жена его, Галина, шутя, называла меня мужем по хозяйственной части.

Директор неделями пропадал на охоте, в командировках.

Климат в Первомайске суровый.

И дрова надо колоть. И печку топить. И воду с речки носить...

Ну как не помочь соседке по хозяйственной части?

У неё была подруга — завуч местной школы. Тоже Галина.

Вот и пообещала Галина Галине познакомить её со мной.

— Это будет тебе подарком на день рождения, всё равно дарить больше нечего...

А я вдруг уехал в Лесогорск, закончился трудовой договор.

И близкого знакомства не получилось.

Но то, что задумают женщины, обязательно сбудется.

Директора лесхоза к этому времени перевели в Аниву, на такую же должность.

И мы долго не виделись.

Накануне майских праздников звонок от него: «Приглашаю в гости...»

И через паузу: «Будут старые знакомые...»

Старой знакомой оказалась Галина.

Праздники затянулись...

И «старая знакомая» стала самой близкой знакомой и женой.

Она частенько вспоминает эту историю.

Бывает, нечего подарить на день рождения, начинаешь извиняться, а жена в ответ:

— Лучший подарок это ты, и другого подарка мне не надо...

Знакомство с коллективом

Где поженились, там и обосноваться решили — в Аниве.

Меня назначили лесничим Брянского лесничества, в пригородное село Огоньки.

Интересное совпадение.

Брянский институт закончил и, пожалуйста, «синекура»: Брянское лесничество.

С речкой Брянкой, с селением Брянским, основанным брянскими переселенцами.

А жене нашлось место в школе.

Только не директора, а учителя. Но семейная жизнь важнее карьеры.

Накануне директор лесхоза решил познакомить меня с лесничеством.

Повёз в Огоньки, чтобы коллективу представить.

Осмотрели контору. Новую, ещё не достроенную.

Потом квартиру. Она в этом же доме, через стенку.

Ни ограды, ни зелени.

Гравийная отсыпка от дороги до окон.

Под окнами машины разворачиваются.

Но это даже хорошо. Сам по своему вкусу буду обустраиваться.

Подошла вахтовка. Директор построил лесников в шеренгу.

— Сумки — перед собой! — последовала команда.

Не спеша прошёлся вдоль шеренги, бегло заглядывая в каждую сумку.

«Ну и порядочки», — подумал я.

Уловив мои мысли, директор усмехнулся: без этого нельзя, народ пьющий...

Провезут водку на лесосеку, и вся работа насмарку...

В лес еду на директорском «уазике», следом за вахтовкой.

Директор решил показать мне то, чем занимается коллектив.

А коллектив в этот день вёл рубки ухода за лесом.

Прошлись по волоку.

Чувствовалось, что в лесу он бывает часто...

— Почему это дерево не срублено? А это?..

Бригадир молча берёт пилу и направляется к деревьям.

Откуда ни возьмись — две молодые женщины.

Телами заслоняют деревья.

— Не дадим! Проплешины в насаждении останутся...

Бригадир пробует зайти с другой стороны. Тщетно...

Женщины вновь перед пилой.

— Это наши лесоводы, Надежда и Галина, — с досадой говорит директор.

— Будут мешать, не обращай внимания, делай по-своему...

«Молодцы!» — мысленно хвалю я девчат.

— Даже директору не уступили...

Теперь понятно, почему уходит прежний лесничий.

Нелегко мне будет.

А с коллективом сработаюсь...

Хотя директора тоже можно понять.

Над ним свой директор, со своим планом.

За срыв плана по головке не погладят, да и с работы могут снять.

Какие-то умные головы в правительстве додумались недостающий миллион кубометров леса для народного хозяйства восполнить за счёт лесной охраны.

Для них, что лесник, что лесозаготовитель, — никакой разницы...

Теперь вся лесная охрана на лесоповале...

И мне не избежать этой участи...

Но за лес мы ещё поборемся!..

Ультиматум

Жена поставила условие: пока в доме не будет воды, канализации и санузла, — переезжать не будет. Привыкла к благам цивилизации.

Мужик я в те годы был молодой, горячий, готовый горы свернуть...

Только, где брать эти чёртовы трубы, сантехнику, не знал.

Подсказал бригадир.

Подошёл и с хитрецой говорит:

— В бурьяне, за фермой видел трубы. Правда, с дырочками для автопоилок, но дырочки можно заварить...

Утром трубы уже лежали на моём дворе.

А в обед механик совхозный появился. Хозяин труб.

Хорошо хоть он оказался мужем директора школы, куда жена должна была приехать учительствовать.

— Не приехала, дело за трубами встало...

Это меняло ход событий. Конфликта удалось избежать.

С совхозом рассчитался лесным бартером.

К моей трубе сразу четыре семьи лесников из соседнего дома подключились-врезались.

И контору лесничества к ней подсоединил.

Получилось так, что не успел начать работать, а для коллектива сделал доброе дело.

По принципу «ты мне — я тебе» нашлась и сантехника. Тогда вся страна так жила.

И это всё органично вписывалось в Кодекс строителей коммунизма.

Десятикубовую ёмкость под стоки нашёл в заброшенном карьере, — опять же бригадир подсказал.

За ночь, чтобы не срывать работу в лесу, притащил её на трелевочном тракторе к дому.

Ёмкость оказалась бесхозной, — геологи бросили после окончания полевых работ.

А то, что она оказалась дырявой, было даже хорошо.

Меньше дырок для фильтрации стоков делать.

В выходные пришлось изрядно потрудиться, но зато в дом по стометровому водопроводу побежала живительная влага.

В доме появился санузел, ванна и титан для нагрева воды.

Со дня ультиматума прошёл ровно месяц.

Воссоединению семьи уже ничто не мешало.

Как я корову покупал

И я, и жена до этого жили в лесных посёлках.

Коров в глаза не видели.

А тут по утрам навстречу — огромное стадо в сотню голов.

Мычат, толкаются, прыгают друг на друга, — того и гляди собьют.

У жены с детства панический страх перед рогатыми животными..

Пришлось каждый день на работу провожать.

Для селян это было маленьким спектаклем.

Лесничий с хворостиной в руках разгоняет стадо, освобождая проход, его жена, с расширенными от страха глазами, прячется за спину лесничего...

Умора!

И этот страх её я однажды использовал в своих целях.

На подотчёте в лесничестве у меня числился конь по кличке Моряк.

Коня я сразу отдал в совхоз.

Работы там невпроворот, и корма дармовые.

А у меня он бездельничал, да ещё леснику приходилось за ним ухаживать.

Коня-то я пристроил, а план по сену с меня никто не снял.

Надо косить...

Косить некому — все в лесу.

Совсем пригорюнился...

Опять выручил бригадир.

— Друг у меня в Успеновке есть. Ты ему столбиков для ограды, — он тебе сено.

Только знаешь, — по-мефистофельски щурится бригадир, — его уважить надо...

— Вот ты и уважь, на бутылку тебе дам...

— Э, нет, сделка не состоится. Он подумает, что ты его не уважаешь...

Пьянства жена не терпела, но чего не сделаешь ради производства...

Поехали в Успеновку.

Владелец сена коротал время в дощатой бытовке.

Вокруг бытовки полчища мух.

Не уместились в помещении.

Не успели поставить на стол стаканы, — а от них в стаканах черно.

Пришлось, чтобы уважить, пить водку сразу с закуской.

Но не идёт проклятая...

Я её туда, она — оттуда.

Вечером, состоговав сено у конюшни, решили обмыть удачу.

Да и мух ещё раз залить... Всё время казалось, что они шевелятся.

Посиделки затянулись.

Чувствую, разговор с женой будет серьёзный, а бригадир словно читает мои мысли.

— Хочешь, подскажу, что надо сделать? Она сама тебе бутылку ещё поставит...

— Сама поставит, — хмыкнул я.

Жену мою не знает...

Но всё же решил выслушать.

— А ты скажи, что корову у меня купил, и очень дешёво. И сено привёз...

Иду на полусогнутых домой.

— Так и так, жена. Корову купил, и очень дешёво... И сено привёз, — как робот повторяю слова бригадира. — Теперь со своим молоком будем...

Гнев, который легко читался в глазах жены, сменился ужасом.

— Какую корову?!

— Стельную. Скоро отелится, а значит, ещё телёночек бесплатно...

Цвет лица у жены меняется на глазах.

— Немедленно откажись!

— Слушаюсь...

Пришёл к мужикам, для храбрости ещё выпил с ними.

Посидели с часик, и вновь домой.

Опять говорю то, что бригадир подсказал.

— Ты знаешь, он цену сбросил, отдаёт почти задаром. И магарыч нам за успешную сделку поставил...

Жена в ужасе.

— На тебе его магарыч, верни ему, — суёт мне в руки бутылку. — И никаких коров! Я тебя предупреждаю... Я или корова, — выбирай!

Выпили магарыч, посидели ещё чуточку, — и по домам.

Узнав, что я от коровы отказался, жена не проронила больше ни слова.

Как приятно иметь толкового бригадира.

Будем брать...

Весной, по пятницам — обязательный ночной рейд совместно с рыбоохраной.

Охранять водные ресурсы от браконьеров.

Корюшка и сима идут на нерест...

Наша задача — не дать их выбить на нерестилище.

Нас всего двое.

Я не вооружен.

Зато у рыбинспектора — пистолет...

Ну что ж, буду держаться к нему поближе.

Наша засидка — под старым поваленным ильмом.

Заметить нас очень трудно.

Зато перед нами всё как на ладони: и широкий плёс реки Лютоги, и узкая извилистая дорога, сбегающая к ней.

Плёс — излюбленное место браконьеров.

Долго ждать не пришлось.

Совсем рядом зачавкала прибрежная грязь под ногами любителей лёгкой наживы.

Из тумана выплыли две огромные тени с мешками на плечах.

«Ну, и амбалы», — подумал я.

— Будем брать, — изогнувшись кошкой, прошептал мне на ухо инспектор.

— Кто кого... — с тоской подумал я.

Под ложечкой сразу заныло.

Но тут раздался грохот мотора и лязганье гусениц.

К плёсу спускалась тяжёлая машина.

Добыча для инспектора более чем желанная.

— Отставить! — прошипел он, как гусь.

Машина оказалась танком.

С лязгом раскрылись люки.

Из танка вылезло четверо военных.

Двое с оружием.

Час от часу не легче...

Не спеша, завели сеть.

Не спеша, выбрали корюшку из неё.

Мешки с пахнущей огурцом рыбой исчезли в зеве стального чудовища.

Я ждал команды...

Погибать, так с музыкой...

Но команды «будем брать» так и не последовало.

Благоразумие инспектора всё же взяло верх над тщеславием и фанатизмом.

Ночь быстро пролетела.

Под утро без труда поймали хромого мужичонку.

С сачком и парой десятков корюшки в рюкзаке.

Выглядел он так жалко и вёл себя так заискивающе, что я попросил инспектора отпустить его.

— Нельзя, — ответил мой грозный напарник. — Другие не поймут.

То ли ход корюшки в эту ночь прекратился рано, то ли мужичок успел предупредить селян о засаде, но брать с поличным было некого.

На этом рейд и закончился.

— Главное не результат, а наше присутствие, — успокоил меня инспектор. — Браконьеры должны знать, что река охраняется. И это уменьшит их аппетит...

Ангелы-хранители леса

На сопке у лесничества росла берёзовая роща.

В ней всегда было много-премного ландышей.

По весне букеты из них всегда украшали столы девчат техников-лесоводов.

Накануне моего приезда подвыпивший селянин, собирая цветы для своей подруги, бросил незатушенный окурок. И рощи не стало.

Если уж начинать озеленение окрестных сопок, то начинать надо с этого горельника.

Нарезали бульдозером полосы, по полосам высадили саженцы лиственницы.

У подножья сопки, где березняк частично выстоял, под его пологом высадили конвертом молодые ели — по пять саженцев в лунку.

Лесники предложили среди хвойника высадить дички боярышника, рябины...

— Как раньше было...

— Ну, этим пусть займутся братья наши меньшие, они тоже пострадали...

Пусть тоже принимают участие в озеленении.

— А вы им побольше дуплянок, скворечников развесьте.

Развесили по всем деревьям на территории лесничества и скворечники, и дуплянки.

Прошло несколько лет, и среди молодого хвойника и порослей берёзы закучерявились рябинки, заиглились молодые деревца боярышника, элеутерококка...

По ним то тут, то там стали расползаться лианки лимонника и актинидии.

Сопка снова стала красивой и нарядной.

Когда лиственница подросла, ребята из школьного лесничества провели в ней уход.

Обрубили сучки на высоту человеческого роста, вырубили усыхающие и сухие деревья.

И лиственница на глазах пошла в рост. Сейчас на вершинки деревьев глянешь — шапка слетает.

Одно время молодым посадкам стали угрожать грызуны.

Невесть откуда взялись змеи.

Равновесие было восстановлено.

Бывает, собираешь по полосам маслята, а из-под ног с шипением расползаются змеи — ангелы-хранители молодого леса.

Они и до сих пор несут свою почётную службу.

Лесопитомник

Лесопитомник в лесничестве всегда был гордостью.

Чего только не выращивали на нём помимо хвойников!

Рябину, свидину кроваво-красную, акацию, ясень...

Я тоже старался не запускать его.

Но с увеличением объёмов рубок, ухода за лесом, свободных рук для прополки становилось всё меньше и меньше.

Питомник стал зарастать травой.

Директор предложил активно внедрять химию: гербициды, пестициды...

Выборочное уничтожение растительности.

Сорняки уничтожат, а на саженцы влияния не окажут...

Только строго надо соблюдать пропорции.

Для этих целей он нам даже весы купил.

Однако лесник, отвечающий за опрыскивание, вдруг засомневался в пропорциях.

— Что это какие-то граммы-миллиграммы на такую площадь?.. Чего жадничать-то!..

И сыпанул от всей души.

На следующий день половина обработанного поля пожелтела.

Ни обильный полив, ни подкормка не вернули его к жизни.

С тех пор к химической гадости отношусь с опаской.

А выход — как ухаживать за питомником — нашёл и без химии.

Шефство над питомником взяли ребята из школьного лесничества.

Они и пололи, и охраняли сеянцы от вредителей.

Так что казусов с питомником больше не было...

Да минуют нас гнев и милость Божии...

Конец года, а настроение не праздничное.

Заваливаем план.

И всего-то не хватает какой-то сотни кубометров.

Но где взять эту сотню, если бульдозеры, не выдержав тридцатиградусных морозов, вышли из строя?

Без бульдозеров по большому снегу трелёвщики не идут.

Только что закончился разговор с директором.

– Саботаж! – стучал он по столу кулаком. – Подготовиться к зиме не успел как следует! Ответишь за план сполна!..

Я хотел возмутиться, но вспомнил, как подчинённые копируют своих начальников, и сразу успокоился.

Может быть, только что его начальник тоже кричал и про саботаж, и про «заплатишь сполна»...

Поэтому ответил миролюбиво:

– Попробую что-нибудь сделать...

– Да уж сделай одолжение, – съязвил директор, успокаиваясь.

Знал, что я на выдумки горазд.

Утром собираю лесников в красном уголке, – были такие комнаты на производстве для особых и торжественных событий.

Спрашиваю:

– Дрова готовили для себя?

– Ну, готовили, – ответили настороженно.

– Нам по договору положено...

– Сколько вас с водителями? Шестнадцать? Значит восемьдесят кубов. Да я ещё двадцать добавлю. Настилы на волоках делали, эстакаду для погрузки леса, – вот и план, и никаких приписок... Вам только в ведомости за дрова расписаться надо....

Расписаться за получение дров, – значит, с зарплаты по три рублика удержат.

Накладно.

Это же бутылка водки с закуской!

Расчёт несложный.

Отпускная цена кубика дров — шестьдесят копеек.

Помножить на пять кубиков...

Зароптали...

— Да успокойтесь, дослушайте меня... Я же вам заготовку их нарядом закрою.

А это — и коэффициент, и надбавки. На порядок больше получите...

Успокаиваются.

Бригадир встречный вопрос:

— А нельзя, чтобы с премией за перевыполнение?..

Премия за перевыполнение — это ещё двадцать процентов к зарплате.

Ну и нахалы!

Сначала с планом просили помочь, теперь им подавай перевыполнение.

— Попробую... Попробую к начальнику цеха съездить, куда мы лес отправляем. У него всегда излишки, и он иногда их нам подкидывает...

Сейчас в это трудно поверить, но на производстве нередко скапливались излишки, и их не разворовывали.

Начальник цеха был охоч до сала.

Вот и поехал к нему на поклон с куском сала и «беленькой».

Под сало «беленькая» незаметно растворилась.

Начальник цеха достал из стола свою и снова наполнил стаканы.

— Да минуют нас гнев и милость Божии! — произнёс он любимый тост.

После такого тоста начальник цеха уже был готов к разговору.

Об этом знал каждый.

Росчерк пера в накладной — и древесина для премии коллективу получена.

Начальник цеха избавился от излишков, а у нас появилась древесина, необходимая для премии за перевыполнение.

Всё шито-крыто...

Комар носа не подточит...

— Ну, и ловкач ты, — только и сказал директор, подписывая представление на премию.

Конечно, его на мякине, как воробья, не проведёшь.

Но в обмане и он заинтересован.

За ним своё начальство стоит.

Может быть, более грозное.

И свой план...

Не зря рисковал

Пустырей под посадку в лесничестве много.

Только все они бамбуком поросли.

Бамбук достигает высоты двух метров.

Попробуй, сними такую шубу без тяжёлой техники!

А её и на рубках не хватает.

Увидел в питомнике плуг.

Им раскорчёвывали кустарник перед вспашкой.

«Дай-ка, — думаю, — борозды в бамбуке нарежу.

Может, что и получится путное...»

Попробовал...

Борозды получились что надо.

Но не прошло и десяти минут, как подрезанный бамбук ожил и встал на прежнее место.

Борозд как не было!

Вот те на!

Ну и силища в корневой системе паразита!

Пригнал я на пустырь пожарный агрегат с двумя бочками солярки.

Заправил ранцевые опрыскиватели.

Ну и обработали полоску бамбука по обочине дороги.

С одной стороны дорога как минполоса, с противоположной — распадок с ручьём.

Огненному петуху деться некуда.

Для перестраховки пожарный агрегат под боком.

Огненная змейка резво побежала по вершинкам бамбука.

И тут же погасла.

Повторили операцию ещё несколько раз.

Тщетно!

Не зря полосы с кремнистым бамбуком считаются противопожарными разрывами.

Ну, тут уж кто кого!

Сразу обе бочки вылили...

Костёр получился что надо!

А тут ещё ветерок.

Разогретая стена бамбука вспыхнула, как порох.

Огненный вал со скоростью курьерского покатил к распадку, расплёвывая горящие листья.

Чумазые и уставшие, усмирили огонь только в полночь.

Когда на пустырь с перевала сползла густая пелена тумана.

— Ты ещё легко отделался, — посочувствовал мне сосед. — Не у тебя одного руки на бамбук чесались. Ваш бывший директор такой костёр в бамбучнике устроил, полк на тушение пришлось вызывать. Тоже под подготовку почвы пустырь выжигал.

На этом эксперименты с бамбуком закончились.

Не зря говорят, что японцы готовы поставить золотой памятник тому, кто на эту гадость управу найдёт.

...Ну, а выжженного пустыря хватило, чтобы выполнить план по посадке леса.

Марыся

Прошёл год, другой, и поняли мы с женой, что на одну зарплату не проживешь.

У каждого соседа подворье.

Куры, свиньи, коровы...

И в домах достаток.

Коров жена уже не боялась.

Даже хлебом из рук кормила.

А тут ко дню рождения друзья подарили тёлочку.

И было тёлочке от роду месяц.

Безобидное и ласковое создание.

Двор большой, зелёный: два года подсеивал травы, подкармливал...

От гравийного покрытия и следа не осталось.

Будет, где пастись.

Под хлев приспособил деревянный сарай.

Обил его для тепла картоном, по картону — снова доской.

Теперь надо, как у всех, выгребную яму оборудовать да сенник поставить.

«А зачем? — вдруг подумал я. — Разделю сарай на три части. Вон, какой он большой!

В одном отделении будет стоять корова. В другом — лежать сено. Ну, а в третьем буду складировать навоз». Просто до гениальности!..

Тёлочка росла как на дрожжах.

Вовремя погуляла и мы стали ждать приплод.

Пришла зима. Тёлочку поставили на постой в сарай.

В стойло. Во второе отделение завёз сено.

Сразу на всю зиму.

Тут же бочки с комбикормом поставил.

И бочку с водой.

Всё под рукой

Ешь, пей, — не хочу...

А тёлочка моя вдруг и есть, и пить перестала.

Исхудала — страшно смотреть...

В конце декабря утром захожу в хлев, а она лежит на спине с остекленевшими глазами и не дышит.

Я дверь нараспашку, и за ветврачом.

Когда он пришёл, тёлочка уже на ногах стояла.

И резкого запаха аммиака в хлеву не было.

— Ну кто же так держит скотину? — сокрушённо вздохнул ветврач. — Сено запахом навоза пропиталось. От аммиака чуть животина не сдохла... Кто же навоз в сарае держит? Стойло от навоза ежедневно надо чистить...

И пошёл я к соседям перенимать азы животноводства.

Учеником оказался смышлёным — у сарая вырос сенник.

Появилась выгребная яма для складирования навоза.

А пол в хлеву всегда был аккуратно посыпан свежими опилками.

При таком уходе выросла корова красавицей.

По тридцать литров молока в день давала.

Марысей мы её назвали, а почему — не знаю.

Портрет Марыси даже в газете напечатали.

С её появлением появился в доме и достаток.

Как я получил в первый раз Почётную грамоту

Дружба — дружбой, а производственные отношения — коленкор другой.

Работал неплохо, и коллектив мой был на хорошем счету.

Но к праздникам — ни одного поощрения.

— Ты извини меня, Михалыч, пока не могу. Работаешь немного... Скажут — по дружбе...

Не обижайся...

Но перед очередным Днём работника леса у меня появился шанс на поощрение.

И я его не упустил.

Директор в очередной раз приревновал жену к какому-то лесозаготовителю.

Всю ночь накануне праздника шло выяснение отношений, с побегом из дома, с погоней и другими атрибутами.

Под утро семейная чета мирно заснула в одной постели.

Да так, что и на работу не вышла.

А коллектив ждал праздничного приказа...

И премий, естественно.

Лишняя десятка никому не помешает.

Её к Почётной грамоте всегда давали.

А тут такой облом!

Надо посылать гонца.

Кого?

Естественно, меня...

Всё же спец по хозяйственной части и председатель рабочкома.

Директор принял меня прямо в постели.

— Да ты не смущайся, подходи ближе, — ехидно говорит директриса.

— Ты думаешь, мы этим занимаемся? Как бы не так...

— Не способен он...

Директор вспыхивает.

Жду скандала.

Но он быстро остывает и берёт себя в руки.

Вымученно улыбается, — слушай её больше...

— А... торжественное собрание... приказ... совсем забыл... Ты уж набросай приказ, и зачитай его. Потом перепечатаем...

Набросал, зачитал.

Кто же себя, любимого, забудет?

Так я и получил в первый раз Почётную грамоту.

Кулибины

В стране — почти сухой закон.

Водка в сельмаге исчезла.

А лесники на работе каждый день навеселе.

Может быть, бутылки на ёлках вместо шишек висят?

Не висят...

Кроме болотных сапог на полузасохшей ёлке у обогревательного бака ничего...

Эх, заглянуть бы мне в эти сапоги сразу!

Приехал в очередной раз на лесосеку, а у лесников обед.

Но не сидится им за столом в присутствии начальства.

Снуют по тропинке к нужнику: туда и обратно. Понос, что ли, на них напал...

И всё веселее становятся...

Подошёл я к самому весёлому, чтобы спросить, что случилось, а от него такой сивухой пахнуло!

— Ты что там, — киваю на нужник, — дерьма наелся?..

— Не наелся, а напился, — буркнул весельчак, и снова за стол, поближе к колоде карт.

Смотрю, а сапоги на ёлке, что стоит у тропинки к нужнику, покачиваются...

Ну, теперь понятно.

Заглянул в сапоги, а в них бражка.

Кулибины!

Килограмм сахара, горсть дрожжей, да ведро тёплой воды в сапог, и — гуляй Вася!

А я-то забеспокоился, чего это мои ребята в нужник зачастили.

Вдруг дизентерия, беды не миновать...

В соседней бригаде история ещё веселее произошла.

Они бражку в большом бидоне замутили.

На бражный дух молодой медведь вышел.

Присосался к бидону, и всё до донышка.

Да ещё и бидон на голову надел.

А снять — никак.

Ревёт, лапами по бидону стучит, по земле катается...

Лесники от страха в будке закрылись, помощи ждут.

Помощь пришла в лице лесничего.

Думал, мужики опять перепились, а они трезвые, как стёклышко.

И все как один лопочут:

— Ты пристрели, Витаминыч, супостата, работать не даёт.

— С чего это я его должен стрелять? — парирует лесничий. — Не будет бражки, не будет и медведя. Кончайте пьянствовать, мужики...

С нашими мужиками не соскучишься.

Своя машина

Это сейчас на селе почти у каждого своя машина.

А тогда, в начале восьмидесятых, их на селе было всего лишь две.

У управляющего совхоза и у директора рыборазводного завода.

О покупке своей машины я и не думал.

С моей-то зарплатой...

С такими очередями!

Но помог тайфун «Филлис».

Перед стихией директор лесхоза из запчастей первой комплектации собрал новенький «Москвич-2140».

Цвета «белая ночь».

Не машина, — настоящая красавица.

Собрал под документы «Москвича-408».

Такие шалости во времена застоя не редкость.

И ветхие дома под видом ремонта сносились, а на их месте строились новые.

И моя контора имеет такие же корни.

Старую снесли, новую построили.

По документам операция прошла как капремонт.

Да что там контора, — пол-Анивы таким путём отстроено.

Но с ГАИ почему-то такой фокус не прошёл.

Не разрешило ГАИ новую машину регистрировать по старым документам.

Тогда директор решил снять машину с учёта на производстве и продать её себе, — тоже для служебного пользования.

Пока готовил документы, машина стояла в боксе гаража лесхоза.

А тут тайфун.

Вместе с бесчисленными постройками он смыл и свиноферму в соседнем селе.

Огромный кабан, выбив ворота бокса и лобовое стекло машины, заплыл в кабину «Москвича».

Там его с душком и нашли после наводнения.

Машину, побывавшую под водой, да ещё с такой начинкой, директор брать отказался.

А я человек не суеверный, — рискнул.

Стоила недорого, почему бы и не взять?

Главное, и права только что получил, — как чувствовал...

Три месяца по вечерам ходил в автошколу по шестнадцать километров пешком.

Общественный транспорт уже не ходил в это время...

Долго не мог сдать вождение.

Не получалось никак.

После того, как чуть не протаранил танк, инструктор просто отказался от меня.

Вместо тормоза я, чтобы пропустить танк на главной дороге, нажал на газ, да так, что инструктор едва успел среагировать.

Но опять помог тайфун.

Он смыл весь урожай с полей, картошка стала на вес золота.

Три мешка решили вопрос и с инструктором, и со сдачей вождения.

Так в доме появилась своя машина.

Третья по счёту на селе.

Первая зелёненькая

Все на селе сажают картошку, хоть она и очень дешёвая.

Почему бы и мне свой огород не распахать?

Не съедим — продадим.

Деньги лишними не бывают.

Сказано — сделано.

Распахал пустырь у дома.

Десяток тракторных тележек перегноя завёз.

Несколько раз землю обработал фрезой.

По блату достал несколько мешков семенной голландской картошки.

И урожай вырос — девать некуда.

Каждая картошка величиной с кулак, янтарём светится.

Проезжал мимо дома морячок на джипе.

Смотрит, во дворе на брезенте гора картошки.

— Продаётся?

— Продаётся.

— Почём?

— Не знаю...

Протягивает незнакомую зелёненькую бумажку — на все...

Глянул я на неё и вернул обратно.

— Не пойдёт, я таких денег не знаю...

Засмеялся он.

— Ну и деревня!

— Может быть, и деревня, но эту не возьму.

Долго он уговаривал меня, а я всё ни в какую.

Пока жена не вышла.

Ей и доллары приходилось видеть, и цену картошки знала.

Так в доме появилась первая валюта.

Но, может, потому что не хотел её брать, не прижилась она у нас.

Всё, что зарабатывали, утекало сквозь пальцы.

В основном на книги.

Их более тысячи успели собрать.

В том числе и всемирку.

И подписки классиков: наших и зарубежных.

Жена смотрела на моё увлечение сквозь пальцы.

Не такое уж смертельное хобби.

Другие вот пьют, наркоманят, по бабам бегают.

А тут книги...

Но вскоре книги стали никому не нужными.

Горы их приходилось встречать даже на лесных дорожках.

Порой становится жалко потраченных денег.

На них можно было и благоустроенную квартиру купить...

А теперь приходится встречать старость в избушке на курьих ножках, под завязку набитую ненужными книгами...

Шапочное знакомство

В восьмидесятые годы в магазинах было шаром покати.

Но на производство местные власти выделяли кое-какие товары.

Их в лотерею разыгрывали.

В этот раз выделили коллективу норковую шапку.

Серебристая, мехом искрится, — не шапка, а загляденье.

И надо же: счастливый номерок достался мне.

Радость омрачил размер шапки.

Она никак не хотела налезать на мою голову.

Маломеркой оказалась.

Но я долго не расстраивался.

В газете наткнулся на объявление: «Меняю комплект резины на норковую шапку».

Вот повезло, так повезло.

«Он, что — телепат? — подумал я об авторе объявления. — Как догадался, что мне позарез ну-

жен комплект резины? И что именно у меня есть норковая шапка его размера?»

Хозяин резины оказался морячком.

Ходил в моря.

Мог привезти любой дефицит.

Мы приглянулись друг другу.

Шапочное знакомство переросло в настоящую дружбу.

С пьянством, оказывается, можно бороться

Глава администрации вызвал на очередную проработку.

— Много жалоб от населения. Лесники всю парфюмерию в сельмаге выпили... Всю чистящую жидкость на спирту. Когда наведёшь порядок в своём коллективе?..

«Тебя бы на моё место, — подумал я. — Посмотрел бы, как порядок стал наводить, трезвенник хренов...»

Сам пил по-чёрному, под заборами валялся, пока почки не отказали...

Теперь — непримиримый борец, председатель сельского совета.

— А ты подумал, где на такую зарплату нормальных лесников взять?

Каторжная работа и мизерная зарплата...

В сталинские времена преступников и инакомыслящих на лесоповал отправляли.

Мои добровольно, без принуждения работают. Пьют, но дело знают.

Полтысячи гектаров молодого леса вокруг села посадили.

Пожары в зародыше тушатся. При отводах лесосек визиры научились пробивать на голос, как по ниточке. Хотя везде бамбук высотой до двух метров.

Трезвенники от такой работы сбегают сразу...

Но разбор полётов надо вести, раз глава сельской администрации призывает.

— А ты больше бы о людях писал, а не о птичках и зверушках, — посоветовала жена. — Увидишь в них хорошее, и они к тебе лицом повернутся, и пить будут меньше...

Жена плохого не посоветует.

Так о работе лесников стали появляться мои статьи в газетах.

И не только в местных, но и в центральных.

С фотографиями.

Даже телевидение на лесосеку приехало...

И надо же, — произошло чудо.

Гордость за свою профессию появилась, ревность к результатам работы друг друга.

Доска показателей.

«Кто — кого?» — стало девизом соревнования.

Резко возросла зарплата.

Приходилось всё чаще спорить с экономистами, утверждавшими, что такого процента выпол-

нения задания просто не может быть, а значит, надо пересматривать нормы.

Но я-то знал, что не в нормах дело...

Порой соревнование принимало гротескную форму.

Помню, как бригадир, хронический алкоголик, но профессионал высочайшего класса, запил на несколько дней, и его бригада оказалась в хвосте.

Выйдя из запоя, попросил разрешения поработать вахтой, чтобы наверстать отставание.

Только чтобы его в это время не беспокоили.

Приехав через две недели на лесосеку, мы ахнули...

Площадка буквально утопала в штабелях леса.

Протрезвевшего бригадира замучила бессонница, и он своих подчинённых заставлял работать даже ночью.

Уж очень хотелось стать победителем в соревновании.

И стал...

Вырвавшись на свободу, рабочие хотели было отметить победу, но бригадир выловил их всех по одному и посадил в подвал конторы под замок.

Чтоб за выходные не расслаблялись.

И сел с топором в руках на крышку погреба.

Плачущие жены прибежали ко мне за помощью.

Пришлось идти под топор...

Когда директор без штанов…

Интересная штука — номенклатура...

Попал в неё и, как шарикоподшипник, крутишься всю жизнь

Снимут в одном месте, переведут в другое.

Проверенными кадрами не разбрасываются.

А от новенького всего можно ожидать.

Вот такого проверенного кадра прислало нам управление взамен ушедшего на повышение директора.

С грозной фамилией Рыкало.

Не один лесхоз поднял на ноги.

Жильё строил, конторы, цеха лесопереработки...

Но на одном месте долго не задерживался.

Примерный семьянин, на производстве он женщин не терпел.

«Не женское это дело — работать в лесу...»

И делал всё возможное, чтобы они не работали.

Женщины платили ему той же монетой.

И грозному Рыкало в очередной раз приходилось менять место работы.

На прежнем гроза грянула, когда он её совсем не ждал.

...Только что хорошо отобедал.

Разомлел немножко.

Контора с домом через стенку — минута ходьбы.

Вот и решил отдохнуть немножко.

Проснулся — два часа, а он совещание на это время назначил...

Соскочил с кровати, пятернёй волосы поправил и, как был без штанов, бегом в кабинет.

Пикантное фото ушло по инстанции.

В сопровождении перечня всех грехов...

Так он оказался у нас.

Первое, что решил сделать, разогнать «женский курятник».

Обозлённые женщины объявили бойкот всем начинаниям Рыкало.

Я из кожи лез, чтобы помочь новому директору с выполнением плана.

Но один в поле не воин... План трещал по швам.

Пришлось Рыкало вновь паковать чемоданы.

Обогащайтесь...

Все ругают перестройку, Горбачёва.

А мне эти времена так нравились!

Человеком себя почувствовал.

Да, не было в магазинах товаров, продуктов.

Но у сельского труженика, кто скот на подворье держал, землю обрабатывал, — было всё.

Я держал двух коров.

Двух телят, приплод от них.

Четырёх поросят на сдачу.

Около гектара земли обрабатывал.

За сданную продукцию: молоко, мясо, картофель, — получал справки из рыбкоопа.

По справкам — товары: обувь, одежду, мебель.

Даже автомобиль купил.

Вещь по тем временам неслыханная.

Водочки, правда, не хватало.

Но и здесь выход нашёлся.

Дядя Миша из артиллерийской гильзы такой самогонный аппарат соорудил — пальчики оближешь!

По сравнению с домашним божественным напитком водка — тьфу!

Жаль, что эти времена продержались чуть более двух лет.

Люди только к цене личного труда привыкать стали.

От зависимости чиновничества стали освобождаться.

Но тут Ельцин на горизонте появился...

Мы выбираем директора

Только что в силу вступил закон о выборности руководителя.

Просто назначить своего человека номенклатура уже не может.

Может только рекомендовать.

А выбирает коллектив, то бишь — мы...

В то же время каждый из нас может выдвинуть свою кандидатуру.

Это даже приветствуется...

Плюрализм...

Модное слово не сходит со страниц газет и журналов.

И мы стараемся такой шанс не упустить.

Около десятка человек в лесхозе с высшим образованием.

В том числе и все руководители подразделений.

И каждый готов возглавить родное предприятие.

У каждого есть своя программа.

И все мы свято верим в силу законов и указов.

Да так, что за демократическим фасадом не замечаем уши напёрсточников из номенклатуры.

На выборное собрание лесной генерал и второй секретарь обкома КПСС, курирующий лес, привезли своего человека.

Выборы выборами, но и роль руководящей и направляющей партии никто не отменял.

Хоть и трещала партия в этот год по швам.

На домах в Южно-Сахалинске стали появляться экстремистские лозунги: «Смерть коммунистам!»

Кандидат был щупленьким, как мальчик-с-пальчик, с носом чуть ли не до земли.

Но зато с огнём в глазах, как у Наполеона.

И фамилия под стать облику — Носик.

Изберём — хлебнём с ним горюшка.

Лесничий из Тараная резко выступил против «кота в мешке».

У него самые высокие шансы возглавить хозяйство.

Он и лучший лесничий России, — только что получил это звание.

Он и лесничий первого класса...

А у «кота» неполное среднее образование.

И всё...

Если не считать связей и преданности сильным мира сего.

— Зачем нам чужак? — резко начал лучший лесничий. — Свои кадры есть, и дела идут неплохо...

Второй секретарь одёргивает: да, у вас и опыт, и образование, и дела идут неплохо...

Преимущество во всём, кроме главного...

Делает паузу.

— Вы не члены партии. Как доверить вам коллектив? Подведёт Носик вас, значит, подведёт нас. Подведёт нас, значит, подведёт партию. И положит партийный билет на стол. А что вы положите? Вот то-то!..

Словом, партия в первый год девяностых ещё была как козырный туз в колоде.

Поэтому за «кота в мешке» проголосовали единогласно.

Против партии не попрёшь.

Пройдёт пара месяцев, и уже сама номенклатура положит свои билеты на стол.

Чтобы откреститься от прошлого, чтобы начать жизнь с чистого листа.

Создав новую руководящую и направляющую...

Естественно, оставшись у руля и кормушки....

Мой однокурсник до этого возглавлял горком КПСС.

Положил партбилет, и возглавил лесное ведомство.

Своих партия не бросила...

Афера

Неслыханное дело: предприятиям разрешили торговать с заграницей напрямую.

Лес — туда, оттуда — зелёненькие.

На валюту — их технику: видики, телевизоры и даже машины.

Фантастика!

Да вот беда: отрасль лесная рухнула.

И в лесхозе — ни запчастей, ни кадров.

А так обогатиться на халяву хочется!

Наш Носик замутил аферу.

Решением рабочкома её закрепил: коллектив — это сила!

Суть её очень проста: отправил в порт пятьдесят кубов леса, а через месяц тебе японский автомобиль...

Не верили мы боссу.

Не один год он нас водил за нос.

А на уловку всё же купились: такая халява!

И я одним из первых.

В лесничестве ещё велись рубки в перестойных насаждениях.

На крутых склонах у дороги остались деревья в диаметре до двух метров.

Десяток таких деревьев — и автомобиль.

Правда, риск для жизни большой: свалить такие деревья в полутораметровом бамбуке архисложно.

Но, как говорят, кто не рискует, тот не пьёт шампанское.

Помощником вальщика встал сам.

Сам и ордер на отпуск себе выписал.

По полсотни кубов разрешалось на подворье лесной охране.

Так что закона не переступал.

Таких буратино в стране дураков набралось ровно два десятка.

За две недели самовывозом отправили в порт тысячу кубов.

Месяц ждём машины...

Два...

Беспокоиться начали.

И тут нас Носик ошарашивает новостью:

— Машин, увы, не будет... Управление запретило такой бартер. Так что забирайте свой лес со склада лесхоза и делайте с ним, что хотите...

— Какой свой? Свой — давно в Японии... Сами на корабль грузили...

А на складе — вершки и корешки полугнилые.

Но не оставлять же и их Носику.

Выругались и забрали...

А у Носика сразу крутой джип появился.

Да и вышестоящее начальство в накладе не осталось...

Часть вторая. БАНДИТСКИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Золотой треугольник

Брянское лесничество — своего рода золотой треугольник Сахалина.

Три незамерзающих порта — Корсаков, Холмск, Невельск — находятся от центра лесозаготовок не более, чем в полусотне километров.

Весь лесфонд лесничества в центре этого треугольника.

Срубил, погрузил, перевёз — и сразу на пароход.

Через несколько дней — лес в Японии.

Ещё через неделю баснословная выручка — по сотне долларов за кубометр — в кармане.

Без перевалочных складов, без промежуточных погрузок-разгрузок.

Не надо платить львиную долю железной дороге, как на Севере.

Других таких мест на Сахалине не найти.

Вот бывшая «элита» и рванула на лесной промысел...

К работе новые русские подготовились основательно.

Бульдозеры, погрузчики, трелёвщики, тралы...

Всё, что нужно для успешного бизнеса.

А в это время начались массовые волнения в лесных посёлках.

Голод и безработица вывели отчаявшихся на улицы.

Рабочий Онорского леспромхоза прибил себя гвоздями к забору конторы.

Но привлечь внимание и ему не удаётся.

Глуха администрация, глухи бывшие работодатели...

Техника и активы расползлись по уютным карманным фирмочкам бывшей и новой «элит».

Они по уши увязли в межклановых разборках.

Что им до простого люда?

До лесного законодательства, когда в стране и основные законы не работают.

В сложившейся ситуации важно, чтоб на местах были свои люди.

Я не вписывался в их схему и как лесничий был обречён.

Были лесники – стали рыбаки

У нас большие перемены.

Курс не на лес, а на рыбу: были лесники — теперь рыбаки.

Правда, на ставках лесников.

Бригадир рыбаков на ставке мастера леса.

Появился первый в России кордон-стан (вместо привычного кордона).

Носик покупает катер «Стриж», — теперь он не просто директор, а капитан.

Пусть не дальнего, но всё равно плавания.

Первая выручка от путины невероятная.

Носик едет на рыбозавод.

От шальных денег закружилась голова, совсем потерял бдительность.

На красном светофоре шустрый малый умудрился открыть дверцу джипа и исчезнуть вместе с барсеткой, лежавшей на сидении.

Со всей выручкой.

Носик за ним.

Другой малый вскочил в джип и исчез...

Ни денег, ни джипа.

Ко всему кто-то всю икру со склада вывез в неизвестном направлении.

В те годы подошвы на ходу рвали...

Мы к этому событию отнеслись равнодушно.

Всё равно в лесхозовский котёл ничего бы не перепало.

Бог дал, Бог взял...

Лес – дело тёмное

Лес опять в поле зрения Носика.

Сегодня у лесников хоть мизерная, но получка.

Водитель лесовоза успел привезти для сугрева сетку бормотухи.

На зарплату лесника особо не разгуляешься.

Протрезвели, снова на лесоповал.

Приехали на деляну, а трактора нет.

Такую махину без подготовки не увезёшь.

Искали трактор, нашли гигантскую самовольную рубку.

Под тысячу кубометров.

Трактор на следующий день нашёлся.

Подвыпивший тракторист в разгар пьянки загнал его в бамбук, чтобы не украли.

И забыл.

Что с самоволкой делать?..

За такой объём по головке не погладят.

Виноватых долго искать не пришлось.

На новеньком японском бульдозере подскочил директор соседнего лесхоза.

Через несколько минут появился его подрядчик, бывший руководитель леспрома.

Носик был в бешенстве — соседи ограбили...

Поручил мне это дело раскрутить на полную катушку.

Помогли друзья экологи.

У них и техника, и компьютеры, и «джипиэски».

Но сверху надавили, и Носик дал отбой.

Экологи посоветовали передать материалы новому помощнику природоохранного прокурора.

Она с жаром взялась за дело.

И завела его в тупик...

Теперь она начальник одного из самых ответственных отделов.

Очень принципиальная.

Ошибок никому не прощает.

Мафии приглянулся наш лес

Не прошло и пятилетки после назначения, а Носик уже руководитель лесной охраны.

Не только держатель лесного фонда, но и контролёр.

Он — и лесозаготовитель, причём козырный.

Карманный кооператив, два личных лесовоза.

Куда увёз, куда привёз?..

Полный хозяин на лесосеках.

На острове дачный бум.

Всем нужен лес.

Проверяющим тоже.

Значит, проверок бояться незачем.

Недовольных и принципиальных почти не осталось.

Я — исключение.

И эту недоработку, чувствую, он скоро исправит...

Лесное оживление не может не привлечь внимание «братков».

На лесосеке появляется первый лесовоз людей, живущих по понятиям.

Разведка...

Из кабины лесовоза вываливается амбал.

Нога в гипсе, костыль в руке.

Приехал сам «смотрящий» района.

Следом за ним коротышка, прихрамывающий на правую ногу.

«Шестёрка», исполнитель поручений.

Лесники безропотно грузят лесовоз.

Значит, предупреждены.

Но уехать им из леса не удаётся.

Ровно посередине пути, в десяти километрах от центральной дороги, застрял в осенней грязи лесхозовский лесовоз.

Второй, следовавший за ним, перевернулся.

«Братки» оказались в ловушке.

Хромому коротышке пришлось идти по разбитой колее в посёлок за помощью.

Операция спасения продлилась до утра.

На лесосеках они больше не появлялись.

Теперь гайки на колёсах крутить не надо

В середине девяностых, когда старая система рухнула, а контуры новой ещё не появились, махровым цветом расцвело воровство.

Тащили всё и вся.

Особенно прибыльным стал автомобильный бизнес.

Угоняли машины, разбирали на запчасти и продавали.

Замки и запоры не помогали...

По вечерам, поставив «Москвич» в гараж, я откручивал несколько гаек с колёс.

Остальные болтались на нескольких ниточках.

Однажды распекли на работе — не сдал вовремя отчёты.

Дали срок — в течение часа привезти.

Помчался в гараж.

Подобрал у дома совхозного шофёра, спешащего на приём к врачу.

Гипс с руки снять.

Камнепад я увидел поздно. Дорогу приморозило.

Резко затормозил, и двух колёс, как не было.

Машина легла на крышу.

Мне-то ничего, а с руки попутчика гипс, как ветром, сдуло...

Гори они синем пламенем, эти отчёты!

Машину поставил перед домом непомятой стороной.

— Чего так рано вернулся? — окликнула жена из окна.

— Надобности уже нет, — буркнул я.

Надобности не стало и в ежедневном откручивании колес.

Кто будет угонять помятую тачку?

На пожаре

В июле доморощенные предприниматели отмечали день рыбака в устье таёжной речушки Сёмги, на границе двух районов.

С фейерверками, со стрельбой из ракетниц.

Одна из выпущенных ракет упала на крутой склон сопки.

Пожар...

Рельеф сложный.

Технику не пустишь...

Власти соседних районов людей выделили в достатке.

Подняли полк, расквартированный в Аниве.

Чтобы выполнить разнарядку, военные собрали всех, свободных от службы.

Привезли даже дезертира.

В наручниках, с прикованной к ним двухпудовой гирей.

Куда его деть, если даже охрану мобилизовали на пожар?

Наверное, бедолаге после кавказской вольницы служба на Сахалине адом показалась.

Вот и решил сбежать в родные горы.

Парень грамотный...

Знал, что Сахалин от материка водной преградой отделён.

Вот и принял Лютогу за эту преграду.

Соорудить плот для переправы — дело нехитрое.

Воинская часть к берегу примыкает.

На берегу столько древесного хлама, строй — не хочу!

После отбоя переправился незаметно на желанный берег.

Сахалин позади, а на материке кто его будет искать?

Сидит, ликует у костра, горы родные вспоминает.

Каково же было разочарование, когда патруль привёз его обратно в полк дослуживать...

Служивым я выдал по ранцевому опрыскивателю.

Решил такой силищей голову у пожара отсечь.

Ребятам понравилась эта штука.

Брызгаться стали, носиться друг за другом...

Пока поднялись к голове пожара, в ранцах воды не осталось...

Нечем тушить кромку...

Пришлось спускаться обратно.

Километр по крутому склону с двухведёрным ранцем за плечами и для тренированных лесников работа нелёгкая.

А тут салажата...

Присмирели...

Наверх поднимались тихо, гуськом.

Третьего подъёма, чувствую, ребята не осилят.

Решил поискать воду в распадке, рядом с кромкой огня.

Ну, и отыскал крошечный родничок.

Из этой лужицы воду можно было черпать только кружкой.

Черпать поставил самого слабенького.

Пусть отдохнёт немножко.

Так всем миром и одолели пожар.

Солдаты уезжали с пожара неохотно...

Какая-никакая свобода!

Как Носик озеро приватизировал

Когда-то такого слова и не знали.

Теперь «приватизация» на слуху у всех.

Кто квартиру приватизирует.

Кто — предприятие.

Наш Носик с компанией замахнулся на озеро.

Но как это сделать?

Участок у дороги, откуда тропа начинается, быстро в оформление сдал (лесфонд-то свой).

У дороги решил построить небольшой отель.

У озера — культовое сооружение (что-то вроде часовенки).

Там, где оно и стояло во время японского правления.

В отеле «их» туристы, по задумке, могли отдохнуть, переодеться перед походом на озеро.

В часовенке — помолиться.

Умыться целебной водой.

Вернувшись, сдать полученную амуницию и сапоги.

Ну, и, естественно, оставить хозяевам живую валюту за радушный приём и сопровождение.

Дело в том, что озеро это не простое.

И не зря оно носит название — Императорское.

В начале двадцатого века на озере побывал наследник их императорской династии.

С тех пор озеро считается святыней.

Паломничество к нему продолжалось до победного сорок пятого.

Теперь, когда границы открыты, Носик решил возродить старые традиции...

Специально привёз старика японца.

Более шести десятков лет прошло.

Некогда обжитая площадь вокруг озера поросла пихтачом и бамбуком.

Казалось, и не найти следов культовой постройки.

Старик нашёл.

Бережно откопал плиту с иероглифами.

Помолился и вселил надежду на счастливый исход задуманного...

Прокурор, однако, наложил вето на участок у дороги.

Через него проходит правительственный кабель, а значит, у участка есть уже хозяин.

Тропа не приватизируется.

Вот если бы дорога...

Но дорогу строить в берегоохранной полосе закон не позволяет...

Не вышло и с приватизацией озера.

На карте, как напоминание, остался крошечный квадратик приватизированного участка земли на берегу озера.

Теперь уже никому не нужный...

Взыскания бывают разные

Работать начальником подразделения и не иметь взысканий?

Нонсенс!

Если ты ещё своему начальнику не нравишься?..

Считай, пропал.

Ну, что мне делать на партийном собрании, если я беспартийный?

Правильно — нечего.

Я и не ходок на такие мероприятия.

А мне строгий выговор с последним предупреждением — за игнорирование руководящей и направляющей.

В личном архиве этот приказ до сих пор храню.

Перед этим выговор за самовольное проведение лекции в школе — о правилах поведения в лесу.

Я даже справку из школы, заверенную печатью директора, к отчёту приложил.

А мне — выговор на основании той самой справки.

Чувствую, выживает меня Носик.

Вдруг правительственная телеграмма из Москвы, из лесного министерства в мой адрес.

Сердечно благодарят за службу русскому лесу и желают успехов на этом поприще.

Только что вышел мой сборник стихов «Пусть Сахалин остаётся зелёным».

Москва высоко оценила его.

Увольнение пришлось отложить.

У экологов есть чему поучиться

Нельзя уволить — можно сократить.

Провели реструктуризацию и закрыли моё лесничество, к крошечному Анивскому присоединив большое Брянское.

Мне же предложили повышение, — на север, с глаз долой.

Не пришёл ещё в себя после сокращения, как Бог услышал меня.

Спасение пришло в лице американского эколога Дэвида Гордона.

Его, вместе с молодыми волонтёрами из только что созданной общественной организации «Экологическая вахта Сахалина», привёл в мой дом старый знакомый — ихтиолог Сергей Макеев.

Им нужно было попасть на Императорское озеро.

Там начались промышленные рубки, и ребята горели желанием остановить их, спасти жемчужину юга Сахалина.

Попили чайку.

Поговорили.

Показал свои вырезки из газет и журналов на экологические темы.

— А ты говоришь, негде кадры брать! — обрадовался Дэвид Гордон.

Вопрос о моём трудоустройстве был решён на месте.

Значит, и переезжать никуда не надо.

В лесфонде своего лесхоза сначала чувствовал себя диссидентом.

От рубок очень страдали реки Шуя, Сёмга, Озёрная.

По их поймам прокладывались дороги, уничтожались нерестилища.

Серия моих статей «Когда умирают реки» имела большой резонанс.

За них я получил Диплом второй степени «За мужество в охране родной природы» по итогам четвёртого конкурса «Экология России».

Имея такую поддержку у экологов и в Рослесхозе, я решил вернуться в лесхоз.

Судите вы, граждане судьи

Пришла телеграмма от отца с Рязанщины:

«Мать в тяжёлом состоянии».

Попросил очередной отпуск.

Дали десять дней...

Приехал в родительский дом.

Мать в коме.

Время уезжать, а ей не лучше.

Попросил ещё десять дней, — бесполезно...

«Невыход на работу будет считаться прогулом со всеми вытекающими последствиями», — говорилось в телеграмме.

Дрогнул.

Прилетел на работу вовремя.

Одновременно сообщение: «Мать умерла»...

...От заготовки древесины, как и раньше, держусь подальше.

Пусть этим кооператив занимается.

Всё внимание сосредоточил на охране леса от пожаров, на работе с детьми в школьном лесничестве, питомнике, пропаганде...

Приехал руководитель ведомства с группой специалистов.

Спрашивают, почему заготовки леса не веду.

— Всё равно разворуют, — отвечаю.

— И кто главный вор?

— Будто вы не знаете!

Мои слова передаются Носику.

Приходит повестка из суда.

Судья вызывает для примирения.

Срок-то грозит не малый — от трёх до пяти лет (за клевету).

— Проще попросить прощения, — говорит судья.

Носик в чёрных очках, на скулах перекатываются желваки, ждёт...

— Вор должен сидеть, — упрямо заявляю я.

— Примирение не получилось, — вздыхает судья.

Носик молча уходит.

Экологи в восторге — появилась надежда привлечь внимание к трагедии сахалинского леса.

Тайное становится явным

К предстоящему процессу экологи подключили «Экоюрис» — специалистов из Москвы.

Чтобы доказать, что лес разворовывается, раздобыли справочники об экспорте леса.

Сколько и куда отправляется.

Данные в разы отличались от тех, что доводили до нас.

Я шокирован цифрами...

Если бы всё это шло в казну лесхоза, мы были бы одними из самых высокооплачиваемых специалистов в области.

Экологи реальные объёмы попытались определить с помощью спутника.

Но особенности растительного покрова юга Сахалина не позволили сделать этого.

Бамбук давал размытую картину.

Но и без этого собранных материалов было предостаточно для раскрытия чудовищной аферы с лесом.

Участковый, которому поручили вести моё дело, всё время давал полезные советы.

Суд назначили на двадцать девятое декабря.

А двадцать восьмого звонок — процесс отменяется.

— Причина? — интересуюсь я.

— Носик в Горячих ключах, он занят.

— Он у вас пахан, что ли? — не сдерживаюсь я.

Бросили трубку.

Утром являюсь в суд.

Пытаюсь выяснить, почему граждане судьи отказываются судить меня.

Тщетно...

Экологи разочарованы.

Затрачены огромные деньги, а процесс не получился...

Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...

Мой дом стоит у подножья самой высокой точки посёлка.

Стоит только солнышку скрыться за её вершиной, сразу наступает темнота.

С нею оживает птичий гам в высокотравье.

Хоть уши затыкай.

– Ну, сделай что-нибудь! – взмолилась жена.

– Что сделать-то?

– Швырни хоть полено в кусты, чтобы замолчали.

– Ну, ты даёшь, мать! Когда-то с тобой этого соловья до зари слушали, а теперь поленом...

На рассвете резко зазвонил телефон.

– Тебя, – протягивает жена трубку.

Знакомый металлический рокот Носика.

– Неделя срока, чтобы освободил квартиру. А от работы освобожу сам!

Пауза...

– Иначе ...издец!

Снова пауза.

– Это что, угроза? – сдержанно интересуюсь я.

– Понимай, как хочешь.

Минуту стою в оцепенении.

Перевожу взгляд на часы.

Четыре часа утра... Двадцать второе июня...

Значит, крепко задела моя статья...

И с каких пор он на рассвете прессу стал читать?

Статья, опубликованная в известной сахалинской газете, называлась «Дельцы от приватизации».

Коллектив попросил написать.

Даже бухгалтерия предоставила все необходимые данные.

...Дом, в котором я живу, построен на двух хозяев.

С одного торца моя квартира, с другого — лесничество.

Возвращаюсь под вечер из леса, а на въезде ограды шлагбаум стоит.

Возле него два лесника из соседнего лесничества.

— Извини, Михалыч, но приказ директора — на территорию тебя не пускать. Сказал, чтобы ты строил въезд к дому со стороны сопок.

Переговоры с лесниками закончились ничем, пришлось идти на таран...

На следующий день у себя в кабинете Носик ревел:

— В ногах будешь валяться, прощения просить — не прощу!

Перестройка в отдельно взятом лесхозе

Случилось неслыханное: в противовес Носику главным лесничим назначили специалиста, имеющего звания «Лучший лесничий России» и «Лесничий первого класса».

Правдами-неправдами старался Носик выжить его.

Новый главный на медведя один на один не раз ходил!

Всё больше у него сторонников.

Всё труднее Носику вести свой чёрный бизнес.

Новый главный и за чёрные рубки взялся по-чёрному.

— Раз ты такой праведник, защитник леса, покажи на личном примере, какими эти рубки должны быть, — обратился он ко мне.

Предложение принимаю.

Но и сам главный с этих рубок не вылезает.

Лесникам, привыкшим к бесконтрольности, это как кость в горле.

Но подчиняются.

Главный пригрозил — не будет качества, рубки прикроет вообще...

Прошло две недели.

На лесосеку любо-дорого посмотреть — настоящий парк!

— Так и продолжайте, — напутствует лесников главный. — У меня и другой работы по горло.

Он уехал, а Носик приехал...

Поднятые по авралу бригады за выходные этот парк выкосили и вывезли в неизвестном направлении.

Главный лесничий вызывает проверку сам на себя.

Беспрецедентный случай — едет сам генерал, во всём поддерживающий главного.

Новый прокурор возбудил дело о проданном джипе и топливе.

Фактов было предостаточно.

Они потянули на целых шесть лет.

Правда, условно.

Да и приговор вынесли, когда уже лесхоз прекратил своё существование

«Ходоки» в депутаты

Девяностые подходили к концу.

Крепла власть, крепли правоохранительные органы.

И потянулись новые русские в депутаты за иммунитетом.

Коллектив выдвинул Носика, по его просьбе.

Но он не прошёл.

В ДТП погиб лесничий, что рубки вёл.

Естественно, в таких случаях делается ревизия подотчёта лесничего.

Для передачи материальных ценностей.

Выявили нехватку шестисот кубов леса.

Дело принимало нехорошую окраску.

И не избежать бы Носику отсидки, если бы таможня в эти дни не задержала партию кругляка без документов.

Этим ребятам он и продал документы, как Чичиков мёртвые души.

Пока Носик отдыхал в Горячих ключах, вскрыли его сейф.

Исчезли вся валюта и документы. Стали собирать компромат...

Часть третья. А ВСЁ-ТАКИ ЛЕС БУДЕТ ЖИТЬ...

Двоевластие

Вот и дождались нового Лесного кодекса.

О лесной охране ни слова.

Была — и нет её.

Кто будет лес охранять?

Старая система распускается, новая создаётся...

Двоевластие...

Кого ставить во главе лесничества?

Выбор пал на молодого специалиста с фамилией Трусс.

Когда надо, Трусс может быть очень серьёзным и рисковым.

В первые месяцы он лихо справился с производственным планом, трещавшим по швам.

На закладку питомника у нас не меньше месяца уходит.

Раскорчевать поле, вспахать его, нарезать грядки, промульчировать почву...

На этот раз не успели.

Трусс пикничок организовал на дальнюю лесосеку — в разгар веселья женская команда из счётных работников семена по волокам и раскидала.

Растите, ёлочки, большие-пребольшие!

Чем не питомник?

Всходы пусть матушка-природа лелеет...

Благодарные счётные работники и к другим шалостям любимца отнеслись с пониманием.

Так появились «бумажная» подготовка почвы и недостающие гектары лесных культур...

План был сделан.

Не выходя из кабинета.

Но погеройствовать Труссу не дал военкомат.

Призвал на службу на два года.

В лесничестве после него остался гигантский кабинет.

Теперь в нём размещается весь штат лесничества.

И я в том числе.

Наша Наташа

Новая структура оказалась настолько бумажной, что все подразделения в этих бумагах увязли с головой.

Знай только пиши!

Наше подразделение возглавила женщина.

«Наша Наташа», — звали мы её.

Лесной генерал смотрел снисходительно.

– Пусть поработает и.о., пока замену не найдём, или пока прежний из армии не вернётся...

Доработала год наша Наташа – тишина...

К «и.о. лесничего» добавилось «и.о. главного лесничего».

Ждёт генерал свежие кадры, а их всё нет.

Закончился год, наверху удивление: столько лесничеств план завалили, а у двойного «и.о.» полный «о'кей»!

И даже арендаторы не ушли.

Их удержать ой как трудно!

Где аренда, там техника, люди, деньги...

Значит, и план.

Теперь наша Наташа работает без всяких приставок.

Второе дыхание открылось.

Её в книгу Гиннеса можно заносить – самый старый лесничий в России!

Хотя сама она говорит: не старый, а мудрый...

Не зря лесная охрана свой хлеб ест

Лесная охрана уже уволена...

Лесничие старой структуры дорабатывают последние месяцы...

На лесосеку повадился лесной вор.

Рейды, засады – всё напрасно.

Решили в последний раз сделать проверку для очистки совести.

Поколесили по лесным дорогам – всё чисто.

Лишь промёрзли основательно.

Зашли погреться в вагончик арендаторов, что на развилке двух дорог стоит.

Только разделись, с лесхозовской деляны мимо вагончика гружёный лесовоз промчался.

Вдогонку за ним.

— Ваши документы!..

Показывает.

Накладная в порядке — объём, дата, всё соответствует...

И подпись начальника лесопункта.

Надо отпускать...

Но чувствую, что-то не так...

Занервничал шофёр.

И сразу мысль озарила.

Мы же только что именно на этой лесосеке были!

Всё там снежком заметено.

А машинист погрузчика, как и мы, у печки грелся.

Без него и полена не погрузишь.

Вручную можно загрузиться только на лесхозовских рубках ухода.

Вызвали ОБЭП.

Проверили, — следы автотранспорта оттуда.

А накладная — от арендаторов.

Шофёр, которого арендаторы на вывозку наняли вместе с лесовозом, кроме рейса для работодателя, делал ещё один, — для себя.

Используя накладную с первого рейса.

Загружался втихаря у соседей, когда те уезжали с лесосеки на ночёвку.

С реализацией украденного проблем не было.

Десяток пилорам в районе.

«Нет, не зря лесная охрана свой хлеб ела, — подумал я. — А её распускают...»

С кем не бывает...

Чехарда с оптимизациями и реструктуризациями производства привела к тому, что даже на лесном Олимпе стали появляться случайные люди.

И от их директив и «указивок» у специалистов от удивления глаза из орбит полезли...

Одним из них был грозный запрет на рубку пихты белокорой, основной лесообразующей породы на Сахалине.

Лесозаготовители взвыли: как не рубить, если насаждения наполовину из неё состоят!

Прокуратура рьяно взялась следить за исполнением «белокорой» директивы на местах.

«Может, это всего лишь шутка? — подумал я. — Дай-ка проверю...»

Ну, и проверил...

Закрыл при проверке лесосек нарушение отпуска леса.

Три срубленных пихты...

Что тут началось!

Прокуратура организовала свою проверку.

ОБЭП — свою.

Бедные пеньки фотографировали в фас и в профиль.

Столько топлива пожгли!

Столько средств государственных вбухали!

Лесозаготовитель объяснения строчит.

Мы объяснения строчим.

И каждый голову, как страус в песок, прячет, боится сказать, что король голый!

Что перепутали белокорую пихту с пихтой, растущей на Камчатке.

Она действительно нуждается в охране.

Потому что осталось её всего несколько сотен.

Провал лесозаготовок в том году был огромным.

И «указивку», в конце концов, отменили...

Очень тихо.

Коротенькой бумажкой с мелким-мелким шрифтом.

Арендаторы – народ ушлый

Изменилась структура предприятия — изменилась и форма контроля.

Раньше контролировали нас.

Как рубки ведём.

Как посадку.

С охраной как...

Теперь контролируем мы.

Арендаторов.

Они хозяева леса на двадцать пять лет.

За всё — с них спрос.

Один из арендаторов — бывший директор нашего лесхоза.

Перед проверкой «сверху» сделали свою, рейдовую.

По соблюдению договорных обязательств. На другую права нет.

У всех арендаторов полный ажур, а наш бывший опять фортель выкинул.

Погрузочную площадку устроил на полянке, поросшей черёмухой айнской.

Краснокнижной черёмухой.

Двадцать восемь деревьев ножом бульдозера сгрёб в отвал.

В фотоаппарате у меня сели батарейки.

Приехал на следующий день, но ничего понять не могу.

Чисто на погрузочной площадке.

Ни вершков, ни корешков от черёмухи айнской.

Значит, и лесонарушения нет.

Только спустя год я узнал, как он обвёл нас вокруг пальца.

Выкопал глубокую траншею. В неё трелёвщиком всю черёмуху стащил, а копань бульдозером проутюжил.

Даже несколько деревьев посадил на краснокнижной могиле.

Круг замкнулся

Ругают арендаторов за дело.

Но если присмотреться повнимательнее к ним, в аренде не всё плохо.

Народ пришёл денежный.

Есть и мощная техника, и кадры подготовленные...

И желание работать тоже есть.

Появились неплохие дороги.

Теперь лесной массив лесничества ими разбит на отдельные секторы.

И в случае пожара технику можно перекинуть в любую точку.

Изолировать источник загорания на отдельном участке...

Неплохое лесовосстановление у них.

Всё это договором аренды предусмотрено...

У лесников денег никогда не было.

Техника допотопная.

К тому же мы были сами себе хозяева.

Сами рубили.

Сами себя контролировали.

И доконтролировались...

С контролем, правда, и сейчас не всё благополучно.

Плановая проверка раз в три года.

Чаще федеральный закон не позволяет.

Можно — внеплановую...

Но её только по постановлению прокурора...

Постановление прокурор даёт только по фактам...

А факты...

Круг замкнулся.

Экспериментаторы

Кто придумал такое умелое разделение труда, доселе неизвестно.

Негоже лесничему и инспектору леса тушить.

Пусть специалисты этим занимаются, то бишь МЧС.

Им и денежных средств государство отвалило.

На пожарную технику, кадры, на то да сё...

Держись теперь, огненный петух!

А он возьми да разгуляйся!

Техника у МЧС есть, а куда направить её, никто толком не знает.

Люди есть, а с какой стороны к пожару подойти?

Заполыхала Россия!

У лесничих сердце кровью обливается.

Увидел я столбик дыма над лесом и туда...

Рванулся и застыл на месте.

Сначала оповестить надо тех, кому тушение поручено.

Да и на тушение у меня допуска нет...

Я родился в посёлке Курша-2 — сто восемьдесят километров южнее Москвы.

Она стояла на месте первой Курши, сгоревшей от лесного пожара в тридцатые годы прошлого века.

Вместе с ней сгорели около тысячи человек.

Об этой трагедии напоминали только братские могилы в окружении голубых елей.

Огонь вновь прошёлся и по Курше, и по братским могилам...

Сколько таких курш оказалось в огненной осаде в тот год!

Обожглись наверху, как следует, и вновь противопожарную профилактику вернули в лесничества.

Тушение пожаров будет вестись под руководством лесных специалистов.

И допуск на тушение они получают заранее...

Жаль, кадры уже ушли.

Нет больше лесной охраны.

Воссоздать её не годы, десятилетия потребуются.

Лесная охрана — это не только профессия.

Это и образ жизни.

Где опыт передаётся из поколения в поколение.

От отца — к сыну. От сына — к внуку...

Это называется лесная династия.

Таких династий, увы, почти не осталось.

«Я его слепила из того, что было...»

Кадров нет, а работать надо.

Пополнение пришло любопытное.

Юрист, учитель истории, журналист.

Большинство из новичков лес видели только на картинках...

Первые дни работы — сплошной анекдот.

Дают новичку напечатать предписание подрядчику: «Очистить полосу отвода от порубочных остатков в урочище реки Партизанки».

А урочище написано сокращённо — «ур.».

Печатает «Очистить полосу от воды у реки Партизанки».

Подрядчик возмущается и недоумевает:

— Ковшом экскаватора, что ли, воду из реки вычёрпывать?

Есть у нас в лесном хозяйстве такой термин «уход за подростом».

Вот и печатает новичок в отчёте, как ему понятнее — «уход подроста с лесосеки».

Сверху звонят:

— И куда у вас подрост с лесосеки ушёл?

Но кто хочет учиться — научится.

Тем более компьютеры новички лучше аборигенов знают.

Получился неплохой симбиоз.

Так и слепила не торопясь коллектив наша Наташа.

А с этого «отморозка» что взять?

Лесная охрана отвечала за все леса в районе.

Свои леса горят, совхозные — разницы нет.

Ранец за спину, в пожарную машину и — вперёд...

С порубками то же самое.

Леса нашей Родины ведомственных барьеров не должны знать.

Теперь всё по-другому.

Даже в удостоверении прописано «контроль только в лесфонде своего лесничества».

Инициатива не приветствуется.

Если увидел что-то, сообщи по инстанции, а сам ни-ни...

Пока будешь сообщать, от лесного браконьера и следа не останется.

Последние годы стали досаждать граждане Китая.

По берегам нерестовых рек Сахалина появились десятки теплиц.

Каждая под сотню метров длиной.

И на каждую по тысяче деревьев срублено, здесь же, в пойме реки...

Обезлесели поймы Лютоги, Тараная...

Две тысячи четыреста срубленных деревьев насчитал только в окрестностях села Высокого, в китайском минигородке из десятка теплиц.

А как наказать?

С одной стороны, леса не наши.

С другой, нет такс для расчёта ущерба.

Местная власть не хочет принимать их по каким-то причинам.

Нет такс, нет и ущерба.

Нет ущерба, какое же это лесонарушение?

Тут новая порубка.

На берегу речки Брянки.

Плюнул и пригласил для помощи экологов.

Они сразу в Интернет и материалы, и фото.

Во все газеты, по всем местным программам телевидения.

Письма министру, губернатору, в прокуратуру.

Китайцев выслали, хозяев их оштрафовали.

И эпидемия рубок сразу затихла.

Цунами взысканий прокатилось и по ведомству.

Губернатор потребовал объяснений от министра, министр — от директора лесничества.

Директор вынес устное несоответствие лесничему...

Не знаю, правда это или нет, но в мой адрес было сказано: «А с этого отморозка что взять?»

Передал лестные отзывы о себе экологам.

— Побольше бы таких «отморозков», больше бы порядка в лесу было, — ответили они мне...

Русский лес будет жить

За многолетнюю службу в лесном ведомстве у меня есть награды.

«Почётный работник леса», знаки: «10», «20», «30 лет службы в лесной охране», звание «Лесничий 2 класса».

Имею высшее образование, был на курсах повышения квалификации.

...Но наша отрасль, наверное, единственная в стране, которая при оплате труда такие заслуги не учитывает.

В лесничестве зарплата у всех инспекторов одинаковая.

Отмечен ведомственными наградами и знаками или не отмечен.

Десятилетка у тебя за спиной или две «вышки».

Пятнадцать тысяч на руки, и живи, как хочешь.

Казалось бы, и стимула у людей нет совершенствовать своё мастерство...

Как бы не так!

Из восьми сотрудников лесничества — трое учатся.

Ещё один только что получил высшее образование.

И эту тягу к знаниям ни мизерной оплатой, ни нелёгким трудом не отнять.

Не перевелись ещё люди на Руси, для которых деньги не самое главное.

Есть у нас участковый лесничий.

Молодая женщина. Специалист.

Приехала полтора года назад.

Зарплату со всеми накрутками положили десять тысяч.

А за наём квартиры надо платить двенадцать...

Не растерялась.

Сначала пошла на путину.

Денег хватило на год работы в лесничестве.

За год доросла до участкового лесничего.

И пока такие фанатики в лесной отрасли есть, русский лес будет жить.

Содержание

ТАЁЖНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

рассказы

Находки в дровах 4
Рэкетирша 5
Тихая охота 7
Орланы рыбачат 8
О понимании 9
И не надо забор городить 11
Таёжный спектакль 13
Гостья из Арктики 15
И реки могут гореть 16
Двойной тягой 18
Танцующий залив 19
Квартиранты 20
История с лисом 22
Белка-бомж 23
Комар носа не подточит... 25
После дождя 26
Синоптики 28
Исход 29

Добро пожаловать! 30
Топ-топ 33
Искупался 34
Мамаша 36
Спасительная лесенка 38
Животноводы 39
Когда не хватает ласки... 41
Под зимней радугой 42
Древесные гормоны 44
Плюсовое дерево 45
Ох, уж эти горе-строители... 46
Одним болотом стало больше 47
Чудо-буравчик 48
На какой высоте шапка слетает? 49
Грибы-хитрецы 50
Огонь добывать можно и трением 51
Закрытое открытие 53
Привод для пилорам 54
Чан 55
История с кедровыми орешками 57
Грубая сила 58
Приятные хлопоты 59
С выдрой ухи не сваришь 61
Встреча на галечнике 62
Поводырь 63
Цапля 64
Злопамятная крыса 65
В медвежьем углу 67
Дятлы 68

Ледяной гусь 70
Старая японская пила 72
Пихта белокорая 73
Попробуй, разберись 74
Угадайка 75
Рыжий хитрован 77
Под яблонькой 78
Руса 80
Чудо в зимнем лесу 81
Южные и северные 82
Чага 83
Тревожные костры 85
Память сердца 86
У зимовья 87
Тепло почувствовали 88
Чамгу 90
Солнечная птица 91
Вопреки приметам 92
Морячка 94
Час расплаты 95
Страшная месть 96
Вальдшнепы 97
Птичьего гриппа испугался 99
На краба 101

КАБАРЖОНОК ПИМ

повесть

Часть первая. Детство

Двумя олешками в тайге стало больше 104
Богатые наследники 106
Первая опасность 109
Какие же мы красивые! 112
Новый друг 114
Урок ботаники 118
Язык леса 121
Не стало Пимочки 124
Так уж устроен мир 126
Гон 128
В браконьерской петле 131

Часть вторая. Жизнь продолжается...

Голод 134
Плач сеноставки 136
После пурги 137
Заячьи свадьбы 139
Стожок 140
Крылатые парикмахеры 143
Дружба с сойкой 145
В тайгу пришли лесозаготовители 147
Плен 151
Новая жизнь 153
Свобода 156
Ещё один друг 158
Посвящение в мужчины 160

САГА О ВИШНЁВОМ ЛОСОСЕ

повесть

Часть первая. Перед решительным броском

Сима идёт на нерест 164

Последняя добыча,
Или знакомство с Сим-Симом 165

Сим 167

Симач 169

Вишенка и её страшная тайна 171

Симочка 173

В добрый путь! 175

Часть вторая. Дорогой потерь

На отстое 176

Неудавшаяся охота 178

Сим уходит в небо 179

Несбывшаяся мечта 181

У водопада 183

На родовом участке 185

Перед обрядом бракосочетания 187

Свадебный обряд 189

Последние дни Симочки 190

Смертию смерть поправ 192

Эпилог 193

АНИВСКАЯ ПЛЕННИЦА

повесть

Часть первая

Анивская пленница 196
Таечка пытается разобраться
в родословной 198
Ждите, соседи, женихов и невест 201
Конфуз 202
Кто кого?.....205
Когда совпадают вкусы 207

Часть вторая

Родовое гнездо 210
Вечные кочевники..... 212
Среди живой истории..... 214
Новосёлы 216
«Кулибин» 217
Встреча с рыбой фугу..... 218
Три года спустя.....220
Эпилог 221

ЛЕС – ДЕЛО ТЁМНОЕ

повесть

Часть первая. От застоя до перестройки

Лучший подарок — это ты 224
Знакомство с коллективом 225
Ультиматум 228
Как я корову покупал 230
Будем брать... 233
Ангелы-хранители леса 235
Лесопитомник 237
Да минуют нас гнев и милость Божии... 238
Не зря рисковал 241
Марыся 243
Как я получил в первый раз Почётную грамоту 245
Кулибины 247
Своя машина 249
Первая зелёненькая 251
Шапочное знакомство 253
С пьянством, оказывается, можно бороться 254
Когда директор без штанов... 257
Обогащайтесь... 258
Мы выбираем директора 259
Афера 262

Часть вторая. Бандитские девяностые

Золотой треугольник 264
Были лесники — стали рыбаки 265
Лес — дело тёмное 267

Мафии приглянулся наш лес 268
Теперь гайки на колёсах крутить не надо 270
На пожаре..... 271
Как Носик озеро приватизировал.....273
Взыскания бывают разные 275
У экологов есть чему поучиться.....276
Судите вы, граждане судьи.....278
Тайное становится явным.....279
Двадцать второго июня,
ровно в четыре часа... 280
Перестройка в отдельно взятом лесхозе.....282
«Ходоки» в депутаты 284

Часть третья. А всё-таки лес будет жить...

Двоевластие.....285
Наша Наташа 286
Не зря лесная охрана свой хлеб ест.....287
С кем не бывает... 289
Арендаторы — народ ушлый 290
Круг замкнулся 292
Экспериментаторы 293
«Я его слепила из того, что было...» 294
А с этого «отморозка» что взять? 295
Русский лес будет жить.....297

Анатолий Михайлович Орлов

У леса тайны есть свои

Рассказы
Повести

Редактор А. Сафонова
Корректор И. Остапенко
Дизайнер Е. Фадеева

Сдано в набор 11.12.2013
Подписано в печать 31.12.2013
Формат 84x108/32
Гарнитура «LiteraturnayaC»
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 16,17 + вкл. 0,84
Тираж 150 экз.

Издательство ИРОСО

693020, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 111
Тел. (4242) 72-21-92, факс 72-25-01
E-mail: iroso_izdat@inbox.ru